

[Polaris]

В. Никифоров-Волгин

ТАЙНЫ НАРВСКИХ
ПОДЗЕМЕЛИЙ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXI

Salamandra P.V.V.

**В. Никифоров-
Волгин**

**ТАЙНЫ
НАРВСКИХ
ПОДЗЕМЕЛИЙ**

Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Никифоров-Волгин В. А.

Тайны нарвских подземелий: Роман в двух частях (Факсимильное издание). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 48 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXI).

Действие небольшого «сенсационного романа» В. Никифорова-Волгина происходит в предреволюционные годы. Студент Воеводин, несправедливо обвиненный в изнасиловании и гибели собственной невесты, становится подпольщиком-экспроприатором и безжалостным мстителем. Революционной организации Воеводина и его соратников противостоит знаменитый сыщик Путилин.

Роман «Тайны нарвских подземелий» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

НАРВСКИЙ ЛИСТОКЪ

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА: Нарва, Вышгородская ул. (Suur tän.), д. № 23. Контора открыта съ 9—4 ч.
ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Нарва, Вышгородская ул. (Suur tän.) № 1, книжный магазинъ н.а.с. А. Г. Григорьева. Тел. № 150.

Выходить два раза въ недѣлю:
по вторникамъ и субботамъ.

Подписная плата:		1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Въсѣхъ департаментовъ.....	60 мар.	110 мар.	170 мар.		
Съ доставкой по почте.....	65	120	180		
Однѣмъ на 1 мѣс. съ 1 копѣею на 4-хъ стрѣнкахъ.....	3	5	8		
Однѣмъ на 1 мѣс. съ 1 копѣею на 4-хъ стрѣнкахъ.....	3	5	8		
Однѣмъ на 1 мѣс. съ 1 копѣею на 4-хъ стрѣнкахъ.....	3	5	8		

№ 1 (230). НАРВА. Пятница, 1 января 1926 г. XXIII годъ изданія. Цѣна номера 7 мар.

Тайны Нарвскихъ подземелій.

(Романъ въ двухъ частяхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Крикъ совы.

На старой средневѣковой ратушѣ городскіе часы пробили двѣнадцать часовъ ночи. Ушло, какъ похоронный звонъ, расплылись звуки надъ маленькими спящими улицами города Нарвы, поминившимъ времена ливонскаго рыцарства и католической инквизиціи.

Надъ городомъ стучались облака, угрожавшія снѣгомъ грязной осенней землѣ. Сгибались отъ ледяного вѣтра обнаженные деревья. Глухо ревѣлъ водопадъ.

На вокзалѣ, въ ожиданіи подхлѣбавшаго пѣтербургскаго поѣзда толпились озлябіе начальникъ станціи, носильщики, жандармъ и нѣсколько человекъ публики.

Когда остановился поѣздъ, изъ вагона третьяго класса вышелъ молодой человекъ въ студенческой шинели и форменной фуражкѣ, лихо закинутой на затылокъ.

Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые не теряются въ толпѣ и не проходятъ незамѣченными.

Очень высокий, широкоплечій, красивый своеобразной русской красотой, обвѣянной неоглядностью русскихъ степей, широтой великихъ рѣкъ и буйнымъ шумомъ старорусскихъ лѣсовъ. Всѣ его движенія носили характеръ чистой неразвѣянной молодости, крѣпкого здоровья и богатырской силы.

Жандармъ, взглянувъ на студента, не могъ удержаться, чтобы воскликнуть не замѣтитъ:

— Настоящій Стенька Разинъ!

Пройдя крѣпкими широкими шагами черезъ перронъ, студентъ вышелъ на улицу и свернулъ къ Іоакимсталскому проспекту, скупому освѣщенному фонарями.

Не доходя трактира „Карсъ“, откуда доносились звуки разухабистой гармоникки и пьяныхъ пѣсенъ, навстрѣчу студенту изъ темнаго переулка вынырнула сутулая фигура человека невысокаго роста, кото-

рая радостно, басомъ воскликнула: — Ба! Кого я вижу?! Мишка Воеводины! Ты какими судьбами въ сихъ горемычныхъ палестинахъ? Здорово дружище! Вотъ не ожидалъ!

Студентъ, котораго назвали Воеводины, сперва опѣшилъ отъ этой неожиданной встрѣчи, а потомъ обрадовался, узнавъ своего хорошаго друга Виктора Преображенскаго, воспитанника Рижской духовной семинаріи, съ которымъ былъ связанъ прекрасной неразрывной дружбой.

— Витя! Другъ сердешный! Здорово. Откуда это ты, бредешь якотать въ ношѣ? Почему не въ Ригѣ? — спрашивалъ Воеводина, обнимая своего друга.

Викторъ махнулъ рукой, и, не отвѣчая на вопросы, сказалъ:

— А ты, конечно, къ Иринѣ прѣхалъ, и лукаво улыбнулся, погрозивъ шуточно Воевдину пальцемъ.

— Скоро, поди, свадьба?

— Скоро! Ради этого къ ней и прѣхалъ! — просто отвѣтилъ Воеводина и освѣтился хорошей ясной улыбкой, безъ словъ говорящей, что этотъ большой сильный человекъ безмѣрно счастливъ.

— Счастливецъ... — вздохнулъ Викторъ, — а я, вотъ, запыль...

— Что? — встрепенулся Воеводина. — Запыль? Это ты-то, тихоня, запыль? Съ какой радости?

— Не слышалъ? Меня за политическую неблагонадежность изъ духовной семинаріи на дняхъ выгнали! Съ волчьимъ паспортомъ! Я теперь на манеръ прокаженного, которому нѣтъ мѣста среди добродѣтельныхъ людей.

Изумленіе и жалость огразили на лицѣ Воеводина. Онъ долго молчалъ, не зная, что сказать въ утѣшеніе своему несчастному другу. Съ тихой дружеской тревогой онъ спросилъ Виктора:

— Что-же, ты, будешь дѣлать?

Викторъ криво улыбнулся, нервно взявъ Воевдину за пуговицу шинели, и страстно, съ klokoчущей ненавистью въ голосъ, заговорилъ:

— Что я буду дѣлать? Въ полночь уйдя! Террористомъ задѣлаю! Твой тихій религіозный другъ будетъ бросать бомбы подъ кареты министровъ, губернаторовъ и богатыхъ людей... да... да... Безъ жалости буду стить имъ! За слезы радости, за блѣдныя лица дѣтей рабочихъ, живущихъ безъ солнца и радости, за нѣжные цвѣты правды

Христовой, затоптанной грязными сапогами... Грознымъ неумолимымъ истителемъ я буду врываться къ самоодовольнымъ, сильнымъ людямъ, забываямъ меньшую свою братію, и маленькой взрывчатой игрушкой отниму отъ нихъ солнце, радость, славу и богатство... Я... я... твой тихій другъ... воспитанникъ духовной семинаріи... ха-ха-ха... будущій священный превратится въ террориста!

Такъ много хотѣлось Воевдину возразить на эти безсвязныя, юношески страстныя слова, но, когда увидѣлъ, что въ глазахъ Виктора слезы и огненная вѣра фанатика въ свое призваніе, онъ смолчалъ.

На прощанье Викторъ посоветовалъ Воевдину для сокращенія пути идти берегомъ мимо стариннаго замка на Ивановскій форштадтъ, гдѣ жила невѣста Воеводина — сирота Ирина Зиминая, скромная конторщица торговаго отдѣленія богатой пѣтербургской фирмы Сычугова.

Воеводина послушался совѣта Виктора и свернулъ къ берегу. Крѣпкимъ осеннимъ сномъ спитъ Нарва. Ни огонька въ окнахъ. Темнымъ силуэтомъ выдѣляется мрачный замокъ ливонскихъ рыцарей.

Далею вѣковъ вѣсть отъ сѣдыхъ прострѣленныхъ стѣнъ.

Когда проходишь мимо этихъ стѣнъ, душу посѣщаетъ раздумье, вызванное давностью лѣтъ и той мудрой каменной тишиной, какая всегда стоитъ около старыхъ замковъ, церкви и крѣпостей.

Ушла жизнь. Смолкли бранные клики смѣлыхъ рыцарей, полковъ Петра Великаго и Карла XII. Все окаменѣло, умолкло, ушло въ Лету, лишь древняя рѣка Нарва продолжаетъ разсказывать о былыхъ годахъ, о былыхъ людяхъ, о былыхъ битвахъ. Около каменныхъ вѣковыхъ стѣнъ слышенъ тихій шопотъ красивыхъ, перевитыхъ печалью, старыхъ легендъ.

Воеводина проходитъ мимо черныхъ стѣнъ замка. Унылый осенній вѣтеръ завываетъ въ его опустѣлыхъ мертвыхъ нѣдрахъ. Жуткое глядитъ въ опустѣлыя окна. Сухими костями мертвецовъ скрипятъ у замка старыя деревья.

Кто-то прошлепѣлъ въ молчаливыхъ стѣнахъ, словно демонъ встряхнулъ своими черными крыльями.

Воеводина остановился, и вдругъ его слуха коснулся жуткій неприят-

ный крикъ совы изъ черныхъ впадинъ замка.

Онъ былъ хладнокровнымъ человекомъ, но этотъ неожиданный крикъ ночной птицы заставилъ его вздрогнуть, потерять самообладаніе и поблѣднѣть отъ ужаса.

Когда-то, въ дѣтствѣ, зимнимъ вечеромъ, старая няня разсказывала маленькому Мишѣ, что ночной крикъ совы предвѣщаетъ большое несчастье тому, кто его слышалъ.

Стараясь не думать о этой старой примѣтѣ, Воеводина запыль веселый мотивъ изъ оперетки „Гейша“, но этимъ онъ не могъ отогнать съ души черныхъ птицъ предчувствія.

— Что-же это такое? — не могъ понять онъ: — на душѣ было такъ спокойно, и вдругъ тревога...

Первая мысль, которая пришла ему въ голову, была о Иринѣ.

— Жива-ли она?

И сейчасъ-же онъ постарался забыть эту мысль.

Пробовалъ улыбнуться, но на душѣ стало еще страшнѣе.

Всѣмъ существомъ своимъ онъ, вдругъ, почувствовалъ ледяное дыханіе ужасной, неотвратимой бѣды.

Словно избѣженный кѣмъ-то вѣщимъ о неминуемой опасности род-

ного, любимаго человека, Воеводина бѣжитъ къ знакомому домику Ирины Зиминной, наткнется на камни, попадая въ грязныя осеннія лужи и обращая на себя вниманіе горожанъ.

Быстрымъ бѣгомъ онъ старался заглушить страшный крикъ совы, не думать о немъ, а онъ не умолкалъ, накликалъ несчастье.

Вотъ улица Ирины съ маленькими мѣшанскими домиками.

Тускло горитъ одинокій фонарь. Въ груди Воеводина тревожно бьется сердце.

Кто-то настойчивый зоветъ его, молить и плачетъ:

— Скорѣе... скорѣе...

Гулко стучать сапоги по камнямъ мостовой.

Черезъ пять-шесть домовъ и Воеводина былъ бы у цѣли, но въ это время его окликаетъ чей-то властный и хриплый голосъ:

— Ни съ мѣста! Стрѣлять буду! Кто такой?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отвѣтств. редакторъ В. С. Степункъ.
Издатель Н. А. Барановъ.

ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ.

(Роман в двух частях).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

2.

Черный автомобиль.

Воеводин обернулся. Навстрѣчу ему шла темная внушительная фигура городского. Пришлось остановиться.

Вплотную подошел толстый городской. Свѣтъ тусклого фонаря освѣтил багровое лицо съ выпуклыми рачьиими глазами и длинными щетинистыми усами. ?!

— Что вамъ надо, чертъ возьми? — вытѣсь себя отъ негодованія спросилъ Воеводинъ.

— Не ругайся! — спокойно отвѣтилъ городской. — Зачѣмъ бѣжишь, какъ преступникъ?

— Я не преступникъ, а студентъ Петербургскаго университета!

— Скунбенты то и есть преступники! — ухмыльнулся городской. — Недавно арестовали мы одного изъ вашего брата. Батюшку, отца Симеоня, изволите знать? Такъ вотъ его сына, студента. Прокламации нашла. Вотъ и поди ты — сынъ священника, а государственный преступникъ!

— Я васъ очень прошу не задерживать меня!

— Что это вы такъ дрожите и блѣднѣете, словно челоѣка убили? Воеводинъ начиналъ терять терпѣніе.

— Отпустите меня! Я ни въ чемъ не виноватъ... Вы понимаете: бывають предчувствія... Я шель мимо замка и услышалъ крикъ совы... Меня охватило предчувствіе... Да поймите-же вы, поскорѣе! — безсвязно объяснялъ Воеводинъ свое душевное состояніе, досадуя, что городской не можетъ понять его.

— И понимать нечего! Подозрительный вы челоѣкъ! — невозмутимо строго отвѣчалъ городской, вздрагивая щетинистыми усами. — По долгу службы, и во имя закона я долженъ препроводить васъ въ полицію... Теперь у насъ строго.

Въ то время, когда Воеводинъ стоялъ съ городскими и спорилъ, мимо нихъ, вдругъ, промчался чернѣйшій автомобиль.

Городской вздрогнулъ и перекрестился: — Уфъ! Никого не боюсь, а вотъ къ этой проклятой машинѣ не могу привыкнуть. Диковинка у насъ въ Нарвѣ — тобили-то... Сычуговъ, господинъ, проѣхалъ, — почтительно добавилъ городской: — миллионеръ! За городъ, ѣздилъ... хе-хе хе... въ „Веселый домъ“ къ кралямъ...

— Сычуговъ? — переспросилъ Воеводинъ и вздрогнулъ, словно не автомобиль промчался передъ нимъ, а самъ демонъ блеснулъ своими глазами.

— Это не тотъ Сычуговъ, у котораго здѣсь торговое отдѣленіе.

— Да, тотъ! — отвѣтилъ городской.

Въ головѣ Воеводина зазѣблись острыя мысли, отъ которыхъ было душно и пусто на душѣ.

— Почему автомобиль проѣхалъ по этой глухой улицѣ, гдѣ живетъ Ирина?

— Почему Сычуговъ не въ Петербургѣ, а въ Нарвѣ?

Съ отчетливой ясностью Воеводину припомнились слова Ирины, сказанныя ею лѣтомъ въ Усть-Наровѣ, что Сычуговъ, увидѣвъ ее въ курзалѣ на концертѣ, улекаясь ею и часто надѣдалъ своимъ ухаживаніемъ.

На эти слова онъ не обратилъ тогда серьезнаго вниманія, зная, что за Ириной, какъ за интересной дѣвушкой, ухаживало много, но сейчасъ, когда передъ глазами промчался чернѣйшій автомобиль Сычугова, сердце Воеводина настойчиво забило тревогу, и голову обожгла мысль:

— Сычуговъ былъ у Ирины... Зачѣмъ?

Въ душу вошла ревность, помрачающая умъ и дѣлающая челоѣка неукротимымъ жестокимъ звѣремъ. — Такъ идемъ, г. студентъ, чло? — сказалъ городской.

Вмѣсто отвѣта Воеводинъ съ силой отбросилъ его въ сторону, и пока тотъ поднимался съ земли и

приходилъ въ себя, онъ не бѣжалъ, а летѣлъ, какъ на крыльяхъ, къ домику Ирины Зиминной.

Вслѣдъ ему раздавался пронзительный свистокъ городского.

Онъ добѣжалъ до знакомаго дома.

Къ удивленію Воеводина, въ окнахъ Ирины горѣлъ яркій огонь несмотря на поздній ночной часъ.

Пришла ласковая успокоительная мысль:

— Наверное у ней срочная работа!

И Воеводинъ представилъ себѣ склоненной надъ маленькимъ письменнымъ столикомъ и успокоился.

Но эта мысль быстро растаяла подъ наплывомъ тяжелой мысли о черномъ автомобилѣ, въ которомъ сидѣлъ Сычуговъ.

Отъ этой мысли Воеводинъ скрипнулъ зубами и хрипло прошепталъ не узнавая своего голоса:

— А!!! Любownika принималъ! Благо женишекъ далеко. Не увидитъ... А онъ, ха-ха-ха, и нагрянулъ, какъ снѣгъ на голову! Такъ погодите, я отомщу тебѣ!

Съ искаженнымъ отъ невыносимой боли, страданія и злобы лицомъ Воеводинъ, какъ безумный, ворвался въ темный корридоръ, и быстро сталъ подниматься по ступенькамъ лѣстницы, которая жалобно стонала подъ его тяжелыми сильными шагами...

(Продолженіе слѣдуетъ)

ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ.

(Роман в двух частях).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

3.

Страшная исповѣдь.

Какъ звѣрь, котораго раздражили каленымъ желѣзомъ, Воеводинъ добѣжалъ до знакомой двери и всей силой своей ненависти, ревности, отчаянія и нетерпѣнія сталъ бить въ нее тяжелыми ударами, наполняющими смятеніемъ спящій домъ.

За дверь никто не отзывался.

Страшная тишина, которая только бываетъ тамъ, гдѣ совершенно преступленіе, ледянымъ дыханіемъ обдала Воеводина.

Озлобленіе проходило и уступало мѣсто тревогѣ.

Чувствуя, что за этой дверью совершилось мѣсто неоправимо ужасное, Воеводинъ взломалъ дверь и вошелъ въ комнату Ирины.

Раздвинувъ портьеры, онъ вздрогнулъ.

На диванѣ лежала Ирина въ растерзанномъ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами. Лицо страшное своей блѣзной и неподвижностью. Глаза закрыты. Она тихо стонала.

Воеводинъ остановился. Глаза стали большими, застывшими. Похолодѣло сердце.

Взялъ себя въ руки. Склонился надъ ней.

— Ирина, что съ тобой?

Дрогнули рѣсницы.

Засвѣтились ея милые глаза.

Похожее на радость вспыхнуло на ея блѣдномъ лицѣ, и опять погасли глаза, и лицо стало строгимъ, неподвижнымъ, измученнымъ.

Воеводинъ азялъ ее за руку.

Она была холодной.

— Скажи, родимая, что съ тобой?

Она молчала.

— Ирина, скажи. Не мучай!

Блѣлыя губы Ирины, словно издадека, прошептали:

— Тебѣ... будетъ слишкомъ больно...

Открыла глаза, затуманенные слезами, и мука, и радость, и отчаяніе, и ласка свѣтились въ нихъ робкими звѣздами.

Она коснулась своими тонкими пальцами его головы, и прерывистымъ голосомъ, тихо, какъ на исповѣди, зашептала:

— Миша... моя радость... женихъ мой... Я не виновата... Нѣтъ. Нѣтъ. Не смотри на меня такъ... Слушай, пойми и прости... да... Ты прости свою Ирину... свою невѣсту... Три часа тому назадъ ко мнѣ прѣхалъ Сычуговъ... принесть мнѣ срочную работу... Но это для него было только предлогъ... Онъ... пришелъ... ради меня... По... просилъ приготовить... чай... Я приготовила... А потомъ...

Она замолчала. Слезы мѣшали говорить. Скорбныя тѣни прошли по ея лицу.

— Что-же потомъ? — въ ужасѣ спросилъ Воеводинъ, чувствуя за этимъ молчаніемъ жестоку правду, отъ которой ледѣла душа, и отъ которой хотѣлось безумно, до истерики хохотать и плакать.

Она наклонилась къ его уху и сказала:

— Онъ меня изнасиловалъ!

Изъ дѣтскихъ глазъ Ирины брызнули крупныя слезы.

Огненными искрами онъ упалъ на лицо Воеводина.

Послѣ этой исповѣди онъ почувствовалъ странную, необъяснимую легкость и сталъ нѣжно, съ тихой заботой, гладить руки Ирины.

Но это было только на мгновенье. Невѣдомо откуда поднялась злоба на Ирину, которая толкала избитую, маленькую, хрупкую, страдающую, но вмѣсто этого онъ привалъ къ ея ногамъ, крѣпко охватилъ ихъ своими сильными руками и разрыдался, какъ дитя, у котораго умерла мать.

Оба они плакали. Она худенькая, такая моленкая въ своемъ быломъ изорванномъ платьицѣ, и онъ такой большой, такой сильный.

— Я отомщу ему! — сквозь рыданія кричалъ Воеводинъ. — Я отомщу ему!

Ирина, вдругъ, вскрикнула ослѣплымъ протяжнымъ крикомъ, плача, кричать люди, увидѣвшіе страшное.

Крѣпко обняла Воеводина и тихо, какъ вѣяніе вѣтра въ весеннюю ночь, зашептала:

— Прощай, мой родимый... лю-
бимый... Перекрести меня. Страшно
мнѣ.

— Куда, ты уходишь, Ирина? Что
съ тобой? Не надо. Все пройдет.
Ты не виновата... Нѣтъ. Не покину
тебя. Ты святая, чистая, какъ и
прежде...

— Я отравила!—едва слышно
прошептала Ирина.

— Что? — испугался Воеводинъ.

— Да... да... Когда ушелъ Сычу-
говъ... я приняла ядъ... Не могла.

Прощай... Такъ нужно...

Воеводинъ, закричалъ:

— Доктора! Я пойду за докто-
ромъ!

И какъ-то безсмысленно засуе-
тился по комнатѣ, не зная за что
взяться.

— Не надо... Поздно. Смерть...
ждетъ меня Родимый... не уходи...

Начался бредъ.

— Ирина! Что ты сдѣлала?.. —
плакалъ Воеводинъ...

Ирина не отвѣчала. То откроешь,
то закроешь глаза, а въ нихъ стра-
шеніе, смутная ласка и ужасъ
смерти.

— Смерть... — бредила она. —
Не уноси меня... я такъ молода...

Такъ любимое. Сирень... Помнишь,
Усть-Нарову? Море... шумитъ оно...

Чудъ какъ хорошо! Въ кургаузѣ

играетъ музыка... Миша! догони
меня... Ха-ха... Уходитъ солнце. Па-
даетъ въ море... Гадина! животное!
Уйди... я не вѣста! Я не хочу вашей
службы, вашихъ подарковъ... Ай!
Спасите... Спасите! Ночь... Смерть...
Развѣ эта смерть? Я ду-умала, что
она съ косой... костлявая... А она
видѣть рыцаря... Вотъ, она мечемъ
касается моего лба... Не страшно.
Что? это смерть для молодыхъ? Ры-
царь пришелъ... У рыцаря лицо
Миши... Ай!..

Изъ груди Ирины вырвался по-
слѣдній нечеловѣчскій крикъ, и
смокъ...

Умерла!
Странно спокойный и молчали-
вый, безъ слезъ и безъ словъ, какъ
извѣстие, стоялъ Воеводинъ передъ
ней на коленяхъ и, строгій въ сво-
емъ молчаніи, смотрѣлъ въ ея не-
подвижное блѣлое лицо.

Когда въ окна забрезжилъ мут-
ный зимній разсвѣтъ, Воеводинъ
всталъ и произнесъ у тѣла своей
невесты твердо, убѣжденно какъ
молитву, единственные слова:

— Я отомщу за твою смерть!..

(Продолженіе слѣдуетъ)

ТАЙНЫ НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ.

(Романъ въ двухъ частяхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

4.

Днемъ въ Нарвѣ.

За ночь городъ Нарву бѣлой
ризой покрылъ первый снѣгъ. На
древнихъ башняхъ, на соборѣ Пре-
ображенія, на узкихъ, по старин-
ному, печальныхъ улицахъ было
дѣтственно, радостно и чисто,
а подъ высокими мрачными потол-
ками шведскихъ домовъ начиналась
будничная жизнь маленькаго про-
винціального городка.

У мирового судьи фонъ-Дена ра-
биралось дѣло крестьянъ Зернова
и Харламова, которые умудрились
украсть ночью свинью у хуторянина
и въ эту-же ночь продать ее хо-
зяину. Въ темной церковной сто-
рожкѣ настоятель собора о. Василій
распекалъ дьякона Демьянскаго за
то, что онъ, соборный дьяконъ, не

звирая на свой санъ, рано утромъ
къ соблазну вѣрующихъ, катался
по первоутку на лыжахъ.

Въ редакціи газеты «Нарвскій Ли-
стокъ» шла тихая провинціальная
работа. Писали фельетонъ о бродя-
чихъ собакахъ и халатности отцовъ
города.

Въ ночлежкѣ дрались нарвскіе
посадскіе Яша Грибъ и «Черное
море». Яша доказывалъ, что Абоны-
лежитъ въ Петербургской губерніи,
а «Черное море» утѣрялъ, что въ
Кіевской Лаврѣ.

Около «казенки» толпились ошун-
ные, рваные, озабоченные посадскіе.

И такъ изо дня въ день тянулась
жизнь маленькаго городка, изрѣдка
оживляемая драками посадскихъ,
пожарами и убійствами.

5.

Въ конторѣ торговой фирмы Сы-
чугова съ ранняго утра шла спо-
койная, налаженная работа.

Все служащее на мѣстахъ. Только
столѣтъ Ирины Зиминной стоялъ
одинокимъ.

Вопелъ секретарь.

Спросилъ:

— Почему не пришла Зимина?

Кто-то отвѣтилъ:

— Наверное проспала. Вчера мас-
каррадъ былъ въ Эстонскомъ собра-
ніи.

Секретарь проворчалъ:

— Чертъ знаетъ что такое! И какъ
на зло, хозяйникъ обещалъ зайти, а
служащей нѣтъ на мѣстѣ!

За окнами послышалось гудѣнье
автомобилей.

Выглянули въ окна.

Изъ чернаго автомобиля, окру-
женнаго большой толпой зѣвакъ,
выходилъ извѣстный всей Петер-
бургской губерніи, коммерсантъ-
миллионеръ Сычугонъ.

Въ конторѣ стало тихо.

Вопелъ Сычугонъ. Высокій, упи-
таннѣйшій человѣкъ въ еноговой шубѣ.
Сѣдые волосы. Толстые чувственные
губы. На мясистыхъ короткихъ паль-
цахъ брилліантовый кольцо. Что-то
непріятное, хищное, животное было
у него въ походкѣ, въ складкѣ губъ
и въ тускломъ блескѣ маленькихъ
свинныхъ глазъ.

Небрежно отвѣчая на почтитель-
ныя привѣтствія служащихъ, онъ

спросилъ секретаря хриплымъ гру-
боватымъ басомъ:

— А почему я сегодня не вижу
Ирину Зимину?

Секретарь покраснѣлъ и, подобо-
ственно склонивъ голову, вполголоса
отвѣтилъ:

— Не могу знать, г. Сычугонъ.

Она всегда была аккуратной по
службѣ, и только сегодня не при-
шла.

По лицу Сычугова прошла тѣнь
неудовольствія, и онъ строгимъ то-
номъ сказалъ секретарю:

— Немедленно сходить къ ней.
Узнать въ чемъ дѣло и доложить
мнѣ!

Конторскій мальчишка Петя съ
всѣхъ ногъ побѣжалъ къ дому
Ирины Зиминной.

Черезъ четверть часа онъ уже
поднимался къ ней по лѣстницѣ и
стучалъ въ двери.

Никто не отозвался.

Петя обратилъ вниманіе, что
дверь приоткрыта, и рѣшивъ, что
хозяйка крепко спитъ, осторожно
на цыпочкахъ вошелъ въ комнату.

Въ комнатѣ царилъ безпорядокъ.
На полу были вбрученны полетѣ.
Валялись разбитыя тарелки и бро-
шенный стулъ. На столѣ два не-
прилично чужа. Одинъ съ неподобнымъ чаше-
мъ, другой пустой.

Петя окликнул:

— Барышня!

Тянина.

И вдруг его взгляд упал на диван, на котором лежало что-то белое, длинное и жуткое в своем молчании.

Он подошел к дивану, и робко приоткрыл простыню. Рука Петя коснулась холодного мертвого тела Ирины Зиминной.

Он вскрикнул и в ужасе выскочил из страшной комнаты мертвой.

Блédный прибжал в контору и едва переводя от волнения дыхание, сказал:

— Она умерла!

б.

Секретарь вошел в кабинет Сычугова, мрачно склоненного над письменным столом, и тихо доложил:

— Несчастье, г-н Сычугов... Мальчик бжал к Ирине Зиминной и нашел ее мертвой...

Сычугов поблдил и откинулся на спинку кресла, и едва слышно прохрипел:

— Уйдите. Оставьте меня одного!

Секретарь вышел.

Сычугов облокотился на стол и

тяжело задумался, крйко зажав ладонями голову.

— Боже мой! — думал он. —

Неужели глупая дбченка покончила самоубйством? Из-за такого пустяка! Что будет? Не впутал-би и меня в эту темную историю... Когда я пролжал ночью на автомобиль меня могли замтить дв фигуры, которая стояла на той улице, у фонаря!.. Боже мой, Боже мой, что будет? Надо заявить полиции о происшествии.

Выпив стакан воды, Сычугов подошел к телефону, и, стараясь быть спокойным, позвонил:

— Дайте пожалуйста полицейский участок... Господин полицеймейстер? Очень приятно. У телефона Сычугов. Сейчас нам сообщили очень печальную всть. Моя конторщица Ирина Зимина найдена мертвой в своей квартир. Очень жаль дбашку. Такая хорошая, красивая и вдруг безвременная смерть! До свиданья.

Сычугов повесил трубку и беспокойно стал шагать по кабинету...

(Продолжение слдует)

Открыта подписка
на 1926-й годъ на

„Нарвскій Листокъ“

Выходитъ 2 раза въ недѣлю:
по вторникамъ и субботамъ.

Всѣ господа подписчики и читатели новыхъ сенсационныхъ романовъ

Тайны нарвскихъ подземелій и ???

получать бесплатную
премію на выборъ —

МУЖСКОЙ или ДАМСКІЙ ВЕЛОСИПЕДЪ фирмы „Brennabor“

Подписчики на цѣлый годъ получаютъ 5 билетовъ на право участія въ розыгрышѣ и подписчики на 1/2 года — 3 билета. Остальные читатели получаютъ по 1 билету, по предъявленіи отрзныхъ купоновъ, прилагаемыхъ при каждомъ № газеты.

Подписка платя съ доставкой:

на 1 годъ 600 мар.
на 1/2 года 300 „

на 3 мѣс. 150 мар.
на 1 мѣс. 55 „

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

7.

Слѣдствие.

Вѣсть о таинственномъ самоубійствѣ Ирины Зиминой быстрой птицей облетѣла городъ, донося отголоски до самыхъ глухихъ окраинъ. Въ полиціи, мрачнѣе высокомъ средневѣковомъ зданіи царилъ необычайное возбужденіе.

Въ кабинетѣ полицеймейстера Доукина съ нетерпѣніемъ ожидали результатовъ вскрытія трупа и показаній слѣдственной комиссіи.

Отъ скуки приставъ Язь и секретарь Брюхановъ держали пари на дюжину дая. Приставъ доказывалъ, что Ирина отравилась, а секретарь — ее, отравили.

За высокими рѣшетчатыми окнами шелъ снѣгъ, и около зданія полиціи толпились любопытные обыватели.

Когда надъ городомъ стали сгущаться синія сумерки, и въ окнахъ домовъ зажглись огни, наконецъ

пришла слѣдственная комиссія во главѣ съ докторомъ, и приступила къ объясненіямъ, изъ которыхъ было видно, что въ квартирѣ Ирины Зиминой царилъ безпорядокъ, указывающій на то, что въ моментъ, предшествующій смерти Ирины Зиминой, между ней и неизвестнымъ мужчиной происходила борьба. На столѣ два стакана. Докторская экспертиза нашла, что въ одномъ изъ стакановъ находился ядъ. Вскрытіе показало, что Ирина была изнасилована неизвестнымъ, послѣ чего, она, вѣроятно, не перенесла позора, отравилась мышьякомъ. На полу найдена студенческая фуражка и окурокъ сигары. Секретарь полиціи спросилъ:

— Вы, сказали, нашли студенческую фуражку?

— Да.

— Преступникъ найденъ! — торжественно сказалъ секретарь.

Всѣ оглянулись на него:

— Кто же?

Секретарь, чувствуя себя героемъ минуты, не спѣша вынулъ портсигаръ, закурилъ и, сдѣлавъ нѣско-

лько затяжекъ, отвѣтилъ, скандируя каждое слово.

— Ея усердный ухажоръ. Студентъ Петербургскаго университета Михаилъ Воеводинъ.

Докторъ замѣтилъ:

— Насколько мнѣ извѣстно, онъ въ Петербургѣ.

— Возможно, что онъ сегодня ночью прѣхалъ въ Нарву! — солидно проговорилъ полицеймейстеръ.

Секретарь посоветовалъ:

— Допросите городскихъ. Можетъ быть они видѣли какъ шелъ съ вокзала этанъ здоровенный студентъ...

Полицеймейстеръ кивнулъ bravomу городскому, стоявшему на вытяжкѣ около дверей:

— Позвать Каскина!

Черезъ двѣ минуты въ дверяхъ кабинета появился городской Каскинъ съ краснымъ распухшимъ носомъ.

Полицеймейстеръ спросилъ у него: — Ты сегодня ночью никого не видѣлъ на Козьей улицѣ?

— Какъ-же, ваше благородіе, — отвѣтилъ Каскинъ. — Видѣлъ. Около часу ночи по этой улицѣ, что оглашенный бѣжалъ высокой скубентъ. Я остановилъ его. На немъ лица не было. Блѣдный. Дрожить. Руки трясутся. Словно преступленіе онъ совершилъ. Слова какія-то диковинныя про сова бормоталъ. Что за сова, я не могъ понять... Хотѣлъ было я его представить въ поли-

цію, а онъ, ни слова не говоря, кзкъ-съ... двинетъ меня по зеркалу души... сирѣчь по лицу, я такъ и покотился въ лужу. Здоровенный кулачище, быка сразить можетъ, а не то што человѣческое созданіе. Пока я подымался, его и следъ простылъ...

— Дуракъ! — свирѣпо отрубилъ полицеймейстеръ: — не могъ схватить быка за рога!

— Такъ точно. Извиняюсь! — виновато пробормоталъ Каскинъ.

— Всѣ улики на лицо. Преступникъ найденъ! — опять вытѣшилъ секретарь, которому очень хотѣлось выдвинуться на полицейскомъ поприщѣ.

— Чего ты каркаешь тутъ... ироня! — вышелъ изъ себя полицеймейстеръ, передразнивая секретаря.

— Преступникъ найденъ! Гдѣ же денъ? Чертова кукла! Жили себѣ въ Нарвѣ тихи, на — вотъ, жмѣшь грѣхъ, преступленіе! Распуталъ узлы! Охъ, ужъ эти студентъ, тово отродѣ! Погибели на нихъ нѣтъ!

Полицеймейстеръ вызвалъ старшаго городского и отдалъ строгое приказаніе:

— Студента Воеводина разыскать и арестовать!

Вся нарвская полиція была поставлена на ноги, и съ ранней утра до поздней ночи рыскала по всему городу и его окрестностямъ въ доискахъ нахъ въ городъ студента. (Въ продолженіи слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

8.

У гроба.

Цѣлый день, какъ безумный, скитался Воеводинъ по лѣсамъ и окраинамъ города.

Неслись вихремъ въ мозгу огненные мысли, и онъ жглы, пронизывали сердце нестерпимой болью, отъ которой мутился разумъ.

Воеводинъ углублялся въ снѣжный лѣсъ и тихо зывалъ въ бѣлую лѣсную тишину:

— Ирина!..

Крикъ его тоскующимъ стономъ облеталъ молчавшій лѣсъ, и кто-то далекой, грустный отвѣчалъ:

— А-а-а!..

Поднималъ глаза свои, налитые печалью, къ зимнему холодному небу и пылливо спрашивалъ:

— За что? Зачѣмъ не покаралъ человека—звѣря, который убилъ мою чистую невинность? Гдѣ было Твое всемогущество, когда рвали ея бѣлое платье, и топтали грязными копытами ея чистую душу?

Мольба, ропотъ, кощунство, ненависть и печаль до краевъ переполняли душу Воеводина. Онъ прикидывалъ обнаженной головой къ старымъ холоднымъ деревьямъ и безслезно плакалъ.

Шелъ снѣгъ. Бѣлыми цвѣтами онъ падалъ на землю и заливалъ ее вечернимъ покоемъ.

Когда мягкимъ занавѣсомъ упали синія сумерки, его съ неудержимой силой потянуло туда... гдѣ Ирина...

Хотѣлось эти послѣдніе часы побыть рядомъ съ ней, смотрѣть въ ея лицо, запечатлѣть на всю жизнь ласковый ея образъ...

Усталой походкой онъ дошелъ до ея дома.

Взглянулъ на окна и адрогнулъ. Въ стеклахъ отражалось жуткое пламя свѣчей.

Воеводинъ вошелъ въ комнату. Толпилось много людей, но было тихо какъ въ склепѣ. Унылымъ голосомъ монахиня читала у гроба горькія слова псалмовъ.

Вѣяло ладаномъ.

Когда увидѣли Воеводина, то всѣ зашевелились и послышался шопотъ.

Никого не видя передъ собой, онъ подошелъ къ бѣлому гробу Ирины, упалъ на колѣни и припалъ лицомъ къ бѣлой парчѣ покрыва.

Издѣлко поднималъ голову и большими, словно безумными глазами смотрѣлъ въ тихое лицо покойницы, которое, отъ игры свѣчныхъ отраженій, казалось живымъ и заплаканнымъ.

Бѣлые живые цвѣты вѣнцомъ увѣнчивали ея голову.

Воеводинъ взглянулъ на нихъ и прошепталъ:

— Цвѣты... цвѣты...

Пришелъ священникъ.

Заструились тихія волны надгробныхъ плѣснопѣній.

... Заклани была яcomo агнцы и къ жизни нестарѣемой свѣтъ... — плакалъ хоръ.

— Какъ агнца... непорочная радостного завололи грубая рука моя любовь, — думалъ Воеводинъ подъ тихіе рыдающіе напѣвы пѣнхиды. — Господи, зачѣмъ оставилъ? Зачѣмъ оставилъ меня одинокимъ на этой землѣ, гдѣ толпятся бѣлыя лилии твоей правды? Я былъ, Господи, свѣтлымъ, а любилъ людей, вся жизнь для меня была озарена солнцемъ потому что любилъ. Отняли у меня любовь, агнца возлюбленного и вотъ я сталъ злобнымъ. Ты, въ кроткомъ своемъ ученіи говоришь: прости врагу твоему, но какъ я могу простить тому, кто отнял у меня свѣтлую душу? Нѣтъ! Я буду мстителемъ!

Послѣднія слова Воеводина слышались громко и всѣ слышали...

Съ тихой пачалью взглянулъ на него священникъ.

Когда заплѣли величавое, зажигающее на глазахъ слезы и наполняющее душу грустнымъ успокоениемъ: „Со святыми упокой“, — поминали черными птицами пролетѣли, вдругъ, испуганные шопоты: — Полиція... полиція...

Не успѣли отзвучать послѣдніе аккорды панихиды, какъ къ Воеводину подошли полицейскіе и окружили его тѣснымъ внушительнымъ кольцомъ.

— Вы студентъ Воеводинъ? — сурово спросилъ околдодочный.

Воеводинъ спокойно, слегка задумчиво отвѣтилъ:

— Да, я.

— Именемъ закона мы должны васъ арестовать!..

Въ рукахъ одного изъ городовыхъ звякнули желѣзные наручники.

Съ грустной улыбкой, съ какимъ-то особеннымъ просянніемъ въ большихъ глазахъ, какое только бываетъ у тѣхъ, кто шель на крестъ, на крестъ, на мученичество, Воеводинъ молча протянулъ руки: — Берите меня. Я готовъ...

На выхоленные, сильныя руки Воеводина одѣли наручники.

Толпа обывателей зная, что надъ этимъ красивымъ студентомъ тяготеетъ подозрѣніе въ позорномъ преступленіи, не вѣрила этому, чувствуя что не виноватъ онъ, и со слезами смотрѣла на арестъ, искренно жалѣя его.

Жутко позванивая желѣзомъ наручникомъ, Воеводинъ близко подошелъ къ гробу своей невѣсты, долгимъ прощальнымъ поцѣлуемъ прильнулъ къ ея лицу, взглянулъ на нее, тихо лежащую въ бѣломъ своемъ гробѣ, увѣнчанную бѣлыми цвѣтами, и суровый, какъ скала брошенная въ море, съ рѣзкой складкой у края плотно сжатыхъ губъ, безъ словъ, безъ сопротивленія, стройно выпрямившійся, твердыми крѣпкими шагами пошелъ за полиціей...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Президиумъ номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

9.

Призракъ.

Среди унылыхъ снѣжныхъ равнинъ мчится къ Петербургу курьерскій поѣздъ.

Въ одинокомъ купѣ перваго класса, откинувъ голову на спинку дивана, въ легкой полудремѣ сидѣлъ Сычуговъ.

На пухломъ лицѣ его, всегда самодовольномъ, легли строгія тѣни. Губы плотно сжаты. Глаза полузакрыты.

Мелькавшія картины зимней земли наѣввали на душу Сычугова холодныя, какъ сугробы снѣга, мысли, отъ которыхъ хотѣлось быть, какъ отъ зубной боли.

Опускался зимній вечеръ. Чернѣли дали. Сиротливѣе становилось на землѣ.

Сычугова пугала близость ночи. Она будетъ опять, какъ и предыдущія ночи, страшной своими черными кошмарами, шорохами и видѣніями.

Ритмично стучать колеса и кажется, что стучать онѣ про него, стучать про то, что онъ совершилъ преступленіе.

Сидѣлъ неподвижный, оцѣпеневшій, сжеженный.

Кто-то невидимый шепталъ ему: — Ты преступникъ... Ты!

И смотрѣли на него изъ темнаго угла стеклянныя въ своей неподвижности, совсѣмъ застывшіе, дѣтскіе глаза, глядѣвшіе прямо въ него и ему знакомые...

Мысли говорили: „Ты пойманы!.. Можетъ быть ты не будешь на каторгѣ, но въ плѣну у совѣсти будешь!..“

Сычуговъ плотнѣе укрывалъ въ себя, старался не дышать, но это не помогало.

— Приѣду въ Петербургъ... — разсуждалъ онъ: — все забуду... забуду... Пойду къ своей маленькой Лоло, и въ ея объятіяхъ забуду все... или же къ дѣвочкамъ m-me Розз... Я не виноватъ. Слабость человѣческая. Всѣ люди во всѣ времена грѣшили и ничего...

А невидимый плелъ тонкую, липкую, непорываемую паутину мыслей...

— А, вдругъ, тебя арестуютъ? Спросятъ: почему вашъ автомобиль стоитъ у воротъ дома Ирины Зиминной? Слѣдователи до всего докопаются. Допросами замучаютъ. Человѣкъ ты трусливый. Показанія спутаешь... вотъ и попадешь... Что тогда?...

Волосы зашевелились, словно коснулся ихъ ледяной вѣтеръ. Сердце упало въ паническомъ ужасѣ въ темную, безнадежную бездну.

Чтобы разсѣяться, онъ всталъ и вышелъ на площадку. Открылъ дверь, и сталъ смотрѣть въ морозную ночную мглу. И вдругъ... Идетъ по снѣгу бѣлая фигура дѣвушки.

— Она! — шепчетъ Сычуговъ въ мистическомъ ужасѣ. — Ирина! скорѣе поѣздъ... скорѣе... Страшная! Она ступаетъ по желѣзнодорожной насыпи, бѣжитъ рядомъ съ вагонами, и тянетъ въ мольбѣ къ Сычугову свои тонкія, трогательныя въ своей дѣтской безпомощности руки.

— Ай! О-а!... — дико закричалъ Сычуговъ и всей тяжестью своего большого тѣла рухнулъ безъ сознанія на полъ холодной площадки.

Проходившіе кондуктора увидѣвъ его, подняли и отвели въ купе.

10.

На утро кондукторъ принесъ сѣбяжія газеты. Сычуговъ взглянулъ въ отдѣлъ происшествій и въ глаза бросились короткія строки:

„На дняхъ въ г. Нарвѣ студентъ Петербургскаго университета М. Воеводинымъ изнасилована дѣвица Ирина Зимина. Дѣвушка перенесла позоръ, отравилась...“

Шанкомъ. Студентъ арестованъ. Улицы, какъ-то: взломанная дверь въ квартирѣ и студенческая фуражка, свидѣлствуютъ противъ М. Воеводина“.

Сычуговъ, прочтя эти строки, какъ-то неестественно живо всколыхнулъ съ дивана, почувствовалъ себя вдругъ бодро и молодо, и даже заплѣлъ мотивъ какой-то бравурной пѣсни.

— Гроза миновала! — подумалъ онъ. — Онъ, Сычуговъ, спасенъ!

Гдѣ-то въ глубинѣ души застонали тоскливыя струны неусыпаемой совѣсти, но неудержимой животной жаждой бытія были онѣ заглушены.

Сычуговъ выглянулъ въ окно, и увидѣлъ даль, завуаленную сизымъ дымокомъ, въ которомъ вырисовывались мягкіе контуры большого города.

— Ба! да уже и Петербургъ!..

11.

Въ Петербургѣ.

Семья милліонера Сычугова состояла изъ жены и дѣтей — дочери и сына, закончившихъ свое обра-

зованіе въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга. Дочь Татьяна, переживавшая семнадцатую весну своей жизни, не была ослѣпляюще красивой, но столько изящества, обаянія, русской простоты и жизнерадостности было въ ея походкѣ, въ интонаціяхъ голоса и въ чарующемъ смѣхѣ, что не было человѣка кто бы не любилъ ее съ перваго взгляда.

Кромѣ дочери Сычуговъ имѣлъ сына Георгія, живо интересовавшагося сначала социальными вопросами, а затѣмъ перешедшаго на изученіе разгульнаго Петербурга. Сіаніе отцовскихъ милліоновъ заставляло многихъ рабоблѣнно сгибаться передъ его тонкой хлыщеватой фигурой съ фатоватымъ личикомъ и моноклемъ въ лѣвомъ глазу. Мужчины съ нимъ кутили. Женщины на перебой готовы были пойти къ нему на содержаніе. Мамаши мечтали о выгодной партіи для своихъ дочерей.

Жена Сычугова, бывшая шансонетка, красивая для своихъ сорока лѣтъ, поражала избалованную петербургскую публику своими туалетами и брилліантами.

Жили Сычуговы въ блескѣ и до-вольствіи на Англійской набережной въ роскошномъ особнякѣ, похожемъ на дворецъ. Дѣла Сычугова шли хорошо, и капиталы съ его коммерческихъ предпріятій, раскинувшихъ свои сѣти чуть-ли не по всей Россіи, текли къ нему звонкой золотой рѣкой.

Самъ Сычуговъ — Карпъ Филипповичъ — крестьянинъ Ярославской губерніи, пришель, какъ говорятъ, въ Петербургъ, въ маѣ мѣсяцѣ молодымъ робкимъ парнемъ, одѣтымъ въ полушубокъ и валенки, съ маленькимъ зеленымъ сундукомъ черезъ плечо, и, благодаря природному уму, смѣлости и волеѣ хваткѣ, быстро пошелъ въ гору, и черезъ короткое время яркой звѣздой засіялъ въ коммерческомъ мірѣ.

Изрѣдка супруги Сычуговы устраивали вечера и балы, на которыхъ присутствовали всѣ лучшіе представители театра, музыки и литературы. Объ этихъ званныхъ вечерахъ писалось съ восторгомъ на страницахъ „Петербургскаго Листка“, и они долго были злобой дня петербургскаго общества.

Сычуговъ любилъ наслажденія. Въ поискахъ ихъ онъ, несмотря на свой возрастъ и нѣкоторую набожность, часто ѣздилъ за городъ къ m-me Розз, гдѣ такъ хорошо умѣли веселить пресыщенную петербургскую публику дѣвочки — подруги. Тамъ-же имѣлись уютныя, въ восточно-экзотичномъ стилѣ комнаты, гдѣ курили опіумъ и устраивались афинскія ночи.

На Каменноостровскомъ у Сычугова жила любовница Лоло.

Такъ жилъ Карпъ Сычуговъ, окруженный роскошью, почетомъ, удачей, наслажденіями, и ничто не омрачало его жизнь, похожую на большой, солнечный праздникъ. Но надъ всѣмъ этимъ благополучіемъ, мало-по-малу, сгустились зловѣщія, грозовыя тучи...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предидущие номера с началом романа можно получить в конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

12.

Въ тущобѣ.

На одной изъ самыхъ глухихъ и нищихъ улицъ Петербурга, поздно вечеромъ, въ грязномъ трактирѣ „Веселая Москва“, въ укромномъ углу, сидѣли за парой пива два человѣка.

Одинъ былъ низкорослый, съ подвинутымъ лицомъ, гибкимъ и крѣпкимъ тѣломъ. Огненно-рыжий. Въ полубубѣ. Второй былъ средняго роста. Въ черной шинели. Суточный. Съ темными густыми бровями на тонкомъ блѣдномъ лицѣ и фанатичными глазами, мерцавшими, какъ уголья.

— Такъ, значитъ, Викторъ, ты теперь нашъ? — таинственно спрашивалъ огненно-рыжий, пристально всматриваясь въ глаза собесѣдника.

Викторъ твердо отвѣчалъ, какъ на присягѣ:

— Вашъ, Алексѣй!

— Клянись!

— Клянусь!

Огненно-рыжий поднялся съ мѣста, пристально осматрѣлся, и, убѣдившись, что никто не подслушиваетъ, сѣлъ рядомъ съ Викторомъ и зашепталъ ему на ухо:

— Тебѣ я долженъ открыть тайну... Наша организация террористовъ скрывается въ старинныхъ подземельяхъ г. Нарвы...

— Въ Нарвѣ? — удивленно спросилъ Викторъ.

— Да. Въ Нарвѣ. Тамъ и глава

нашей организации товарищъ Мечъ, два года тому назадъ бѣжавшій изъ Сибири, куда попалъ за участіе въ покушеніи на одного изъ великихъ князей...

— Такъ и живутъ въ подземельяхъ?

— Такъ и живутъ. Цѣлыхъ три года!

— И полиція не проникла?

— Гдѣ ей! — махнулъ рукой Алексѣй. — Тамъ, братъ Викторъ, такіе ходы и выходы, что самъ сатана заблудится.

— А какже зимой-то жить тамъ? холодно?

— Теплыня такая, что у тебя въ банѣ. У насъ тамъ цѣлый каминъ устроенъ. Одежды цѣлый запасъ.

— Почему же вы выбрали подземелья для житія?

— Иначе нельзя. Всѣ мы, за малымъ исключеніемъ, бѣлые каторжане, и за нами зорко слѣдитъ полиція.

— Кто же у васъ тамъ?

— Всякого народа. Есть студенты, рабочіе, одинъ журналистъ, разжаренный за политическую неблагонадежность офицеръ и... даже двѣ женщины!

Викторъ нахмурился:

— По моему и безъ нихъ можно было-бы обойтись!

— Ты, Викторъ, сперва съ ними познакомься, а потомъ ужъ и води свое заключеніе. Женщины — редкія. Убѣжденные революционеры. Одна изъ нихъ, Ольга, даже въ тюрьмѣ сидѣла. Мститъ за своего родного брата, котораго повѣсили за революционную пропаганду. И, красавица эта Ольга на рѣзкость! — своей красотой и умомъ дѣлаетъ для партіи большое дѣло...

Въ Нарвѣ находится центръ нашей мощной политической организации террористовъ — экспроприаторовъ, отъ котораго идутъ радіусы по всей Россіи. У насъ своя маленькая типографія, лабораторія, пороховой складъ и оружіе. Всѣ мы связаны страшной клятвой и безпрекословно подчиняемся главѣ организации — товарищу Мечу. Истинно мы не щадимъ, и истинно самыми крутыми мѣрами. А теперь товарищъ Викторъ, я долженъ чутко оскорбить бѣлизну вашихъ идеальныхъ революционныхъ взглядовъ...

— Какъ такъ оскорбить? — всколыхнулся Викторъ и блѣдное лицо его вспыхнуло румянцемъ.

Алексѣй ласково взялъ его за руки и тихо заговорилъ:

— Милый идеалистъ... Изъ нашего короткаго знакомства, я полагаю, что ты на революционеров смотришь какъ на святыхъ, какъ на людей безукоризненно честныхъ и благородныхъ. Это не такъ. Во имя идеи, во имя торжества ея надъ старымъ деспотическимъ миромъ, мы должны быть и ловкими мошенниками, лгунами, и даже ворамъ...

— Ворамъ? — вспыхнулъ Викторъ, ударя кулакомъ по столу. — Никогда!

— Успокойся, милый! Не надо. Брать нашъ силенъ. Мы слабы. А слабый человѣкъ идетъ на все, чтобы сбросить съ себя оковы, сбросить на него сильнѣе человѣкомъ. Намъ не нужны мечтатели, утописты, блѣдоруки. Намъ необходимо имѣть волосатое сердце, твердую руку, юрность мошенника, напористость авантюриста. Скажи, ты-бы бросилъ бомбу подъ носу какого нибудь деспота?

— Да. Бросилъ-бы. Не дрогнулъ.

— А укралъ-бы изъ какого нибудь сейфа или банка сумму денегъ, чтобы помочь своимъ товарищамъ, которые голодаютъ и томятся въ нуждѣ на фабрикахъ и заводахъ. Укралъ-бы изъ кармана бумажникъ упитаннаго, пресыщеннаго буржуа, чтобы помочь дѣтямъ, которыя живутъ въ холодѣ и голодѣ на окраинахъ большихъ городовъ? Скажи...

Викторъ смолчалъ. Выпилъ стаканъ пива. Взялъ въ свою руку твердую волосатую руку Алексѣя, крѣпко ее сжалъ, и сказалъ:

— Правильно. Цѣль оправдываетъ средства.

— И такъ, дорогой Викторъ, мы завтра съ утреникомъ поѣдемъ въ Нарву. Я вѣдѣю къ намъ, въ Нарву. Я тебя представлю Мечу. Чудной души человѣкъ. Геніальная голова. Огоны! Несокрушимая скала! У тебя рѣшено?

— Рѣшено...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предидущие номера с началом романа можно получить в конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

13.

Таинственные скалы.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ раскинулся большой Нарвскій водопадъ, вдоль лѣваго берега рѣки Наровы тянутся угрюмыя скалы съ зияющими отверстиями, мѣстами поросшими мохомъ и кустарниками.

Около этихъ скалъ зародилось много жуткихъ, красивыхъ и таинственныхъ легендъ, имѣющихъ под собой и реальное историческое основаніе.

Въ далекой древности въ этихъ скалахъ скрывались разбойники и много золота скрыто въ ихъ каменныхъ нѣдрахъ. Недаромъ эстонскія

саги говорятъ: Нарва построена на трехъ пластахъ золота.

На этихъ скалахъ когда-то высился дворецъ князя Меньшикова, и съ этихъ скалъ ливонскій рыцарь Олафъ сбросилъ, въ кипящую въ этомъ мѣстѣ волны Наровы, свою измѣнницу жену.

Много воспоминаній и тайнъ хранитъ въ себѣ эти скалы, бросающія въ лѣтній день черную тѣнь на синюю поверхность рѣки Наровы.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ угрюмая, и шумитъ она особенно сурово.

Старожилы Нарвы это мѣсто считаютъ страшнымъ и, когда проходить его, шепчутъ молитву.

Надъ Нарвой черныя крылья зимней ночи. Съ моря рѣзкими по-

рывами задувалъ злой, насквозь пронизывающій вѣтеръ. Липкими хлопьями шелъ снѣгъ. На улицахъ мрачно, какъ въ опустѣломъ разрушенномъ замкѣ.

Было около двѣнадцати часовъ ночи, когда по одной изъ безлюдныхъ станціонныхъ улицъ шли Викторъ и Алексѣй, сутулясь отъ ледяного холода.

Тихо, какъ привидѣнія, они дошли до оврага, въ глубинѣ котораго шумѣли старыя деревья. Молча оглядѣлись по всѣмъ сторонамъ. Ни души. Только ночь, вѣтеръ, снѣгъ, да рокотъ бурной рѣки.

— Садись, Викторъ, и сползай въ оврагъ... — шопотомъ приказалъ Алексѣй.

Викторъ не заставилъ себя долго ждать и мягко, какъ на саняхъ, скатился съ пригорка по рыхлому снѣгу въ темный оврагъ.

За Викторомъ проскользнулъ и Алексѣй.

Утопая въ снѣгу, они обогнули каменную дамбу, нащупали едва замѣтную тропинку и увидѣли маленькую черную избушку, въ которой свѣтили огонекъ.

Подошли къ избѣ.

Алексѣй всталъ у окна и завылъ собакой.

Условный былъ знакъ, потому что въ снѣгахъ зашевелились.

— Входите... — сказала въ таинотъ мужской голосъ, распахивая скрипучую дверь.

Викторъ и Алексѣй вошли въ теплую уютную избу. Около печи висѣли рыбацкіе снасти. На столѣ кипѣлъ самоваръ. На полу чистые половики.

— Куда я попалъ? — думалъ Викторъ, внимательно осматривая хозяина.

Былъ онъ высокій. Въ русской осоворотѣ. Сильный. Въ большихъ рыбацкихъ сапогахъ. Умные пронзительные глаза. Утиная шапка. Похожъ на интеллигента.

Алексѣй, угадывая мысли Виктора, сказалъ:

— Знакомься. Товарищъ Замятинъ. Рыбакъ. Нашего толка. — Товарищъ Викторъ... Нашъ. Не сніяйся.

Замятинъ крѣпко сжалъ руку Виктора и мягкимъ ярославскимъ говоркомъ пригласилъ гостей въ столу:

— Пожалуйста. Кстати, и самоваръ на столъ. Общались сегодня придти Мечъ и товарищъ Ольга. У нихъ сегодня засѣданіе. Надо узнать, скоро-ли они освободятся... Одну минутку...

При послѣднихъ словахъ Замятинъ подошелъ къ большой русской печкѣ, открылъ заслонку, вынулъ изъ темнаго отверстия трубку и бросилъ въ нее коротко: Скоро-ли? Самоваръ ждетъ. Гости изъ столицы прибыли.

— Сейчасъ будутъ!.. — сказалъ онъ, тщательно закуривая заслонку.

Черезъ полчаса, въ теченіи котораго Викторъ внимательно присматривался къ убранству избы, подъ поломъ, вдругъ, послышались глухіе, крадущіеся шаги.

— Идутъ... наконецъ-то!.. — сказалъ Замятинъ, поднимаясь изъ-за стола, и направляясь къ темному углу занавѣшенному одеждой.

Замятинъ нажалъ невидимую кнопку и передъ глазами Виктора открылась маленькая потайная дверь, въ которую входили двѣ фигуры, закутанныя въ черное.

— Товарищъ Мечъ и Ольга... —

прошептала Алексѣй на ухо Виктора и почтительно всталъ.

Лицо Меча суровое, непроницаемо-сѣрое, какъ у сфинкса. Черныя косматые брови. Крѣпкая, словно отлитая изъ стали, фигура средняго роста. Короткій, словно обрубленный носъ. На правой щекѣ шрамъ. Сверкали темные глаза, таившіе умъ, отвагу, хитрость и несокрушимую желѣзную волю...

Опираясь на руку Меча, входила Ольга, и словно частицу весенняго солнца вносила она въ маленькую, закопченную избу. Рѣдкой красоты лицо. Тонкая, изящная фигура. Прекрасные въ своей дѣтской чистотѣ глаза и одна изъ тѣхъ улыбокъ, ради которой шли молча умирать гордые рыцари. Въ то-же время эти глаза говорили за то, что эта красивая женщина, неуловимая мстительница и гордость подпольной организаціи террористовъ...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предлажуіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

14.

Допроѣзъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Морознымъ солнечнымъ днемъ въ кабинетъ судебного слѣдователя Орлова сидѣлъ Воеводинъ.

Блѣдный. Осунувшійся. Между бровей рѣзкая глубокая складка — слѣдъ большаго нравственныхъ страданій и непрерывныхъ тяжелыхъ думъ.

На него испытующе смотрѣли приторно-ласковые глаза слѣдователя, который говорилъ приятнымъ, подкупающимъ баритономъ.

— Отъ души жалѣю васъ, г-нъ студентъ. У человѣка столько неуловимаго, загадочнаго, что трудно обвинить его за какое-нибудь злодѣяніе. Съ нашей, человѣческой точки зрѣнія онъ преступникъ, а съ точки зрѣнія Достоевскаго — несчастный человѣкъ. Душа человѣческая — лабиринтъ. Много ходовъ

всякихъ. Темныхъ. Запутанныхъ. Не всякому, а тѣмъ паче юристамъ дано заглянуть въ этотъ лабиринтъ... Вы, г-нъ студентъ, не преступникъ. Нѣтъ. Ваши глаза чисты. Въ нихъ чистая душа ваша. Не правда-ли, вы изнасиловали Ирину Зиминну, подъ вліяніемъ особаго неизлѣдимого врачами, чувствая подсознательнаго? Вы не хотѣли этого слѣдателя? Правда? Да? Скажите...

Воеводинъ молчалъ.

— Вы согласны съ моими взглядами? Не хотите отвѣчать...

Орловъ вздохнулъ, и, стараясь казаться только милымъ приятнымъ собесѣдникомъ, а никакъ не слѣдователемъ, все также вкрадчиво продолжалъ:

— Я вѣрю въ грядущее свѣтлое, когда, такъ называемыхъ съ точки зрѣнія закона, преступниковъ будутъ судить не юристы, а опытные психологи... и вмѣсто тюремъ и каторги будутъ свѣтлыя больницы. Правда, это время было-бы прекраснымъ, г-нъ студентъ?

Кошачьи подходы слѣдователя

раздражали Воеводина. Онъ поднималъ высоко голову. Съ ненавистью изглянулъ въ мягкіе женственные глаза слѣдователя и раздраженно отвѣтилъ:

— Оставьте, г-нъ слѣдователь, этотъ примитивный способъ допроса. Безъ всякихъ подходовъ задавайте мнѣ вопросы, и я, по возможности, буду отвѣчать вамъ!

Не обративъ вниманія на вспышку Воеводина, слѣдователь продолжалъ, не измѣняясь самъ, и не измѣняя своего вкрадчиваго тона:

— Голубчикъ! Себя пожалѣйте. Вѣдь вы молодой, красивый. Вся жизнь передъ вами. За васъ стараюсь... Дѣло-то, если не сознаетесь, длительной каторгой пахнетъ. Составите на каторгѣ. Поймите. Сознаетесь, вы совершили преступленіе?

Воеводинъ отвѣтилъ, открыто глядя въ глаза слѣдователя:

— Я не виновенъ!

Слѣдователь астрепенулъ:

— Конечно, не виновенъ... Конечно... это ваше подсознательное чувство...

— Пошли вы къ черту съ вашимъ подсознательнымъ чувствомъ! — голосомъ ненависти, и острой душевной боли крикнулъ Воеводинъ, и устало уронилъ голову на край письменнаго стола. Плечи Воеводина вздрагивали отъ глухихъ безслезныхъ рыданій.

Слѣдователь ехидно улыбнулся

и, тихо поглаживая по плечу Воеводина, спрашивалъ:

— А какимъ образомъ очутились ваша фуражка въ квартирѣ Ирины Зиминной? А кто дверь взломалъ?

На всѣ вопросы слѣдователя Воеводинъ отвѣчалъ молчаніемъ. Только вздрагивали плечи отъ глухихъ рыданій.

Слѣдователь поднялся изъ-за стола, закурилъ папиросу и сталъ ходить по кабинету мелкими семенящими шажками, заложивъ за спину маленькія пухлыя ручки. Слѣдъ нѣсколькихъ шаговъ, Орловъ всталъ около Воеводина, взявъ его за пуговицу студенческой тужурки и устоялся на него немигающими, сверлящими глазами.

— Котора вамъ будетъ, г-нъ студентъ! Чистосердечное сознание облегчитъ наполовину ваше невольное преступленіе. Сознаетесь, г-нъ студентъ! Два дня даю вамъ на размышленіе...

Слѣдователь позвонилъ. Въ дверяхъ показались двѣ фигуры городовыхъ.

— Отвести въ камеру! — началъ нищенски-сухо и строго приказывать слѣдователь...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предыдущие номера с началом романа можно получить в конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

15.

Въ каменныхъ стѣнахъ.

Когда Воеводинъ опять очутился послѣ свѣтлаго слѣдовательскаго кабинета въ темной сводчатой камерѣ съ голыми сырыми стѣнами, постылой арестантской кроватью и суровымъ рѣшетчатымъ окномъ, душу его, переполненную страданиями, охватила острая, невыносимая боль, отъ которой хотѣлось биться головой объ эти сырые каменные стѣны, и бросать невѣдомо кому жгучія, озлобленные слова. Усилиемъ воли онъ сдержалъ себя. До боли только стиснулъ зубами губы и тихо простоналъ.

Онъ сѣлъ на деревянную кровать, покрытую досками, и тяжело задумался, глядя въ синій рѣшетчатый квадратъ окна.

Наступали сумерки. Звонили къ вечернѣ на соборной колокольнѣ. Звуки колокола тоскливо отзывались въ его душѣ, наполняя ее остро-печальными думами.

Въ тихихъ молитвенныхъ звонахъ, въ синей вечерней дымкѣ вставалъ передъ Воеводинымъ незабываемый образъ Ирины. Невѣсты. Любимой. Бѣлая лилія, растоптанная грязными ногами человѣка—звѣря!

Въ этихъ суровыхъ каменныхъ стѣнахъ заключенія, вставала передъ нимъ вся жизнь съ Ириной. До боли яркая. Въ мелочи были выпукло четки и разрывали душу на части. И рядомъ съ Ириной

вставалъ другой образъ, не менѣе ровимый и близкій...

Образъ матери—старушки, доживающей свои дни въ тихой деревнѣ на берегу Чудского озера... Ждетъ, навѣрное, своего Мишу, тревожится его долгимъ отсутствіемъ, молится передъ старинными образами, а надъ Мишей тяготеетъ страшное подозрѣніе въ преступленіи. Миша, любимый, единственный ея сынъ, въ тюрьмѣ...

Не зналъ куда уйти отъ этихъ видѣній. Днемъ и ночью онъ посѣщали его и уводили въ свѣтлую страну пережитого...

Все прошло передъ глазами Воеводина. Радость, мечты, смѣхъ, цвѣты...

Упало солнце въ синее глубокое море. Не взойдетъ оно больше для Воеводина. Нѣтъ Ирины — нѣтъ и солнца, нѣтъ весны, угасли цвѣты. Ночь. Отчаяніе. Злоба. Каменные стѣны тюрьмы и каторга...

— Каторга... — шептала Воеводинъ, и отъ этого слова блѣднѣла его душа, и передъ глазами разверзлась черная бездна, откуда нѣтъ возврата. — За что Ты наказываешь меня, Господи?

Душа не отвѣчала на его мольбу. Не было словъ. Безсильны были утолить его страшной горѣ, которое не описать перомъ; не сказать словами, не написать красками, а надо только чувствовать.

Какъ молнія, которая на время освѣщаетъ ночную темную дорогу, Воеводина вдругъ обогнула мысль:

— Каторга! А какъ же мѣсть? Какъ я отомщу мерзавцу Сычугину? Если буду отрѣзанъ отъ міра? Мѣсть будетъ закована въ цѣпи. Надо отсюда бѣжать. Какъ можно скорѣе. Всякими путями. Судъ не оправдаетъ. Надо бѣжать отъ каторги, чтобы отомстить... Отъ стѣны и мѣстью своей наследницей

— Надо бѣжать! — стучала мысль — надо бѣжать!..

Послѣ долгихъ и упорныхъ размышленій Воеводинъ рѣшилъ бѣжать изъ своего каменнаго заключенія въ одну изъ ближайшихъ ночей...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предыдущие номера с началом романа можно получить в конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

16.

Побѣгъ.

Шла ночь. Была вьюга. Ратушные часы били полночь. Нарва загасила свои тусклые огни и засыпала крѣпкимъ сномъ подъ заунывные пѣсни вьюги. Въ мрачномъ среднѣвѣковомъ зданіи полиціи долго еще горѣли огни, наконецъ, и они устали — тоже заснули. Остался лишь одинокій бодрствующій огонекъ въ комнатѣ дежурныхъ.

Мертвый покой царилъ въ холодныхъ старинныхъ стѣнахъ полиціи. Изрѣдка, какъ привидѣніе, проидетъ надзиратель, нарушитъ вѣковой покой своихъ тяжелыми шагами, звономъ ключей, и опять оставитъ тишину невозмутимой.

Заключенные спать.

Не спалъ лишь въ эту черную вьюжную ночь студентъ Воеводинъ.

Сегодняшняя ночь для него рѣшющая.

— Или же воля, или долгая каторга?

Когда смолкли послѣдніе шаги надзирателя и стало такъ тихо, что даже слышно стало, какъ бьется сердце и шуршитъ за окнами вьюга, Воеводинъ осторожно поднялся съ кровати и на цыпочкахъ подошелъ къ тяжелой двери, окованной желѣзомъ.

Заглянулъ въ зарѣшетенный овальный глазокъ. Острыми пристальными взглядами впился въ корридоръ, озаренный жалкой керосиновой лампочкой, и убѣдившись, что никого нѣтъ, быстрымъ движеніемъ подошелъ къ окну и крѣпкими, словно стальными пальцами сталъ вынимать гвозди, прикрѣпившіе раму. Гвозди вбиты были слабо и поддавались легко. Освободивъ раму изъ подъ пакли, онъ осторожно снялъ ее, чутко прислушиваясь къ тишинѣ.

Днемъ Воеводинъ успѣлъ замѣтить, что рѣшетка окна держится

слабо и достаточно небольшой силой, чтобы сбросить ее въ мягкіе, неслышные сугробы снѣга. Сдѣлать это было легко, такъ какъ окно находилось на первомъ этажѣ, и на улицѣ не стояли часовые. Воеводинъ быстро снялъ раму. Съ улицы подулъ холодомъ и запырошило снѣгомъ.

Несмотря на то, что Воеводинъ былъ безъ шапки и въ одной студенческой тужуркѣ, онъ не чувствовалъ холода.

За окномъ разстилалась воля, въ которой такъ рвалась его изблѣвшая душа.

Близость воли согрѣвала его и удваивала энергію.

Вдругъ, за дверью послышались чьи-то тяжелые, четкіе шаги.

Въ ужасѣ поблѣднѣла душа. Перехватило дыханіе.

Острой болью заболѣли виски.

— Неужели гибель? — испуганной птицей металась мысль. — Неужели нагнать? — и сейчасъ же овладѣлъ собой:

— Нѣтъ, этому не бывать! Жизнью своей заплачу, но поймать себя не позволю!

Шаги умолкли.

Также чутко прислушиваясь къ тишинѣ, онъ сталъ расшатывать желѣзную рѣшетку.

Въ одномъ мѣстѣ выскочили гвозди. Гнулись прутья.

Рѣшетка поддавалась все больше и больше его богатырской силѣ.

Вьюжный вѣтеръ раздѣлывалъ его волосы. Морозъ леденилъ руки, но не чувствовалъ ничего Воеводинъ. Жажда свободы жгла его.

— Ко мнѣ, ко мнѣ! — звала Воеводина потайная вьюжная ночь. — Я тебя скрою, усталою... несчастнаго... оскорбленнаго... Никто не увидитъ!

И онъ шелъ навстрѣчу зовущей вьюжной ночи. Навстрѣчу воли.

Еще два-три усилія и рѣшетка упала бы въ снѣжные сугробы, какъ, вдругъ, звякнулъ ключъ въ замкѣ камеры, и не успѣлъ Воеводинъ оглянуться, какъ въ камеру съ потайнымъ маленькимъ фонарикомъ вошелъ надзиратель.

Медлительно важный и строгій онъ подошелъ къ Воеводину. Взявъ его за плечо и злорадно спросилъ: — Убѣгать думали, г. студентъ?

Воеводинъ вздрогнулъ. Выпрямился. Понялъ, что безъ борьбы не выйти изъ этихъ каменныхъ стѣнъ и рѣшилъ бороться.

Какъ молодой звѣрь, у котораго хотятъ отнять родную стихію — лѣсъ, Воеводинъ мошнымъ, какъ тяжело вѣсная гиря, кулакомъ замаякнулся на надзирателя, но тотъ ловко изогнулся и успѣлъ отвести этого удара.

Неудача еще больше распылила студента. Онъ гибкимъ прыжкомъ очутился около своего противника

и сталъ наноситьъ ему ударъ за ударомъ.

Завязалась борьба.

Надзиратель пытался было заставить, чтобы призвать на помощь, но Воеводинъ нанесъ ему по головѣ настолько сильный ударъ, что тотъ безъ сознанія, какъ подкошенный, упалъ на полъ, не успѣвъ свистнуть.

Въ головѣ Воеводина быстро созрѣлъ планъ, который нужно выполнить съ быстротой молнии. Малѣйшее промедленіе грозитъ гибелью.

Пока надзиратель недвижимо тѣломъ лежалъ на полу, онъ быстро снялъ съ него шинель, переодѣлся въ нее, отцѣпилъ на всякій случай револьверъ, одѣлъ на себя фуражку и, поднявъ воротникъ, переодѣтымъ городовымъ сталъ выходить изъ камеры, предвзительно закрывъ ее на ключъ.

Давловитой, смѣлой походкой направился къ главному выходу.

На площадкѣ лѣстницы стоялъ городской и отъ скуки мурлыкалъ пѣсню:

— За послѣднюю пятерку Найму я тройку лошадей.

Воеводинъ прошелъ мимо него и сталъ спускаться по лѣстницѣ.

— Ты куда? — спросилъ пѣвчій городской.

Воеводинъ, не поворачивая головы, угромо отвѣтилъ.

— На постъ.

Не успѣлъ онъ спуститься съ лѣстницы, какъ, вдругъ, на всю тихую морозную улицу, изъ окна камеры раздался пронзительный крикъ надзирателя:

— Де-ержите!.. Преступникъ сбѣжалъ!.. Держите!..

Рѣзко засвистали свистки. Хлопнули тяжелыя дубовыя двери полиціи. Сбѣжалось съ постовъ нѣсколько человекъ городскихъ. Глядѣли по сторонамъ.

Увидѣли Воеводина въ формѣ городского.

Спросили его:

— Не видаль-ли, куда побѣжалъ преступникъ?

Воеводинъ указалъ рукой влѣво, а самъ повернулъ вправо, въ пустынную темную улицу...

Съ рѣшетчатого окна камеры надрывался голосъ надзирателя:

— Ловите его! Этого самого! Онъ мою шинель одѣлъ!.. Дураки! Онъ переодѣтый!.. Бѣгите вправо!..

Городовые все поняли и устремились вправо, по свѣжимъ слѣдамъ Воеводина.

Воеводинъ бѣжалъ отъ опасности, но она настигала его и тянула къ нему страшные, цѣпкіе шупальцы...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Прездущіе номера съ началомъ романа можно получить по центу въ газетѣ)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

17.

Погоня.

Воеводина настигали. Въ чернотѣ вьюжной ночи раздавались изступленные голоса городскихъ и стражниковъ.

— Держи его!

Онъ бѣжалъ безъ пути, безъ отдыха и оглядки, увязая въ глубокихъ сугробахъ снѣга. Его покидали силы.

Шинель городского связывала движенія Воеводина.

Было желаніе упасть въ бѣлую снѣжную постель, спрятаться въ сугробахъ и отдохнуть.

Настигали.

Цакали по мерзлой землѣ лошади стражниковъ.

— Бѣги, бѣги! — гнала мысль. — Тебя ждетъ каторга, каторга!

Воеводинъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы скрыться отъ преслѣдователей.

— Вотъ, онъ! Стрѣляй ему въ ногу! — крикнулъ кто-то изъ городскихъ и тихая ночь огласилась револьвернымъ выстрѣломъ.

Воеводинъ свернулъ за уголъ, увидѣлъ открытыя ворота большого дома и быстро скользнулъ въ нихъ.

Вошелъ въ темный молчаливый дворъ, увидаль полѣнницу дровъ и за ними спрятался.

Полиція прошла мимо воротъ.

— Не замѣтили! — облегченно подумалъ Воеводинъ и только что рѣшилъ дать покой своимъ усталымъ ногамъ, какъ, вдругъ, откуда ни возмись, выбѣжала собака, почуяла чужого человека и отчаянно залаяла.

Какъ не старался Воеводинъ успокоить встревоженную собаку, она еще пуще заливалась лаемъ. За воротами слышались спящіе шаги и голоса.

— Куда онъ могъ удрать? — недоговаривалъ кто-то, и по тому тону, какимъ былъ заданъ вопросъ, было ясно, что человекъ зорко смотрѣлъ по сторонамъ и прислушивался къ каждому звуку. Другой утвердительно замѣтилъ.

— Онъ, навѣрное, въ этомъ дворѣ!

— На кого это собака такъ отчаянно лаетъ?

— На кого! Конечно на него. Онъ тамъ.

— Оцѣпить домъ!.. Смотрѣть въ оба!

— Эти голоса нестерпимо жгли душу Воеводина. Ушаченно билось сердце. Было желаніе остановить его, словно могли услышать за воротами, какъ бѣжитъ человѣческое сердце.

Куда бѣжать? — думалъ онъ. — Всѣ пути отрѣзаны.

Онъ поднялъ изъ за полѣнницы голову и сталъ озираться по сторонамъ: нѣтъ ли выхода?

Дверь тѣсно была сомкнута стѣнами домовъ, и выхода, за исключеніемъ большихъ воротъ, не было.

— Что дѣлать? Огдаты ли себя добровольно въ руки полиціи или биться до конца?

Въ эту минуту, смертную для Воеводина, когда холодныя цѣпкіе шупальцы все ближе и ближе тянулись къ его душѣ, умеръ прежній Воеводинъ — слабый духомъ, сомнѣвающийся, двойственный, и явился новый, смѣлый рѣшительный, неумолимый, готовый биться до смерти. Померкъ въ душѣ тихій ласковый свѣтъ воспоминаній. Боль объ ушедшемъ уступила мѣсто клочкующей злобѣ.

Въ то время, когда во дворъ входила полиція, Воеводинъ замѣтилъ лѣстницу, приставленную къ одному изъ домовъ.

Не долго думая, онъ подбѣжалъ къ ней и быстро сталъ подниматься на крышу.

Преслѣдователи его замѣтили и ожесточенно — злобно крикнули:

— Ни съ мѣста!

Нѣсколько человекъ городскихъ подбѣжало къ лѣстницѣ.

Одинъ изъ нихъ хотѣлъ подняться слѣдомъ за Воеводинымъ, но въ это время раздался выстрѣлъ, и городской, тихо простонавъ, упалъ на землю.

На выстрѣлъ Воеводина отвѣтили также выстрѣломъ.

Огнемъ обожгло плечо Воеводина. Онъ почувствовалъ, какъ горячая кровь струилась по рукѣ, и жгла нестерпимую боль, но не растерялся, а, наоборотъ эта рана прибавила ему рѣшимости.

Воеводинъ достигъ крыши и сбросилъ лѣстницу, отрѣзавъ къ себѣ путь.

Полицейскіе ругались, и продолжали глушить ночь револьверными выстрѣлами.

Цѣпляясь за черепицы, Воеводинъ старался достигнуть противоположнаго края крыши, но это удавалось съ большими усиліями.

Скользили ноги. Поминутно грозила опасность свалиться внизъ и разбиться.

Онъ доползъ до водосточной трубы, и быстро сталъ спускаться внизъ. Но только что ноги его коснулись твердой земли, какъ раздался громкій голосъ, заставившій Воеводина вздрогнуть:

— Ни съ мѣста! Руки вверхъ!

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАИНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предидущие номера с началом романа можно получить в конторке газет).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

18.

Настигают.

Стоял городской, направляя на Воеводина дуло револьвера. Место было глухое, окруженное забором.

Быстрой хищной птицей налетел Воеводин на городского, выбил из его рук револьвер, сильным ударом кулака лишил его сознания, и пока тот ничком лежал в сугроб, гибким кошачьим прыжком взметнулся через забор, подобрал полы шинели, и побжал улицами, перелюками.

Навстречу Воеводину, откуда ни возьмись, метнулась черная фигура городского.

— Куда бжишь? — спросил он. Воеводин не растерялся и отагтил:

— Тюр, разв ты ничего не

знаешь? Из предварительного заключения бжал преступники! Вся полиция на ногах! Стоишь истуком и ни черта не знаешь! Ну мн, нкогда! — прибавил он: — бгу ловить, авось попадетя!

— Ну, помогай Бог! — напустивал Воеводина городской. Не успел Воеводин скрыться во мрак улиц, как показалась полиция. Остановилась, и спросила городского, только что разговарившего с бглецом.

— Никого не выдал? Видел одного из наших. Бжал в погоню, говорить, за преступником...

— Кто такой? — Незнакомый какой-то. Видно из новичков. Ретивый да быстрый с виду-то!

На бдного городского посыпали ругательства и проклятия:

— Дурак! Осел! Что-б теб издохнул! Ты вдь преступника упустил! Хитрым манером он

переодился в нашу шинель и бжал из камеры! У-у морда! — горчился старший, поднес уфистый кулак к самому носу опшившего городского.

— Куда побжал? — нетерпеливо теребили его. — В какую сторону? Городской указал направление.

Воеводин добжал до берега рки. Место было укромное. Усилалась выюга. В ее снжных космах ничего не было видно. Счита себя в безопасности, он пошел шагом.

Ныло простреленное плечо. Теплыми струями шла кровь.

От потери крови чувствовалась слабость и менталось о покое, все равно гд, в пещер-ли, в сарае, но только уйти-бы от людей, прследующих его по пятам, и не слышать их рзких озлобленных голосов.

Он дошел до высоких черных скал, расположенных на безлюдном глухом берегу Наровы. Сел на камень и задумался. Кружился снж. Свирпо рычал неподалеку водопад. Раздавались свистки паровоза.

Над головой Воеводина пла выюга. Пла о том, как хорошо сейчас в родном уютном дом, и как хорошо заснуть на теплой лежанке, в тихом мерцании лам-

пад, под снжными псами, за окном — морозом разуренным...

Слипались вки. Перед глазами не было выюги черных скал, полиции, погони. а была свтлая уютная горница на тери... там... в деревушке на берегу Чудского озера...

И было хорошо. Кто-то ласково кто-то плл, кто-то заботливо рт крывал его одблом, и только что хотел Воеводин улыбнуться благодарно заботливому человеку и уйти в тихий сон, как, вдруг, послышались рзкие, такие знакомые и такие ненавистные голоса, которые так грубо разорвали н...

Воеводин встепенул: — Полиция! В глаза бросилось зияющее н скалах отверстие, поросшее кустарником.

Он бросился туда. Прогнав, сь большим трудом, вгляз — черную тьму и стал прислушиваться.

Полиция подходила к самым скалам...

(Продолжение следует)

= ТАИНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предидущие номера с началом романа можно получить в конторке газет).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

19.

В Нарвских подземельях.

Воеводин притаился в тсном каменном ущелье и настороженно прислушивался к голосам полиции.

Усталые и озбшие городские переругивались:

— Чертова мать! — Гд его, окаянного, сыщешь? — Эг не видать! — В руках, вдь, был разбойник, а сумел вывернуться! — Не спрятался-ли он гд нибудь в скалах? — Надо поискать! — Вахромеев, загляни в то отверстие, что кустами заросло. Видны какие-то подозрительные, слды... Наверное там спрятался!

Воеводин слушал диалог между городскими и старался тснне спрятаться в укромн нутр подземелья. Опять тнулись цпки щупальцы опасности.

— Ничего не подлать, — устало думал он. — Меня сейчас найдут. Бороться нтъ сил...

Потеря крови отразилась на нем. Болела голова. Все тло было разбитым, словно проехала тяжелая повозка, и хотлось отдыха... А отдыха не было.

Городской все ближе и ближе подходил к его убжищу.

Под его ногами шуршали потревоженные камни.

Несмотря на то, что была смертельная усталость и болело пораненное плечо, Воеводин нашел силы инстинктивно попятиться назад, и, вдруг, неожиданно для себя провалился в какую-то яму, и потерял сознание...

20.

Сколько прошло времени, Воеводин не мог определить. Когда он очнулся, то увидел себя в громадной каменной галерее. С потолка свшивались сталактиты. Гд-то журчал подземный ручей. Воеводин с облегчением подумал, что он спасен какой-то невдомой силой, и почувствовал, что теперь его никто не увидит, и он может отдохнуть,

Он поднялся и безпокойно стал ходить, но была такая слабость, что не мог удержаться на ногах, и опять сел.

Вдруг, среди ясной тишины подземелья, до слуха Воеводина донесли придушенные глухие голоса. Он прислушался. Притаился. Слов нельзя было разобрать, слышался неясный гул.

— Кто-же это? Не полиция-ли? Но, полиция осталась за стнами подземелья, а эти голоса доносятся откуда-то снизу?

Воеводин заинтересовался эти таинственные подземные голоса, и он пошел им навстрчу.

Голоса раздавались все ближе и ближе.

Найя в стн отверстие, Воеводин проскользнул в него, и по каким-то невдомым ступеням стал спускаться вниз, принимая вс мры предосторожности.

Говорили гд-то по близости. Слышны были слова: „группа террористов... Снаряд с нитроглицерином... Товарищ Виктор...“

— Виктор? — удивился Воеводин. — Неужели мой друг Виктор? Как он сюда попал, и что за люди ютятся в подземельях?

И ему вдруг, с отчетливой ясностью, вспомнилась ночная встреча с Виктором когда он прблхал из Петербурга и шел к Ирину... Припомнились и слова Виктора: „уйду в подполье... Террористом задлаюсь!..“

Воеводин дошел до двери окованной желзом. Нажал ручку и откыл дверь в уютную,

освщенную свчами камеру с низким сводчатым потолком. Громадная фигура Воеводина в шинели городского восторжонно обитателей этого странного жилища. Нкоторые поспшно схватились за оружие, и приготовились обороняться, полагая, что полиция длеть облаву.

Но Воеводин протянул к ним руки и сказал: — Не надо. Я усталый человек! — и, как подкошенный, упал на пол...

— Миша! Голубчик! Ты, как сюда попал? — бросился к нему Виктор, узнав по голосу своего заадычного друга... — и затм обратился к своим друзьям:

— Это Воеводин, которого обвинили... Он, наверно, сбжал из тюрьмы... Помогите ему!

Воеводина подняли, бережно раздл, увидели рану, перевязали ее и уложили его в постель... Тние стены наполнили подземелье, и сии без слов говорили, что этот большой, красивый и сильный человек устал физически и морально, и сейчас, когда он лежал блдный, с компрессом на глазу, и стражающей, была похожа на больного ребенка, которого кто-то жаль.

У изголовья Воеводина Ольга, взвзшая исполнить сестры милосердия.

(Продолжение следует)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предлагаемые номера с началом романа можно получить в конторе газет)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

21.

Бредъ.

... Шелъ Воеводинъ по снѣжной безконечной степи. Не видно дороги. Не мерцало адала огни деревень. Беззвѣдно. Одиноко. Холодно. Онъ уставалъ. Погружался въ глубокіе сугробы снѣга. Мечталось о семейномъ покойѣ. О Ирине — невестѣ свѣтлой, что ждетъ его, Мишу, въ своей комнатѣ. Тяжела была бѣлая дорога, но онъ старался преодолѣть ее — впереди Ирина, счастье, отдыхъ...

Вдали угадывался огонекъ. Около огонька Ирина. Онъ спѣшитъ навстрѣчу огню. На крыльцо вышла она бѣлымъ видѣніемъ. Въ весеннемъ платьѣ. Съ живыми цвѣтами въ рукахъ. Хотѣлъ крикнуть ей, взволнованнымъ восторгомъ: — Ирина! Снѣгъ, вьюга, морозъ холодно!

Но въ это время съ разныхъ концовъ черными птицами налетѣли городовые, окружили его чернымъ сомкнутымъ кольцомъ и злорадно зашипѣли, протягивая къ нему свои когтистыя лапы!

— Попался!!!
Безпомощный метался Воеводинъ въ черномъ, сомкнутомъ кольцѣ и кричалъ рыдающимъ крикомъ:
— Спасите меня! Спасите!

Ольга не успѣвала прикладывать компрессы къ его воспаленной головѣ. Сильныя руки Виктора и Алексѣя едва удерживали мечущагося въ жару Воеводина.

Медикъ Кусковъ — одинъ изъ обитателей подземелья, маленький, горбатый, въ синихъ очкахъ — приготовлялъ лѣкарство.

На мгновение откроетъ Воеводинъ глаза. Сурово обведетъ ими стѣны подземелья, углубленные ершикомъ, каменный столъ, издревнированные табуреты, каминъ, полку съ книгами, черепъ въ переднемъ углу въ кисте образа, прекрасную женщину, не отходившую отъ

его постели, лица Виктора и незнакомыхъ ему людей и опять передъ его глазами туманы, вьюга, снѣгъ и полиція, преслѣдующая его по пятамъ, и опять безсвязный бредъ колыбался въ тихихъ суровыхъ стѣнахъ подземелья.

Въ темномъ углу стояли Мечъ и неуклюжий, съ короткими ногами мужчина, плѣшивый, безусый, съ круглымъ комичнымъ лицомъ, и вели разговоръ шопотомъ.

— Вамъ, товарищъ Енисей, необходимо познакомиться съ женой Н-скаго губернатора. Когда это будетъ сдѣлано, вы должны выкрасть изъ кабинета ея мужа списокъ смоленскихъ террористовъ, захваченный полиціей въ квартирѣ студента Творогина...

— Я всегда подчинялся вашимъ распоряженіямъ, товарищъ Мечъ! — говорилъ Енисей: — дѣлать дѣла и поважнѣе этого, но долженъ въ интересахъ нашей партіи отказаться отъ этой миссіи...

Брови Меча дрогнули:
— Почему?
Енисей виновато, съ улыбкой развелъ руками:

— Кавалеръ-то я болѣе некалѣбный. Жена губернатора интересна, воспитанная дама. На нее надо произвести впечатлѣніе. Этого я, при всемъ желаніи, не могу сдѣлать. Я не кавалеръ, а шутъ гороховый! Мнѣ только съ губернато-

ромъ дѣло имѣть, да и то въ "тенную".

Мечъ разсмѣялся:
— Да, положимъ вы правы. Но чиникъ-то вашъ, не то... не патристиканское... Подвести мину подъ губернаторшу, дѣло мудреное... кое... хе-хе... Но какъ-же быть? Кого послать? Ни одного парня красиваго, нѣтъ на наше несчастіе! — Какъ нѣтъ? — голосомъ удивленія спросилъ Енисей. — А зтогъ-и онъ кивнулъ въ сторону бредившаго Воеводина.

Лицо Меча пряснѣло:
— Правда! Совѣмъ изъ головы вонъ... Парень хотъ куда... Но гласится-ли?

— Конечно, согласится! — Утвердительно замѣтилъ Енисей. — Ему теперь некуда пойти. Изъ Воеводина царить таксе, что онъ на все пойдетъ. Парню душу растоптали. А коли душу растопчутъ, съ Богомъ бороться будешь, а не то что съ челоукомъ.

Мечъ немного подумалъ и сказалъ: — Да. Ему пойти некуда. Дѣлать онъ будетъ цѣлкомъ приспособленіемъ. Будетъ ждать его, разсужденія, а потомъ и погодимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предлагаемые номера с началом романа можно получить в конторе газет)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

22.

Ночной Петербургъ.

Когда дневной, трудолюбивый Петербургъ гасилъ свои огни и отдыхалъ до слѣдующаго, полного заботъ и труда утра, ночной праздничный Петербургъ просыпался отъ дневного сна, зажигалъ свои яркіе звушые огни и не гасилъ ихъ до снѣжнаго разсвѣта.

Трудовой Петербургъ спалъ. Праздничный Петербургъ веселился. На окраинѣ города, въ богатомъ особнякѣ въ императорскомъ стилѣ, подъ скромной, не наводящей ни на какія подозрѣнія вывѣской "Пансіонъ" было весело и людно.

Въ залѣ преобладала молодежь. Студенты, офицера, гимназистки, купеческіе и дворянскіе сынки. Играли. Пѣли. Танцевали. Въ тѣни пальмъ цѣловались, объяснялись въ любви... Все было скромно, безъ всякаго специфическаго оттѣнка загороднаго публичнаго дома. На

стѣнахъ бѣлѣли амплаги "Пьянымъ входъ воспрещается". Громкіе сильные лакеи зорко слѣдили за молодыми гостями и не давали "развернуться". Изрѣдка въ залѣ появлялась хозяйка дома, обрусѣвшая француженка м-мѣ Роззъ — упитанная женщина, одѣтая въ шелкъ и зажатая драгоценными камнями, неприятная, имѣющая странное сходство съ жабой. Но эта неприятность сглаживалась хорошими манерами, ласковымъ подкупающимъ голосомъ и милымъ радушіемъ. Съ материнской нѣжностью она смотрѣла на дѣтокъ, какъ она всегда называла своихъ молодыхъ гостей. Для каждого она находила пріятливое слово, и гости были довольны своей хозяйкой.

Домъ м-мѣ Роззъ былъ мѣстомъ свиданій всѣхъ влюбленныхъ Петербурга. Полиція, такъ много слышанная о чудовищныхъ оргіяхъ, происходящихъ въ этомъ "пансіонѣ", часто дѣлала неожиданныя облавы и обыски, и всегда наталкивалась на пріятливую, воспитанную м-мѣ

Роззъ, и на молодое, непьющее, невинное общество въ томъ залѣ, гдѣ вистѣлъ аншлакъ "Пьянымъ входъ воспрещается". Полиція, слѣдомъ за пріятливой хозяйкой, обходила весь домъ, съ многочисленными запутанными комнатами, заглядывала въ каждый уголокъ, и, убѣдившись, что ничего подозрительнаго нѣтъ, смущенно пожимала плечами, извинялась и уходила...

Но людская молва продолжала твердить о чудовищныхъ оргіяхъ, происходившихъ въ этомъ невинномъ "пансіонѣ".

Ночные прохожіе часто слышали, какъ гудитъ этотъ большой, безъ единого огонька въ окнахъ домъ отъ какихъ-то странныхъ голосовъ и придушенной, словно идущей изъ подъ земли музыки.

Суевѣрный прохожіе полагали, что тамъ нечистая сила, суевѣрный догадывался, что въ этомъ мрачномъ домѣ пляшетъ обнаженный грѣхъ...

23.

М-мѣ Роззъ безпокоилась. Часто вызывала лакея, тайно и о чемъ-то его спрашивала и продолжала бѣгать изъ одной комнаты въ другую, то поднимаясь по широкой, покрытой безшумнымъ ковромъ лѣстницѣ, то спускаясь внизъ и отдавая на ходу распоряженія прислугѣ.

— Не пріѣхалъ еще? — спрашивала она милостивую горничную въ темномъ углу.

— Нѣтъ еще.
— Все готово?

— Мало опіума, но я послалъ Фрица въ китайское посольство за Ли-Чинъ...

— Прекрасно, но какъ та... наша ревунья-дикарка?

— Плѣчетъ, и никакихъ! — развела руками горничная: — проситъ къ мамѣ.

— Дура... — ухмыльнулась жаба гримасой м-мѣ Роззъ. — Неужели и подвалъ ее не могъ образумить?

— Надо полагать.

— Позови скорѣе ко мнѣ Макса — раздраженнымъ голосомъ приказала м-мѣ Роззъ.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ ней предсталъ Максъ, неуклюжий, мрачный, похожій на герилау.

— Пойдемъ со мной! — сказала она ему.

Максъ тяжело, какъ звѣрь, пошелъ за ней.

Прошли рядъ комнатъ и очутились въ маленькой уютной, освѣщенной голубоватымъ свѣтомъ комнатѣ.

На кровати сидѣла матушка, лѣтъ двѣнадцати дѣвочка и горько, навзрыдъ плакала.

Она была обнажена, и около нея, на полу, въ беспорядкѣ валялось шелковое платье и черныя туфельки.

Когда вошла м-мѣ Роззъ съ страшнымъ загроможденнымъ Максомъ, дѣвочка вскрикнула съ испугомъ, закричала острымъ крикомъ, и въ испугѣ хотѣла спрятаться подъ кро-

мать, но подскочил Максь, схватил ее желтыми тисками за ноги, и бросил на пол, ударив ее в спину носком сапога. Девочка с тихим стоном упала на пол, и замолкла. М-те Розз безпокойно нагнулась к ней, прислушалась к биению ее сердца, и, убившись, что девочка жива, отдала Максу распоряжение: — Отнеси ее в подвал! Когда сойдет, посиди ее ремнем, но смотри: сечь по одному месту, а то изуродуешь ее тело полосами, накону она не будет нужна... — С полосами-то она будет лучше! — ухмыльнулся Максь. — Больше наслаждений г-ну Сычугову... — Будь осторожнее! — заботливо доверила м-те Розз. Как тонкую блуждущую березку, взвалил Максь девочку на плечи, отнес ее в сырой, мрачный подвал, и положил на земляной алабийный пол, по которому бегали крысы...

24.

Стрелка часов далаась к девяти часам ночи. М-те Розз вошла в зал. Упав на ладони рук, призывая танцующую публику к вниманию. И когда все умолкло, сказала с нежной заботой матери к своим детям: — Дети! Час поздний. Пора ложиться. В постельку. А то придет полиция, и вашу добрую мамашу м-те Розз посадят в тюрьму за развращение молодых нравов... Не подводите свою мамашу и расходитесь... Молодежь, нехотя, покидала уютный зал. Через час дом м-те Розз опустел и погасил огонь. Полиция, делавшая облаву на тайные кабаки и публичные дома, внимательно приглядываясь к «пансону», прошла мимо, успокоенная его молчаливостью, сном и погашенными окнами. Но только что умолкли шаги полиции, как в окнах пансону вспыхнул робкий огонек свечки, и к черному укромному ходу «пансону» стали сходиться темные, озирающиеся по сторонам, фигуры, звонили, и безшумно ныряли в неслышно растворяемые двери.

— Вы, г-н Сычугов? — таинственным шепотом спрашивала в прихожей м-те Розз. — Я! — хриплым басом отвечал Сычугов. — Чем вы меня сегодня порадуете? — Порадую, порадую, — отвечала она. — В вашем вкусе. Недавно из деревни.

(Продолжение следует)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предыдущие номера с началом романа можно получить в конторке газеты)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

В угарь страстей.

25.

Впереди шла со свечей м-те Розз. За ней, как заговорщики, шли десятка полтора крупных петербургских богачей, собравшихся сюда весело проводить время.

Пришли в маленькую комнату, в которой стоял около стены большой рзной шкаф.

М-те Розз позвонила.

В дверях показались две фигуры высоких лакеев, которые, ни слова не говоря, молча отодвинули шкаф, за которым обтлала небольшая дверь.

В дверь гости входили поочередно и спускались по небольшой лестнице в подвальное помещение, откуда доносились ласкающие звуки музыки.

Дошли до высоких, задранированных дверей, которая, словно по мановению волшебной палочки, безшумно растворилась, и глазами вошедших представилось зало, мягко освещенное глубоким светом.

Посередине стоял сервированный стол. Цветы. Дорога вина. Вмesto стульев — древние языческие ложа. В глубине зала сцена

закрытая занавесом, на котором вышиты обнаженные женщины.

Очтившись в укромном, уютном месте, гости оживились, и стали разсуждать по местам.

Заиграла музыка.

Взвился занавес.

Обнаженные, обольстительные женщины закружились в вольном греховном танце.

Пресыщенный Сычугов лениво смотрел на женщин, потягивая крошон. Он с нетерпением ожидал, когда позовут его м-те Розз... к той невинной девочке...

Выпитое вино, обнаженные женщины создавали ту обстановку, в которой теряется грань между дозволенным и недозволенным. Посыпались скабрзные анекдоты, шуточки. Появилась развязность манер. Женщины безцеремонно обнимали мужчин. Через какой-нибудь час в низких сводах «пансону» стояли тот пьяный угарный шут, отголоски которого долетали до тихих ночных улиц и пугали робкого прохожего.

Но Сычугов не был весел. Последнее время его обуревали мрачные мысли, от которых он не знал куда убегать.

— Забыться... забыться! — д-огненной боли твердила его душа.

И он, в вин, в разврат топил сумасводящую, ни на минуту его не покидающую тоску...

А тоска шла за ним, мучила его, и отравляла все радости жизни, которые когда-то улыбались ему, а теперь смотрели тоскливо, как осенние грязные дороги...

И вот, сейчас, несмотря на то, что веселье пилось и кипело, как вино, он мрачно курил папиросу за папиросом.

— Что головушку повесил? — спросил его миллионер Рыбинков.

Сычугов грубо отрезал:

Отстань.

К нему подходили женщины, пробуя заворочить своими улыбками, но он их бросал резко и грубо:

— Вонь убирайтесь!

К Сычугову подошел лакей и шепнул на ухо.

Сычугов улыбнулся, поднялся из-за стола и пошел за лакеем. Дошли до какой-то двери.

— Здсь... — шепнул лакей и скрылся.

Сычугов открыл дверь.

Маленькая комната в сумрачном свете.

На оттоманке сидела девочка в белом платье, которая испуганно смотрела на вошедшего. Слышно было, как лихорадочно стучали ее зубки. Девочка встала, заплакала и в мольбе протянула к нему свои руки.

И когда Сычугов увидел ее, в мольбе, с протянутыми в мольбу к нему детскими ручками, им овладел страх. Он закрыл лицо руками и попятился назад, прошептав голосом безумия:

— Она!.. Ирина!..

Вспомнил призраки...

Девочка тянула к нему свои детские худые ручки, и чудится Сычугову, ясно чудится, что это не,

она тянет к нему руки, а Ирина, над которой он совершил преступление...

Он вскрикнул, и тяжело рухнул на пол...

Девочка сообразила, что нельзя терять время, и надо бжать из этого страшного дома...

Осторожными крадущимися шагами она вышла из комнаты, открыла дверь и стала пробираться к выходу.

Вошла в темную комнату, в которой было открыто окно.

Подойдя к нему, она благополучно выпрыгнула в сад, откуда через железную ограду перебралась на улицу и со всех ног побжала прочь от этого дома, где ее так мучили злые тети и дяди...

Навстречу девочке шла полиция. Заинтересовались бегущей, босой девочкой в легком шелковом платьице, пугливо озирающейся по сторонам.

Остановили.

Спросили.

— Откуда ты, девочка?

Она рассказала подробно о том страшном доме, в котором злая тетя заставляла ее голодать в сырости подвал и сечь ремнем.

— Покажи нам этот дом, девочка!

Девочка с готовностью согласилась и повела полицию к «пансону» м-те Розз.

В эту ночь не помогла любовь м-те Розз. С помощью девочки удалось найти то место, где происходили оргии.

М-те Розз и ее ночные гости были арестованы...

(Продолжение следует)

сох саратовских террористов". и вручил ее Воеводину...

Когда все было окончено, губернатор с милым русским радушием предложил Воеводину позавтракать и отдохнуть...

До поезда было около часа и Воеводин с удовольствием принял предложение губернатора.

Завтрак приготовили на скорую руку, и когда он съел за стол в туш у него шевельнулась жалость к этому доверчивому радужному человеку, но, вспомнив, что в руках этого человека судьба сотен людей, Воеводин успокоился...

Сердечно распрощавшись с губернатором, он на той же тройке помчался к станции...

29. В канцелярии Энскаго губернатора кипит работа.

Несмотря на то, что было много скучных посетителей и скучных дел от которых раньше у губернатора разливалась желчь, в этот день, день приезда петербургскаго чиновника, в хорошем расположении духа был губернатор. Ласкала мысль, что на него в Петербурге обратили внимание, и даже сам министр послал ему благодарность.

Светло мечталось о повышении и наградах... Все люди и все дела не казались больше ненужными и скучными, и приобрели значительность и красочность.

Вошел адъютант. Поклонился и обратил внимание на брошенную кем-то на пол бумажку.

Поднял ее. Положил на письменный стол и спросил: — Ваша бумажка?

Губернатор прочитал бумагу, пожал плечами и спросил: — Как сюда попал отпускной билет студента Петербургскаго университета Михаила Воеводина?

Долго вертел ее в руках и ничего не мог понять. Вдруг он вздрогнул и вспомнил, как из портфеля чиновника Розова выпала какая-то бумага. Заметались тревожные мысли: — Что может быть общего между чиновником Розовым и студентом Воеводиным?

Шевелилось подозрение: — Не аферист-ли этот Розов? Может быть путем обмана и подделки документа он выманил у меня список террористов? Не террорист-ли был у меня? Они на все штуки способны... Народ хитрый... Вот тебе и радости!

Губернатор схватился за голову и закричал вдруг отчаянным криком: — В погоню!

— Не аферист-ли этот Розов? Может быть путем обмана и подделки документа он выманил у меня список террористов? Не террорист-ли был у меня? Они на все штуки способны... Народ хитрый... Вот тебе и радости!

Губернатор схватился за голову и закричал вдруг отчаянным криком: — В погоню!

— Не аферист-ли этот Розов? Может быть путем обмана и подделки документа он выманил у меня список террористов? Не террорист-ли был у меня? Они на все штуки способны... Народ хитрый... Вот тебе и радости!

Губернатор схватился за голову и закричал вдруг отчаянным криком: — В погоню!

— Не аферист-ли этот Розов? Может быть путем обмана и подделки документа он выманил у меня список террористов? Не террорист-ли был у меня? Они на все штуки способны... Народ хитрый... Вот тебе и радости!

(Продолжение следует)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Прездущие номера с началом романа можно позвучать в конторѣ газетѣ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Быщики.

30.

На отчаянный крик губернатора съѣзжались:

— В чемъ дело, ваше превосходительство?

Губернаторъ безсвязно объяснил:

— Сегодня рано утромъ... подѣждѣ чиновника петербургской охранной полициѣ... приѣхалъ ко мнѣ ѣкто. Розовъ... выманилъ у меня списокъ саратовскихъ террористовъ... и уѣхалъ... По его уходящей была найдена бумага, выпавшая изъ моихъ глазахъ изъ его портфеля и удостоверяющая, что онъ не Розовъ, а студентъ Воеводинъ... Террористъ какой нибудь... Боже мой! Что же мы лѣсы точимъ... Скорѣе въ погоню!

Изъ безсвязныхъ словъ губернатора кое-что поняли, спросили при-

мѣты и, не теряя времени, сообщили по желѣзнодорожнымъ станціямъ, чтобы задержали нѣкоего Василія Павловича Розова...

Въ купѣ перваго класса сидѣлъ Воеводинъ, углубившись въ газету. Въ отдѣлѣ происшествій, со всѣми подробностями сообщалось о раскрытіи тайнаго публичнаго дома т-те Розъ и арестѣ видныхъ за сегодѣнь этого дома коммерсантовъ Рыбникова, Сычугова и др. Ненавистное имя, отпечатанное на страницахъ газеты, какъ ножомъ, растрепало незаживающую, все еще кровоточащую рану...

Онъ думалъ: — Негодяй! Кутить... развратничать... забывать хочешь? Уйти отъ самого себя? Не уйдешь, скотина! Если совѣсть тебя не доконаетъ, я, какъ ты, буду преслѣдовать тебя... и, гдѣ-бы ты ни былъ, я найду тебя и сумѣю посчитаться... Проклятый, проклятый!... — сквозь стиснутые зубы шепталъ онъ, хвативъ руками голову...

Не дожидая маленькаго провинціальнаго городка, въ купѣ вошелъ юркій господинъ. Въкливно раскланялся съ Воеводининымъ, молча сѣлъ, развернулъ газету и сталъ читать.

Отъ глазъ наблюдательнаго Воеводина не ускользнуло, что юркій господинъ бросалъ на него короткіе, подозрительные взгляды, отъ которыхъ становилось неприятно, какъ отъ глазъ слѣдователя...

— Что ему надо? — спрашивалъ себя Воеводинъ. — Не сыщикъ-ли?

Юркій господинъ продолжалъ слѣдить за Воеводининымъ, заширмивъ себя большою газетою.

Воеводинъ все больше и больше убѣждался, что этотъ типъ слѣдитъ за нимъ неспроста. Вѣроятно, въ Энскѣ разузнали его инкогнито и послали въ погоню...

Былъ неприятенъ этотъ высѣжающийся и хищно высматривающій человекъ.

Чтобы не видѣть его, Воеводинъ вышелъ на площадку.

Не прошло и пяти минутъ, какъ рядомъ съ нимъ очутился тотъ,

— На природу любуетесь? — сквозь ехидное хихиканье спросилъ типъ.

Воеводинъ не отвѣтилъ.

— Далеко изволите ѣхать? — продолжилъ спрашивать тотъ.

— Далеко!... — недружелюбно процѣдилъ Воеводинъ...

— Откуда идете?

Воеводинъ не отвѣтилъ и пошелъ въ купѣ.

Бросилось въ глаза, что приоткрыта крышка портфеля. Было ясно, что юркій господинъ заглядывалъ туда. Хорошо, что списокъ террористовъ находился у него въ потайномъ карманѣ...

— Нѣтъ никакихъ сомнѣній! За мной слѣдятъ! — рѣшилъ Воеводинъ.

На площадкѣ стояло двое. Одинъ изъ нихъ сѣлъ по купѣ Воеводина, другой высокій и худощавый. Вполголоса разговаривали.

— Онъ... — говорилъ юркій. — Я видѣлъ бумаги въ его портфелѣ.

— Коли онъ, такъ надо преслѣдовать...

— Не сталь-бы обороняться? Здоровый дядя. Цѣлую руку расщипать можетъ... Лучше дождаться до станціи, а тамъ, при помощи полициѣ, его и схватимъ...

Не успѣли отвѣчать, какъ слова двухъ сыщиковъ, идущихъ по мощнымъ саблями ихъ крѣпкимъ желѣзнымъ рукамъ и выбрасывающимъ поезда...

Это былъ Воеводинъ.

Поездъ подходилъ къ маленькому провинціальному городку, гдѣ на была пересадка въ Петербургскій поѣздъ.

Воеводинъ вышелъ изъ вагоновъ. Надвигались сумерки.

Звонили въ церкви рѣдкимъ величественнымъ звономъ.

До прихода поѣзда два часа. Воеводинъ пошелъ въ городъ, чтобы нанять номеръ въ гостиницѣ и, во избѣжаніе слѣжки, тамъ переселиться и выйти незамѣченнымъ. За Воеводининымъ, какъ по пятамъ, шла черная мужская фигура.

— Слѣдять! — подумалъ онъ. Къ этой фигурѣ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ.

Куда Воеводинъ, туда и они. Подошелъ къ церкви, въ которой шла служба, и юркнулъ въ нее.

Было полутемно. Шла исповѣдь. Исповѣдники одинъ за другимъ уходили за ширму.

Блестящая, но рискованная мысль охватила Воеводинѣ.

Онъ рѣшительными шагами направился за исповѣдальную ширму. Стоялъ священникъ съ добрыми лурисными глазами и тихо прилащивалъ покаяться...

— Свѣтъ! — зашепталъ Воеводинъ. — Спасите меня... За мной слѣдять... Дайте мнѣ возможность переселиться здѣсь парикъ и измѣнить свой гримъ...

Священникъ въ ужасѣ попытаться навада.

— Не могу, чадо. Не могу поведомить... За тобой слѣдять значить, ты преступникъ... По долгу пастыр-

ства, я долженъ передать тебя въ руки правосудія.

И, вотъ, тутъ-то, въ мистической полутьмѣ храма, передъ Крестомъ и Евангеліемъ, Воеводинъ разсказалъ священнику все: какъ у него отняли невѣсту, какъ его арестовали, какъ онъ бѣжалъ изъ тюрьмы, попалъ въ кружокъ революціонеровъ, и какъ онъ похитилъ у губернатора списокъ людей, которымъ грозила смерть.

Священникъ внимательно выслушалъ Воеводинѣ, и, нисколько не усумнясь въ его правдѣ, тихо поглаживая по головѣ склоненнаго передъ аналоемъ Воеводинѣ, ласково зашепталъ:

— Жаль мнѣ, тебя человѣкъ... Молодъ ты, а сколько перестрадалъ... сколько... Молись Тому, Кто тоже страдалъ, и Кто одинъ можетъ помочь... Вѣрю тебѣ, чадо, ибо нѣтъ лжи въ очахъ твоихъ... Твори свое дѣло, а я обороню тебѣ... Помоги тебѣ, Христосъ...

Воеводинъ сорвалъ заплечную, и нацѣпилъ длинную саблю бороду... Поднялъ воротникъ, взялъ у священника благословеніе, и незамѣченный вышелъ изъ церкви...

(Продолженіе слѣдуетъ)

ТАИНЫ НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Послѣдующіе номера съ издательствомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

По слѣдамъ.

31.

Въ бирюзовыхъ, предвѣсненныхъ сумеркахъ, среди талыхъ снѣговъ, мчался къ Петербургу поѣздъ.

Въ вагонѣ III класса, у окна сидѣло двое и подъ шумъ разговоровъ, смѣхъ и визиты гармоники вели шопотную бесѣду.

Одинъ изъ нихъ маленький, чернявенькій, похожій на еврея, другой высокій, осанистый, съ длинной сѣдой бородой, какъ у старообрядческаго начетчика, и въ дорогой купеческой шубѣ.

Маленькій уныло жаловался выскому.

— Тяжелая наша служба. Безпечная. Всѣ-то насъ ругаютъ, сторонятся, а, вотъ, въ нутро-то сыщика заглянуть не желаютъ... Жалованье наше маленькое, а дѣловъ много. А дѣла-то все опасныя. Смерть по пятамъ нашимъ такъ и рыскаетъ. Не успеешь отдохнуть, какъ сейчасъ-же требуютъ: Кашкинъ, сыпь въ Бологое... Послѣд-

за такимъ-то... Очей не сомкнешь, такъ вотъ, какъ гончая собака, и рыскаешь... А я, вѣдь, человѣкъ о монашеской жизни даже очень мечтаю...

Бородатый сочувственно вздыхалъ:

— Чижолѣ ваша работа...

— И-и! Не говорите, ваше степенство. Вотъ и сейчасъ ѣду до Петербурга... Преступника одного выслѣживаю. Террориста...

— Вѣшать ихъ, чертовъ, надо! — прорывалъ бородатый.

— Именно, вѣшать! Сколько изъ-за нихъ безпокойства у насъ всякаго. Вотъ къ примѣру вамъ случай: прѣхалъ, этакимъ, столичнымъ орломъ къ Эискому губернатору чиновникъ особыхъ порученій, выманилъ важныя революціонныя документы и былъ таковъ. Ухалъ. А на чистую вышло, что онъ вовсе не чиновникъ, а террористъ...

— Ахъ, онъ окаянный! — сплюнулъ бородатый съ искренней досадой.

— Да-съ. Схватились. Въ погоны послали. Въ поѣздѣ настigli.

Только что арестовать хотѣли, а террористъ-то этотъ самый схватилъ двухъ изъ нѣшихъ за шиворотъ, да, какъ котовъ, и выбросилъ изъ вагона, среди поля! Вотъ какой

разбойникъ!

— Грѣхъ! — кричалъ бородой высокой. — Вокстину грядутъ времена антихристовы... А вы куда сейчасъ путь держите?

Чернявенькій отвѣтилъ: — Къ Петербургу. Случайно, не видакъ, аше степенство, этакое, здоровеннаго, высокаго барина, въ шубѣ, какъ у васъ, и съ ослѣпкой...

— Не видакъ, къ сожалѣнію не видакъ. Если-бы я его запримѣтилъ, такъ я бы его, окаяннаго... старикъ скрипнулъ зубами: — задущилъ бы крамольника!

Сыщикъ вдругъ вонзился въ старика. Изумленіе и ужасъ изобразились на его маленькомъ лицѣ. Въ глазахъ загорѣлись бѣглыя, едва уловимыя искорки затѣнной хитрости.

Старикъ не могъ понять, что случилось съ сыщикомъ? Почему онъ такъ изумленно взглянулъ на его лицо и быстро перемѣнился?

Сыщикъ посидѣлъ минуту двадцать, поговорилъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, поднялся и быстро вышелъ.

Старикъ, въ котораго былъ передѣтъ и загримированъ Воеводинъ, зазѣпокоился.

Вынулъ зеркало. Заглянулъ въ него и издрогнулъ: насѣхъ приклеенные усы за исповѣдальную ширмой отклеились и чуть держались... На это-то, вотъ, и обратилъ вниманіе сыщикъ...

— Я погибъ! — подумалъ Воеводинъ. — Надо спасаться!

Къ Воеводину шли какихъ-то три незнакомыхъ человѣка подъ пред-

водительствомъ маленькаго, въ фуфайку котораго поблескивало дуло револьвера.

— Настigli! — пыталась было замѣтаться испуганная мысль, но хладнокровіе Воеводинѣ задушило испугъ.

Не теряя секунды, онъ молниеносно снялъ тяжелую шубу, и, къ ужасу пассажировъ, сильнымъ прыжкомъ перескочивъ черезъ спинку дивана, направился къ двери...

— Стой! — визгливо закричалъ сыщикъ и направилъ дуло револьвера, но быстро спохватился: стрѣлять было рискованно въ вагонѣ до крѣвѣ переполненномъ пассажирами, и онъ только пригрозилъ:

— Стрѣлять буду!

— Держите его!

Но тѣ, кто пытался задержать Воеводинѣ, получили отъ него такіе увѣсистые удары кулакомъ, отъ которыхъ люди падали съ глухими стономъ и проклятіями.

Воеводинъ выбѣжалъ на площадку. Дверь предусмотрительно была заперта.

Оставался одинъ выходъ, броситься съ буферной площадки, но это грозило опасностью попасть подъ колеса бѣшено несущагося поѣзда.

— На крышу! — подсказала мысль.

Воеводинъ схватился за карнизъ крыши, поднялся на мускулахъ, но только что хотѣлъ закинуть ноги, какъ кто-то внизу крѣпко уцепился за нѣхъ и сталъ тянуть книзу...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Президиумъ номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

На мельницѣ.

32.

Нѣсколько сильныхъ рукъ тянули Воевину, не давая возможности подняться на крышу вагона. Одолѣвали.

Пальцы его все слабѣе и слабѣе держались за карнизъ вагона.

Думалъ подчиниться силѣ, но вспомнивъ, что его ожидаетъ тюрьма и грозить смерть тѣмъ сотнямъ живыхъ людей, что находятся въ похищенномъ спискѣ, Воевину сильными ударами ногъ оттолкнулъ своихъ противниковъ, и, пока они приходили въ себя отъ этого сильного удара, онъ съ ловкостью акробата вскочилъ на крышу вагона. Крыша была скользкой, и поми-

нуто опасность грозила Воевину упасть подъ колеса поѣзда.

Поднимался острый порывистый вѣтеръ.

За Воевинымъ поднималась маленькая черненькая фигура сыщика.

Онъ визгливо, сквозь порывы вѣтра, кричалъ:

— Сдавайся, а то стрѣлять буду! Воевину вмѣсто отвѣта угрожалъ ему кулакомъ.

Лицо сыщика исказилось злобой и онъ нажалъ курокъ револьвера.

Воевину во время соскочилъ съ крыши въ мягкіе сугробы одинокаго безконечнаго поля.

Слѣдомъ за нимъ прыгнули два сыщика.

Воевину убѣгалъ отъ опасности. Опасность шла по пятамъ и отнимала надежду на спасеніе.

Сыщики не переставали стрѣлять въ него, но по счастью ни одна пуля въ него не попадала.

Надвигались густыя сумерки. Сыщики выбивались изъ силъ и отставали.

Воевину тише пошелъ по ровному вечернему полю.

Густѣли сумерки.

Сколько прошелъ верстъ—Воевину не помнилъ. Ноги ныли отъ усталости. Мечталось объ отдыхѣ. Вдалекѣ мелькнулъ огонекъ. Воевину ободрился и пошелъ ему навстрѣчу.

Небо сіяло звѣздами и ночная тишина осыпала землю, когда онъ дошелъ до огонька.

Среди маленькаго березоваго лѣса стояла старая заброшенная мельница.

Неподалеку отъ нея приткнулась кривобокая бревенчатая избушка, въ окнахъ которой и горѣлъ огонь. Воевину постучалъ въ дверь. Хриплый старческій голосъ испуганно спросилъ:

— Кто тамъ?

— Откройте. Нельзя ли отдохнуть у васъ?

Въ сѣняхъ зашевелились. Открылась дверь.

Съ горящей лучиной вышелъ согбенный старикъ въ тулупѣ.

— Проходи, коли не шутишь, — прощамься онъ.

Воевину вошелъ въ теплую

избу. Пылала румянымъ жаромъ русская печь и въ котелкѣ кипѣла вода.

Старикъ былъ малоразговорчивъ. Онъ сѣлъ за столъ и сталъ читать толстую старую книгу, не обращая вниманія на гостя.

Прошло около часа.

Старикъ закрылъ книгу. Вздвинулъ. Перекрестился. Повернулъ голову къ Воевину:

— Не хочешь-ли потрапезовать?

И, не ожидая согласія гостя, поднесъ къ столу, принесъ коровья

хлѣба и чашку меда.

Сѣли ужинать.

Никогда Воевину не былъ съ такимъ аппетитомъ, какъ сейчасъ.

Былъ молчаливъ старикъ. Было въ немъ что-то отъ скиминара лѣснаго, отъ глухого задумчиваго монашья. Лицомъ былъ ясенъ, озаренный тихой стариковскою мудростью.

Послѣ ужина старикъ сказалъ:

— Отдохнуть хочешь? — полѣзай на печь.

Сквозь тихій сонъ, Воевину слышалъ, какъ старикъ, при свѣтѣ свѣчи, долго шопотомъ молился передъ темными старинными иконами.

Подъ тихіе молитвенные шопоты

старика, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

33.

— Проснись... — въ испугѣ терзалъ старикъ Воевину. — Бѣда! Проснись скорѣе!

Воевину проснулся.

— Что такое? — спросилъ онъ...

— Стучать въ окно, — лепеталъ старикъ. — Тебя, навѣрно ищутъ...

Воевину насторожился.

Въ окно стучали нетерпѣливыми ударами.

— Полиция! — похолодѣлъ онъ отъ досады. — Спаси меня, дѣдушка,

— обратился онъ къ старику...

— Пойдемъ, пойдемъ, — затормозилъ его дѣдъ. — Спасу... спасу...

Скорѣе только... Иди за мной...

Воевину пошелъ за старикомъ.

— Подними здѣсь крышку... — сказалъ дѣдъ останавливаясь.

Воевину поднялъ крышку погреба.

— Полѣзай туда. Спаси ты, Христосъ, отъ всякаго зла...

И старикъ съ любовью, по отечески перекрестилъ Воевину.

— Не выдалъ бы? — съ недовѣріемъ взглянулъ онъ на старика,

но стало стыдно, когда увидѣлъ его тихіе незлобивые глаза, глаза русскаго лѣснаго подвижника.

Воевину спрятался въ погребъ.

Притаялся за бочками и слушалъ, какъ сыщики входили въ избу старика, ругались, и разспрашивали о немъ.

Старикъ спокойно отвѣчалъ:

— Ничего не вѣдаю... никого не видѣлъ, живу я здѣсь одинъ, и никто ко мнѣ старому не приходитъ!

— Врешь, старикъ! — горячился маленький сыщикъ. — Здѣсь онъ!

Слѣды къ своему дому ведутъ...

— Ищите, коли мнѣ не вѣрите...

— отвѣчалъ старикъ.

Сыщики обыскивали избу.

Увидѣли крышку погреба.

— Это что?

— Погребъ, голубчики, погребъ, капуста у меня тамъ, да картофель...

— А вотъ мы посмотримъ, что у тебя тамъ за капуста да картофель!..

Селифановъ, открой крышку... — приказалъ маленький.

Старикъ повернулся къ образамъ и беззвучно сталъ молиться, со страхомъ ожидая разоблаченія.

— Не допусти Господи... Помоги ему спастись... — съ вѣрой просилъ онъ Бога.

Селифановъ открылъ крышку погреба...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предлагаемые номера с началом романа можно получить в конторке газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

34.

Въ западнѣ.

— Все кончено. Дѣваться некуда. Попалъ, какъ въ волчью яму... — думалъ Воеводинъ, притаившись за высокими бочками и прислушиваясь къ шагамъ сыщиковъ.

— Но бороться буду. Дешево себя не отдамъ!

Сыщики спустились въ погребъ. Циркнули спичку. Долгими шарящими глазами осматривали сырой темный погребъ, загроможденный бочками, ящиками, мѣшками и старыми хозяйственными скарбомъ.

Стояла тишина выжиданія. Воеводинъ удерживалъ дыханіе, словно могли услышать.

Сыщики, зажигая спичку за спичкой, осматривали каждый уголокъ

погреба, и почему-то обходили высокія бочки, за которыми сидѣлъ Воеводинъ.

— Загляни за бочки! — посоветовалъ маленький.

— Борьба! — рѣшилъ Воеводинъ, но благоразуміе подсказало спрятаться и сидѣть молча.

По близости лежалъ старый брезентъ.

Стараясь не производить малѣйшаго шороха, онъ покрывлся брезентомъ.

Сыщикъ бѣгло скользнулъ за бочки и сказалъ, досадливо сплевывая:

— Пусто!

— Куда онъ, чертъ, могъ дѣваться?

— Намъ остается одинъ выходъ, идти сейчасъ въ ближайшую деревню, нанять лошадей и гнать до Бѣльскаго тракта. Онъ гдѣ нибудь тамъ. Трактъ ведетъ на Петербургъ.

— А можетъ быть, онъ около

нымъ, Березовской дорогой пойдеть?

— Березовской дорогой не пойдеть. Мѣсто глухое. Пойдѣтъ Бѣльскимъ. Тамъ спросимъ.

Воеводинъ слушалъ и улыбался про себя.

— Спасибо, что сказали, гдѣ пойдете! Эхъ, вы, горе-мученики! Жалко мнѣ васъ, да дѣлать нечего.

Воеводинъ не зналъ мѣста и безпокоился, но теперь, благодаря разговору сыщиковъ, онъ узналъ по какой дорогѣ можно идти, чтобы не попасть въ лапы полиціи.

Крышка погребъ захлопнулась. Воеводинъ облегченно вздохнулъ.

Черезъ короткое время крышка опять пріоткрылась, но на этотъ разъ показалась голова старика.

— Живъ, рабъ Божій?

— Живъ, дѣдушка. Твоими молитвами...

— Это тебя Господь спасъ. Любить Онъ тебя и хранить, какъ зѣнцу она.

— Ушли?

— Ушли, ушли. Вылѣзай скорѣе изъ темницы...

Воеводинъ не зналъ, какъ благодарить добраго старика.

— Я тебя сразу возлюбилъ, — отвѣтилъ старикъ. — Душа у тебя младенческая, хо-орошая, а люди, злобой дышащие, оскорбили душу твою, и замутилась она выюгой...

Всего тебя вижу, и благословляю и молюсь за тебя. Помоги тебѣ сила небесная на горькихъ путяхъ твоихъ...

— Откуда ты знаешь все это, отецъ? — удивленно спрашивалъ Воеводинъ, не сводя глазъ съ его тихихъ, лучистыхъ, пронизанныхъ мудростью и провидѣніемъ глазъ.

— Я все знаю. Далъ мнѣ Господь вѣдать душу человеческую... А теперь иди... Иди. Не могу остановить шагъ твой, ибо велика твоя боль, велико твое страданіе.

Далъ ему старикъ на дорогу нѣшочекъ съ провизіей, старый тулупъ и шапку, поцѣловалъ его, какъ родного, проводилъ березовымъ утренимъ лѣскомъ, указавъ дорогу, и на прощанье сказалъ, не то Воеводину, не то себѣ, не то бѣлымъ утренимъ березамъ:

— И въ преступленіи иногда душа раскрывается...

Станнымъ были эти слова, но онъ глубоко вошелъ въ душу Воеводина, тая свой смыслъ.

Тепло распрощались. Старикъ пошелъ тихими думающими шагами къ своей старой мельницѣ, а Воеводинъ направился окольными путями къ Березовской дорогѣ...

Къ полудню онъ дошелъ до приморской корчмы, и рѣшилъ въ ней ловить чаю и отдохнуть.

Вошелъ въ полутемное длинное

помѣщеніе. Было тихо. Въ темномъ углу, за столомъ, сидѣло двое.

Послѣ солнечной весенней дороги Воеводинъ долго не могъ разглядѣть, что за люди сидѣли за столомъ, но, когда глаза привыкли, онъ невольно попятился назадъ:

— Сыщики! Уходить изъ корчмы не было смысла. Обратятъ вниманіе, арестуютъ.

Онъ сѣлъ за столъ, заказавъ чаю, и весь ушелъ въ глубокой полушубокъ, словно о чемъ-то думая тяжело и безрадостно.

Сыщики кончили пить чай, расплатились и стали собираться уходить. Поравнялись съ Воеводинымъ.

Одинъ изъ нихъ хлопнулъ его по плечу:

— Паря! Не видалъ ли гдѣ по близости человѣка? Этакого высокаго, да здороваго? Преступникъ онъ. Мы его ищемъ.

Воеводинъ глухо отвѣтилъ.

— Не видалъ, кормильцы. Много всякихъ тамъ высокихъ да здоровенныхъ.

— Этотъ особенный, на барина похожъ.

— Наше мѣсто глухое! — опять отвѣтилъ Воеводинъ: — оариковъ не видится.

— Такъ, такъ! — задумчиво цѣдилъ сыщикъ, подозрительно осматривая его.

— А не будешь ли ты любезный, тотъ самый, котораго мы ищемъ... Ишь руки-то у васъ какія бѣлыя, не мужичьи. Наконецъ то мы васъ поймали!

Воеводинъ понималъ что онъ попался.

Маленькій сыщикъ полѣзъ въ карманъ за револьверомъ, но не успѣлъ его вынуть, какъ Воеводинъ съ такой силой ударилъ сыщика кулакомъ по головѣ, что тотъ упалъ, разрядивъ револьверъ въ карманъ. Пуля ранила сыщика въ ногу, и онъ завылъ, не то отъ боли не то отъ страха.

Скоро опять поразить Васъ
Джеки Коганъ въ оупи
Мальчуганъ изъ Фландріи

Другой сыщикъ при видѣ богатырской фигуры Воеводина попятился и спрятался за столъ.

Воеводинъ быстро вынулъ револьверъ изъ кармана раненаго сыщика, погрозилъ имъ спрятанному другому и, провожаемый круглыми, вышедшими изъ орбиты, испуганными глазами хозяина корчмы, вышелъ на улицу и побѣжалъ къ ближайшему лѣсу...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предшущіе номера съ началомъ романа можно познать въ конторѣ газетъ)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

35.

У СВОИХЪ.

Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ въ крестьянскихъ саяхъ, ночуя въ избахъ и сараяхъ, черезъ большія опасности, Воеводины, наконецъ, добрался до Нарвы.

Въ подземелье онъ спустился ночью.

Не доходя двери, онъ услышалъ, что обитатели не спали, и о чемъ-то шумно спорили.

Доносились слова:

— Надо свести!

— Но какъ?

— Въ булку запечь напильникъ.

Трафаретъ Булка разрѣзается тюремной стражей.

— Сдѣлать нападеніе.

— Невозможно. Тюрьмы, гдѣ находятся политическіе преступники, охраняются, какъ августѣйшія особы.

— Наша горсть безсильна.

— Нужна ловкая хитрость.

— Но какая?

— Жалко нѣтъ Воеводина. Онъ, какъ я замѣтилъ, способенъ на геніальныя хитрости... Онъ помогъ бы.

— Кстати, что съ нимъ?

— Трудно сказать... Не арестовали-ли его?

— По газетамъ слышно, что его планъ удался и списокъ террористовъ у него въ карманѣ.

— Молодецъ. Помогъ ему Всемогушій Разумъ „пройти по канату“ черезъ Нагару...

При послѣднихъ словахъ, запахнулась дверь и къ изумленію и радости появился передъ своими Воеводины.

Встрѣтили его аплодисментами и пѣніемъ „Марсельезы“.

Тѣснымъ дружескимъ кольцомъ окружили его, помогли раздѣться. Женщины быстро накрыли столъ. На радостяхъ поставили шампанское.

За столомъ Воеводины, со всѣми мельчайшими подробностями, разсказалъ свои похождения.

Всѣхъ, за исключеніемъ Меча, всегда серьезнаго и хмураго, обуюла мальчишеская радость.

Рыжий Алексѣй закружился въ какомъ-то дикомъ танцѣ.

Енисей восторженно хлопалъ Воеводина по спинѣ:

— Я говорилъ, что онъ геніален! Далеко пойдете, дорогой товарищъ!

Химикъ поражаюсь.

— Это единственныя случаи въ нашей революціонной практикѣ, чтобы отъ губернатора—реакціонера чистѣйшей воды въ какихъ-нибудь полчаса выманить документы большой политической важности.

Худошавая, смуглая Вѣра съ коротко остриженными волосами звонко говорила:

— Вы спасли сотни жизней. Будущее васъ не забудетъ... Вы герой!

Мечъ хмурилъ свои брови. Казалось, что онъ былъ недоволенъ тѣми восторгамъ, какіе разыпали Воеводину.

— А у насъ—арестовали Виктора и Бѣлку... — сказалъ онъ сквозь зубы.

— Викторъ?—испуганно выкрикнулъ Воеводины. — Моего друга? За что? Какъ они попали?

Мечъ въ краткихъ словахъ разсказалъ:

— Товарищамъ Виктору и Бѣлкѣ было поручено взорвать Ямбургскій желѣзнодорожный мостъ, по которому долженъ былъ прослѣдовать

салонъ—вагонъ премьеръ министръ. Попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Нагрянула полиція и нашихъ арестовала...

Воеводины вскопился въ нервномъ возбужденіи:

— Товарищи! Что-же мы сможемъ ихъ надо выручить!

— Легко сказать, выручать! — буркнулъ Мечъ. — Но какъ это сделать? Царская полиція идеальна поставлена. Мы на разные манеры обсуждали этотъ вопросъ, и ни на что опредѣленному не пришли.

Воеводины съль и задумался.

Высокій чистый лобъ его приоткрылъ глубокую думающую складку, которая дѣлала лицо Воеводины еще болѣе красивымъ и притягательнымъ.

Изъ темнаго угла на него смотрѣла Ольга очарованными глазами.

Смѣлая красавица Ольга, безпрестанно глядящая въ глаза своимъ товарищамъ, почувствовала на себѣ ясную сладостную робость. Ея были безпокойны и полны тревоги. Встрѣженнаго женскаго сердца. Думы были одни. О немъ. Крѣпко. Сильномъ. Смѣломъ. Стрѣломъ. Воеводины, такъ много страдая, кающую жалость, не зная, что она почувствовала тихую женскую любовь. И, когда Воеводины былъ посланъ на это, ответственное дѣло въ Эстонію, тревожилась за этого товарища.

которымъ ничего не было сказано, ничего не пережито.

Ольга убѣждала себя, что чувствуя любовь нѣтъ мѣста въ суровой революціонной обстановкѣ, но доводы ея были безсильны.

И вотъ, теперь, когда Воеводины думалъ, сдвинувъ свои красивые брови, она робко любовалась имъ, и въ этомъ безмолвномъ любованіи слышала весну, солнце, смѣхъ, дѣтскія грезы, чьи-то изящные музыкальные стихи...

— Разрѣшите слово! — спросилъ Воеводины, прояснивъ отъ тяжелой, напряженной думы.

— Пожалуйста, пожалуйста! — зашуршали голоса и какъ-то инстинктивно люди потянулись къ нему, чувствуя, что этотъ странный, но такой человѣкъ обладаетъ покоряющей силой повелителя.

Мечъ нервно закурилъ папиросу.

— Въ этомъ дѣлѣ, — началъ Воеводины, — не помогутъ ни взрывы, ни поджоги, ни вооруженныя нападенія, а можетъ помочь красивая женщина...

— Какъ такъ?

— Женщина! — еще разъ повторилъ Воеводины и взглянулъ на Ольгу.

Она поймала этотъ взглядъ. Почувствовала свои красивые глаза и почувствовала, какъ необъяснимая радость входила въ ея душу.

— Наша Ольга... Ольга... — за-

нулся Воеводины и сконфузился, не зная ея ответа...

Ему подсказали.

— Ольга Владимировна, — развивалъ Воеводины свой планъ: — должна разыграть роль дамы — патронессы. Она должна явиться къ начальнику тюрьмы съ маленькими подарками для заключенныхъ... Поговорить съ нимъ. Очаровать его. Дать намекъ, что она неравнодушна къ нему. Передъ красивой женщиной не устоитъ не одинъ мужчина. Тише овецъ станеть...

— Кстати! — перебилъ Химикъ, — начальникъ Х. тюрьмы большой ловеласъ, донъ-Жуанъ...

— Тѣмъ лучше. Ольга Владимировна должна его поймать на удочку. Войти въ довѣріе и освободить нашихъ товарищей...

— Геніально!

— Здорово придумано!

— Какъ вы на это смотрите Ольга Владимировна?

— Я поняла товарища Воеводина и готова пойти на это дѣло! — сказала Ольга. — Жду приказанія отъ товарища Меча.

— Приказываю и благословляю!

— отвѣтилъ Мечъ.

Смѣлый планъ въ ближайшіе дни рѣшили привести въ исполненіе...

(Продолжено слѣдуетъ)

Отвѣтъ редакторъ В. С. Степунъ.
Надатель М. А. Барановъ.

ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предвѣстное похоро съ кинематографа въ театръ на Контрабасной).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

36.

Глаза Ирины.

Стоялъ предвѣсенный вечеръ. Золотое солнце бросало золото лучей въ угрюмый дѣловой кабинетъ Сычугова, озаряя его самого, сидящаго за массивнымъ письменнымъ столомъ, диванъ, стулья, неогоремые шкафы и большой золотой образъ Христа съ неугасимымъ огонькомъ лампы.

Предвѣсенное вечернее солнце имѣетъ свойство будить въ душѣ неясную радость—радость востѣчи съ весной, цвѣтами, зелеными полями и лѣсомъ.

Сычуговъ былъ радостенъ, но не отъ близости весны, онъ во все времена годъ умѣлъ хорошо и весело чувствовать себя, а отъ близости великаго и радостнаго семейнаго событія...

Единственная дочь его Татьяна выходила замужъ за графа Разумина. За графа!

Давнишняя мечта его породни-

лась съ высокопоставленнымъ лицомъ—огустилась. Дочь его—графиня! Онъ—Сычуговъ, ярославскій мужикъ, будетъ принятъ въ аристократическомъ салонѣ, какъ свой.

Вотъ что значить, голова!—самодовольно думалъ онъ, закуривъ дорогую сигару. — Я достигъ вершины своего счастья. Дѣль-бы, Господи, пожить поудольше, порадоваться плодами рукъ своихъ! — Сычуговъ съ рабьей угодливостью взглянулъ на образъ Христа, не выпуская изъ зубъ сигары. — Прощи, Господи, дни мои... Остатокъ жизни моей тебѣ посвящу, Господи... Въ монастырь пойду... Всѣ грѣхи тамъ заглажу... Всѣ...

При послѣднихъ словахъ онъ всталъ съ кресла, подошелъ къ окну и опять самодовольно улыбнулся:

— Ай да Сычуговъ! Съ графомъ породнился... Хе-хе-хе... Татьяна артачится только...—смирчился онъ. — Ну да ничего. Слезы дѣвочки—вода вешняя. Въ одинъ моментъ высохнуть... Снюхалась тамъ... съ какимъ-то композиторомъ—голо-

дранцемъ!—не безъ ненависти думалъ Сычуговъ: ну да со мной шутки плохи. Велѣлъ швейцару съ сегодняшняго дня гнать его въ шею. Повалился къ Татьянѣ ходить. На музыкахъ всякихъ белендрасы развешивать.

Долго ходилъ Сычуговъ по дорожному пушистому ковру кабинета, потирая пухляя руки:

— Графъ... Наша Татьяна графиня! О, достань теперь Сычугова! Пожить бы только побольше...

Онъ подошелъ къ образу Христа и съ рабьей угодливостью молился о своемъ счастье.

Вдругъ, лицо Сычугова передернулось ужасомъ...

Съ образа глянули на него глаза Ирины...

Онъ вскрикнулъ...

37.

Несчастная невеста.

Дочь Сычугова, Татьяна была на грани безумія.

Жестокая воля отца выдавала ее милую, умную, за недалекаго и фатоватаго графа Разумина.

Она же, вѣсьма пыломъ своей первой весенней любви, любила небогатаго, но талантливаго молодого композитора Вершинина.

Одна ночь слушала ее душу, переполненную страданіями.

Горе несчастной дѣвушки усугублялось еще тѣмъ, что графъ ее

не любить и женится только изъ за отцовскихъ милліоновъ.

Въ день помолвки ея съ графомъ, она, проходя въ свою комнату, случайно подслушала разговоръ графа съ извѣстнымъ петербургскимъ кутилой, барономъ Бухомъ. Графъ, пожимаясь, говорилъ: женюсь, Бахъ, по высшимъ соображеніямъ... Промотался я и пухъ. Сычуговскіе милліоны въ меня не поправятъ мои дѣла.

Все свое горе Татьяна изливала въ слезахъ и въ жалобахъ матери, также задавленной тяжелой, тяжелой волей своего мужа.

Композиторъ Вершининъ, узнавъ о выходѣ любимой дѣвушки за графа Разумина, въ отчаяніи побѣжалъ въ убогій городокъ Х. къ старухѣ—матери, гдѣ и рѣшилъ забиться среди тихихъ провинціальныхъ людей.

Но забиться не могъ. Слишкомъ велика была боль. Велика любовь къ чуткой, музыкальной, сердечной Татьянѣ. Онъ плакалъ. Молился. Ждалъ чуда. Но чудо не приходило. Фактъ совершился. Его Татьяна будетъ женой графа Разумина. Онъ не обвинялъ ее. Зналъ, что она некорная жертва жестокой воли отца.

Вершининъ, вѣсьма, словно сгнетенный изъ симфоніи, не выносившій людскаго шума и гласъ, этотъ разъ, къ ужасу своей старухи матери, сталъ ходить по комнатамъ и приходить домой по ночамъ. Въ винтъ топилъ свое первое горе. Ночами игралъ на рояль.

Въ музыкѣ свою наболѣвшую душу. Искуситель разумъ не могъ подкалывать ему соблазнительную мысль, покончить съ собой. Искусеніе было такъ велико, что онъ рѣшилъ покончить съ собою.

Передъ самоубійствомъ онъ пошелъ въ ресторанъ.

Заказалъ вино.

Выпилъ и, къ удивленію ресторана публики, вдругъ, разры-

лся. Вершинину подошелъ высокий, съ черными усами, красивый молодой человекъ въ черной на-

стоя рядомъ съ нимъ, положилъ на плечо руку, и голосомъ истиннаго состраданія спросилъ: а

— О чемъ вы плачете, молодой человекъ? Не могли ли я помочь

Вершининъ взглянулъ на незнакомаго и поразился его глазами. Глаза только у тѣхъ, кто много страдалъ, много думалъ и кто имѣетъ чистоту и святость чув-

ствъ. Онъ почувствовалъ къ незнакомцу глубокую симпатію, и рѣшилъ рассказать, что было у него на

ду. Они вышли изъ ресторана и пошли на набережную. Выбрали безлюдное мѣсто и Вершининъ сталъ рассказывать о томъ, какъ онъ

полюбилъ Татьяну Сычугову...

— Сычугову?—переспросилъ молодой незнакомецъ и поблѣднѣлъ.

— Петербургскаго коммерсанта.

И, когда Вершининъ сказалъ „да“, незнакомецъ сжалъ губы, вздрогнулъ, и, чтобы скрыть свое волненіе, сказалъ:

— Сажо... Рассказывайте дальше.

— Сычуговъ,—говорилъ Вершининъ,—совсѣмъ обезумѣлъ отъ радости, что его дочь выходитъ за графа...

— Радуетесь?—переспросилъ незнакомецъ, и нервно сталъ курить папиросу за папиросой.

Незнакомецъ, которымъ былъ Воеводинъ, искренно и близко принялъ къ сердцу боль Вершинина, такую знакомую ему самому, и рѣшилъ помочь ему:

— Будьте покойны, молодой человекъ!—сказалъ онъ, крѣпко сжимая руки Вершинина.—Я понимаю васъ. Я самъ страдалъ. Ваша невеста не будетъ женой графа. Она будетъ ваша. Ждите радостныхъ для васъ событій. Не горюйте. Возьмите себя въ руки!

Вершининъ прояснѣлъ, сообщилъ свой адресъ и не зная какъ благодарить этого незнакомца...

Они тепло распрощались...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ гласны).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

38.

Пасха въ нарвскихъ подземельяхъ.

Наступала Пасха.

Вся земля, отъ робкихъ незамѣтныхъ подсижниковъ до большихъ городовъ, принимала иную душу, иные слова, другія краски, такъ не похожія на будничныя.

Темно-синія, осянная звѣздами, Святая ночь встала надъ Нарвой.

Массивные удары соборнаго колокола пѣли о красотѣ и значительности наступившей Святой ночи. Церкви горѣли яркими праздничными огнями.

Въ самыхъ угрюмыхъ и маленькихъ углахъ города чувствовалось

дыханіе праздника.

Никто не засыпалъ въ эту ночь.

Только въ нарвскихъ подземельяхъ было мрачно, особенно мрачно, потому что угрюмый глава террористовъ Мечъ, учитывая власть и обаяніе этого праздника надъ человеческими душами безъ различія убѣжденных, рѣшилъ бойкотировать этотъ праздникъ и издалъ распоряженіе ничѣмъ не отмѣчать его. Сознательный, по его взглядамъ, революционеръ обязанъ быть врагомъ всякихъ религіозныхъ культовъ.

Власть старыхъ традицій, привычекъ въ дѣтствѣ, сильна. Душа разрывается отъ огненной боли, когда отсѣиваетъ ее отъ прошлаго, наполненнаго свѣтлыми воспоминаніями о траурныхъ страстныхъ дняхъ, о выносѣ плащаницы, о бѣлизнѣ и торжественности пасхальной заутрени.

Эту власть особенно остро почувствовалъ Воеводинъ, воспитавшійся въ тихой патриархальной семьѣ, строго выполнявшей всѣ обычаи старины.

Пасхальная ночь Воеводина была ночью воспоминаній о старушкѣ матери и Иринѣ...

Въ прошломъ году онъ встрѣчалъ Пасху вмѣстѣ съ ними...

Былъ счастливъ, а теперь... затравленный, одинокій, страдающій въ этихъ мрачныхъ могильныхъ подземельяхъ...

Воеводинъ поднялся съ постели. Пошелъ въ "общую" комнату. Мракъ. Тишина. Зажегъ спичку, и вздрогнулъ. Около стола въ глубокой задумчивости сидѣла Ольга.

— Это, вы Ольга Владимировна?

— Я...

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Такъ. Грустно что-то. Отъ чего? Не знаю.

Воеводинъ зажегъ свѣчу.

— Мнѣ тоже не спится, — сказала она. — Безпокойно...

— Свѣтлое Возкресеніе... — задумчиво прозвучала Ольга и, словно испугавшись чего-то, нахмурилась: — Все это пустякъ. Фикція. Дурманъ.

Воеводинъ отвѣтилъ: — Не правда. Вы не вѣрите, что говорите. На дуэли у насъ не то. Я не буду разспрашивать васъ, я понимаю вашу тоску эту ночь...

Ольга склонила голову.

— Знаете что? — тихо спросилъ Воеводинъ.

Ольга подняла глаза.

— Пойдемте сейчасъ на крышу.

Можетъ быть и мы, одинокие, вѣрженные, замученные сумасшедшими, замученные сумасшедшими, почувствуемъ на минуту праздникъ. Кто тоже страдалъ...

Ольга съ радостью согласилась.

Слегка заgrimировались, поспѣшили и тихо, запаснымъ путемъ ходомъ, прошли черными коридорами, выйдя около лѣснаго кинутаго на берегу рѣки, на опрокинутой дощатой молча слушали, какъ доносился рѣкъ ледъ, какъ гудѣлъ весенній шумъ и какъ зашумѣлъ городъ колоколами...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ гласны).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

39.

Баронесса Талль.

— Ваше благородіе! Дома желаетъ васъ видѣть по дѣламъ благотворительности, — докладывалъ надзиратель Петровъ начальнику X— тюрьмы Федору Халтурину.

Гони ее въ шею. Некогда съ ними тутъ возжаться! — басовито отвѣчалъ Халтуринъ, нескладнаго роста, высокій, съ неизмѣнно выпуклымъ животомъ. Съ виду слабовольный и добродушный.

— Никакъ невозможно. Дамочка напористая, не выгонишь, и съ обличья какъ будто аристократическаго происхожденія.

— Аристократка? — поднялъ брови Халтуринъ. — Молода?

— Шикарная женщина, ваше благородіе. Глаза — звѣзды. Станъ — королевскій. Увидишь — обомлѣешь. Такія женщины только на картинахъ водятся.

Глаза Халтурина заискрились. Разглядилъ пушистые сѣдые усы. Поплевалъ на руки, примаслилъ

рѣдкіе щетинистые волосы и, заглянувъ въ маленькое зеркальце, сказалъ:

— Пусть войдетъ.

Въ кабинетъ начальника X— тюрьмы не вошла, а впрорхнула веселой птичкой стройная брюнетка въ синемъ весеннемъ костюмѣ. Молодая и красивая, изящная и улыбающаяся, она наполнила угрюмые стѣны кабинета тѣмъ милымъ, волнующимъ женскимъ щебетомъ, отъ котораго становится весело, молодое и хочется дѣлать глупости.

Халтуринъ растаялъ. Обаяніе молодой женщины было слишкомъ велико.

Очаровательная незнакомка, съ мѣста въ карьерѣ, сѣла на письменный столъ и стала объяснять причину ея неожиданнаго визита:

— Я баронесса Талль. Пріѣхала къ вамъ, милый господинъ начальник, чтобы вручить скромные подарки вашимъ узникамъ. Надѣюсь, вы ничего не будете имѣть противъ?

— Что, вы, баронесса... Пожалуйтъ...

— Только... — баронесса нахмурилась и, сдѣлавъ небольшую паузу, добавила:

— Я хочу, чтобы мои подарки достались всѣмъ, за исключеніемъ политическихъ преступниковъ... — Баронесса свернула глазами:

— Я ихъ ненавижу! Они убили въ Казани моего родного брата.

— Я понимаю ваше возмущеніе! — сказала Халтуринъ.

— Какъ я ненавижу этихъ предателей, крамольниковъ моей родины! — въ страстномъ возмущеніи говорила баронесса, сжимая свои маленькіе изящные кулачки.

— Къ политическимъ преступникамъ мы удвоили строгость. Скоро, за каждую незначительную вину передъ родиной, мы будемъ вѣшать ихъ, какъ собакъ безъ суда и слѣдствія?

— Давно пора. Только драконовскими мѣрами можно избавиться отъ ихъ разбойничьихъ выходокъ. А скажите, у васъ въ тюрьмѣ много политическихъ?

— Человѣкъ десять наберется, но эти больше пѣшки. Есть два болѣе крупныхъ и опасныхъ звѣря... Личность ихъ мы не можемъ выяснять... Попытались взорвать желѣзнодорожный мостъ, по которому долженъ былъ прослѣдовать салонъ-вагонъ премьера — министръ...

— Что вы? — поражалась баронесса: — какой ужасъ! Какая наглость... А почему вы ихъ сразу не повѣсили?

— Жду со дня на день распоряженія.

— Жаль, очень жаль. Ихъ надо убивать на мѣстѣ преступленія. А

что, гнѣздя начальник, могу я имъ посмѣть? Я никогда въ жизни не видѣла опасныхъ преступниковъ...

— Но... баронесса, — пробормоталъ Халтуринъ.

— Никакихъ но, ведите меня въ тюрьму. Я хочу на нихъ посмотрѣть. И при этомъ баронесса такъ кетливо и вызывающе посмотрѣла на Халтурина, что тотъ помоталъ и подумалъ съ легкой досадой.

— Вотъ, женщины! Они шли длиннымъ коридоромъ, мимо прочныхъ дверей.

Остановились передъ одной изъ дверей.

— Загляните въ окошечко... посоветовалъ Халтуринъ.

Баронесса взглянула.

— Видите что нибудь?

— Ничего не вижу. А что можете мнѣ къ нимъ? Поговорить, любопытно. Я очень люблю новыя чатлѣнія.

Начальникъ поморщился, но не казать былъ не въ силахъ.

Открылъ дверь камеры и стѣлъ баронессу, посидѣвшею баясь:

— Что тутъ съ ней подѣлать? Такая женщина въ адъ увести не жеть... А хороша она чертъ вообразить... — вздохнулъ Халтуринъ и въ ожиданіи ея стѣлъ проламывалъ по корридору.

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предмудные номера с началом романа можно получить из контор гавей).

43.

Смѣлый планъ.

Вершининъ, поздно ночью, окончивъ свою новую композицію „Отчаяніе“, только что собирался лечь спать, какъ, вдругъ, за дверями позвонили.

— Кто здѣсь? — спросилъ онъ.

— Откройте. Вашъ новый другъ. Голосъ высокаго, милаго господина, который подошелъ тогда къ Вершинину въ ресторанъ, когда онъ былъ на грани безумія и смерти.

Обрадованъ его ночному визиту и раскрылъ дверь, пропуская въ комнату Воеводина въ черномъ пальто, съ высоко поднятымъ воротникомъ.

При свѣтѣ свѣчи, за тихо поющимъ саковаромъ, быстро приготовленнымъ Вершининымъ, Воеводинъ коротко сказалъ:

— Завтра ѣдемъ съ вами въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ? — не помня себя отъ радости, переспросилъ Вершининъ.

— Неужели вы намъ помогаете?

— Помогу! — рѣшительно сказалъ его собесѣдникъ.

— Но, какъ?

— Слушайте внимательно. Въѣздъ съ нами ѣдутъ два моихъ друга. Чуткіе интеллигентные люди. Они будутъ помогать намъ. Вы должны предупредить вашу невесту, чтобы она въ день свадьбы смѣло ѣхала въ церковь...

— Въѣздъ съ графомъ? — поблѣднѣлъ Вершининъ, до боли стискивая зубами губы...

— Да. Съ графомъ! — также спокойно повторилъ Воеводинъ. Вершининъ совсѣмъ опустил руки.

— Не пугайтесь. Въ церковь вы ее будете ѣхать, какъ жемчужина...

— А какіе графы?

— На время вѣнчанія мои люди постараются его спрятать...

— Но, позвольте... Свадьба Сычуговой съ графомъ Разуминнымъ злоба дня Петербурга... Церковь будетъ полна, народомъ. Обманъ слишкомъ ясенъ.

— Вы должны уговорить вашу невесту, чтобы она настаивала на свадьбѣ при закрытыхъ дверяхъ и безъ электрическаго свѣта. А иначе, пусть скажетъ своему отцу, я не ѣду вѣнчаться и оскандалю тебя передъ всѣмъ свѣтомъ... При желаніи, всякая женщина можетъ настоять на своемъ. Со своей стороны, пусть она воздействуетъ и на графа въ этомъ-же направленіи.

— Слишкомъ смѣло! — улыбуясь Вершининъ. — Ну, да, ладно. Смѣлымъ Богъ владѣетъ! Будемъ бороться.

— Боритесь, молодой человѣкъ. Не опускайте рукъ. Это не выгодно, такъ другое попытаемъ, но ваша невеста не будетъ женой графа!

— Благодарю васъ, благодарю!..

— Итакъ, господинъ Вершининъ, мы завтра ѣдемъ въ Петербургъ.

— Ёдемъ, ёдемъ! — юношески весело воскликнулъ Вершининъ и улыбуясь.

Чѣмъ кончится это смѣлое, рѣдкое въ наши дни предпріятіе покажетъ будущее.

44.

Разговоръ съ Татьяной.

По прибытіи въ Петербургъ, Вершининъ встрѣтился съ Татьяной и повѣдалъ ей все, что было рѣшено съ Воеводинимъ.

Татьяна была грустна, недовѣрчиво качала головой, но по мѣрѣ развитія плана лично ея прояснилось и въ глазахъ загорѣлись огоньки рѣшимости.

— Хорошо, милый! Я сдѣлаю все. Богъ поможетъ намъ обмануться. Я не боюсь отцовскаго гнѣва, ни общественнаго мнѣнія, ни скандала. Ничего. Я люблю тебя, а объ остальномъ не хочу думать. Но кто этотъ добрый человекъ, который хочетъ помочь намъ?

— Онъ ничего не говоритъ о себѣ. Но мнѣ кажется, что онъ пережилъ глубокую драму. Если-бы ты видѣла его глаза! Какіе они у него глубокие. Сколько въ нихъ отразилось страданіе.

— Милый?... — робко спросила Татьяна, покраснѣла и потупилась.

— Что, родная?

— А убійства не будетъ?

И въ глазахъ ея вспыхнулъ ужасъ.

— Что ты?! Ничего не будетъ. Онъ просто сумѣетъ его спрятать въ время вѣнчанія...

— Ахъ, какъ было-бы это хорошо! Вершининъ спросилъ:

— Когда будетъ ваша свадьба?

— Черезъ недѣлю.

— Если намъ, милая, счастье не достанется легко, какъ многимъ мы должны его завоевать. Правда?

— Правда, милый. Будемъ за нее выживать наше счастье...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предмудные номера с началом романа можно получить из контор гавей).

45.

Рискованное дѣло.

Прошла недѣля.

Люди Воеводина узнали, гдѣ живетъ графъ Разуминъ и даже въ одномъ изъ кабачковъ Петербурга успѣли завязать знакомство съ графскимъ шоферомъ Петровымъ. Обдумали всѣ мелочи и приступили къ рискованному дѣлу.

Въ день, когда было назначено вѣнчаніе графа съ Сычуговой, въ квартиру шофера Петрова пришелъ Бѣлка и, празднично улыбаясь, сказалъ:

— Поздравляй меня. Сегодня я именинникъ.

— Съ ангеломъ! — поздравилъ его Петровъ и при этомъ тяжело вздохнулъ.

— Что вздыхаешь?

— Да какъ! Сейчасъ пошли-бы, день ангела твоего отпраздновали...

— За этимъ я, дружище, и пришелъ. Собирайся!

— Никакъ не могу! — съ огорченіемъ развелъ шоферъ руками.

— Сегодня барина въ церковь отвозить надо. Вѣнчается онъ съ дочерью Сычугова. Черезъ часъ отвозить надо.

Бѣлка махнулъ рукой.

— Цѣлый часъ. Время цѣлый чемоданъ. Успѣешь. Пойдемъ въ „Золотой край“. Выпьешь за именинника и пойдешь. Не уважишь мою просьбу — дружба наша врозь...

Шоферъ поколебался немного, махнулъ рукой и рѣшительно сказалъ, одѣваясь въ шоферскую кожаную куртку и фуражку:

— Пойдемъ. На полчаса можно друга уважить.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ кабачка ожидали за батареей бутылки Викторъ и маленький коренастый человѣкъ въ рабочей блузѣ.

Сѣли за столъ.

Уютъ кабинета, выпитое вино, веселые товарищій заражали, захватывали и отодвигали время.

„Шоферъ размякъ. Ничего не хотѣлось дѣлать. Никуда не хотѣлось уходить. Прошло полчаса, а онъ не поднимался съ мѣста, пѣлъ пѣсни, блаженно улыбаясь и старался всѣмъ дѣловато.

Викторъ и Бѣлка, не переставая, подливали въ его стаканъ водку и пиво.

Въ то время, когда охмѣлѣвшій шоферъ пробовалъ пуститься въ плясъ, Викторъ всыпалъ въ его стаканъ сонный порошокъ.

Послѣ выпитаго стакана шофера одолѣлъ крѣпкій сонъ... Его уложили въ кровать.

Викторъ, съ помощью Бѣлки и человѣка въ рабочей блузѣ, снялъ съ Петрова кожаную куртку, одѣлся въ нее и быстро пошелъ къ особняку графа Разумина.

Вошелъ въ шоферскую комнату, нашелъ ключи отъ гаража, выкатилъ парадный автомобиль къ подъѣзду и сталъ ожидать графа.

Черезъ четверть часа вышелъ графъ въ сопровожденіи шафера, сѣлъ въ автомобиль и коротко бросилъ шоферу:

— Въ церковь.

Викторъ далъ полный ходъ, увозя ихъ черезъ другія улицы и минуя церковь.

— Куда ты ѣдешь? — кричалъ графъ.

Викторъ не отвѣчалъ, продолжая развивать бѣшеный ходъ автомобиля.

— Остановись!

Ѣхали глухими петербургскими улицами.

Викторъ повернулся къ сидящимъ и погрозылъ имъ револьверомъ.

У графа округлились глаза отъ ужаса:

— Кто вы? Гдѣ мой шоферъ? Послѣ часовой бѣшеной ѣзды

автомобиль, наконецъ, остановился на окраинѣ города, около кривобойной избы.

Изъ дверей избы выходило три человѣка, просто одѣтыхъ.

Викторъ открылъ дверцу автомобиля и вѣжливо попросилъ графа и шафера — длиннаго костюма молодого человѣка:

— Могу я просить васъ на время въ эту избу?

Графъ поблѣднѣлъ и попытаться назадъ.

— Что вы отъ меня хотите?

— Не бойтесь, графъ. Вамъ ничего не будетъ. Вы побудете здѣсь до полуночи, а потомъ, даю вамъ честное слово, я васъ провожу до дома.

— Я не хочу! — запротестовалъ графъ. — Отпустите меня! Я буду звать полицію!

— Тогда я долженъ буду прибить васъ силою... Эй, ребята! — крикнулъ Викторъ.

Графъ смирился и молча пошелъ въ старую избу.

Разумина и его спутника посадили въ отдѣльную, полутемную комнату и приставили у дверей двухъ сильныхъ, вооруженныхъ людей.

46.

У Сычугова.

Сычуговъ былъ пораженъ состояніемъ дочери и въ глубинѣ души радовался:

— Слава Богу! Поплакала, а потом поумишала. Графиней-то быть каждой лестно... А то, дурочка, задумала связать свою жизнь с голодранцем — музыкантом...

Татьяна была готова к венчанию. Стояла она вся в слезах. Просьба ее о венчании при закрытых дверях была исполнена.

— Скрюница она у меня! — говорил Сычугов гостям. — Не любить пышности и многолюдства. Захотела венчаться в тиши, без яркого света... Говорит, что брак таинство и поэтому должен быть в сокровенной тайне.

Настал трогательный момент прощания невесты с родителями.

После благословения, невеста в сопровождении своей хорошей подруги Нины, посвященной во все тайны, отправилась в церковь, где ее ожидал Вершинин...

В церкви было полутемно.

Венчание подходило к концу, вдруг, кто-то громко прошептал:

— Жених не тот!

Духовенство заметалось, но было поздно... Брак совершился.

После венчания в алтарь вошел высокий красивый человек и сказал:

— Батюшка! Могу я с вами поговорить?

— Пожалуйте...

Пошли в тихую комнату, и вы-

сокий человек, бывший Воеводой, рассказал все:

— Батюшка! Люди, которых вы венчали, любят друг друга. Жестокая воля отца заставляла выйти дочь замуж за графа, который не любит ее и женится из-за денег. Жизнь их, кроме горя, ничего не обещает. Вы, пастырь, должны понять это. Богу, которому вы служите, благословить вас, если вы поможете им...

Священник внимательно слушал незнакомца.

— Я вас очень прошу, дорогой батюшка, своим авторитетом воздействовать и на отца невесты. Уговорите его, чтобы он не поднимал дела и шума. Скажите, так нужно Богу... Он поймет это.

Убедительными были слова Воеводина, но еще более убедительными были глаза его, в которых так много затаилось страдания и любви к человеку.

— Что же делать! — тихо говорил священник. — Так нужно Богу, чтобы мы не обнаружили этого святого обмана. Я постараюсь сделать все, что в моих силах. Трудно, конечно, но постараюсь... Эх, молодость, молодость! — тихо улыбаясь, продолжал говорить он.

(Продолжение следует)

= ТАИНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(После каждой главы с началом романа можно получить издателей тайны).

47.

Гроза.

В одну из весенних ночей над Петербургом разразилась страшная гроза.

В эту ночь, при всем желании, Сычугов не мог заснуть.

Большой, страшный, озаряемый синими вспышками молнии, он, в блонном ночном белье, как привидение, как одинокий заклятый дух, ходил по своим пустынным большим комнатам тяжелыми думающими шагами.

Завтрашняя мечта его о родстве с графом Разуминым рухнула. Он, Сычугов, судьба которого вращалась на вершине жизни, потерпел поражение. Весь Петербург смеется над ним. Вспыхивала молния, и ему казалось, что эхо смеха людей.

— Я покажу тебе, негодная, не-

благодарная дочь! Мало того, что я лишу тебя наследства, я прокляну тебя! — злобленно ворчал он.

— Боже! Какой позор! — А я то, всем рассказав, что моя дочь графиня... Как я покажусь, теперь на глаза людям? Убыю, убыю! — в тяжелом зверином озлоблении кричал Сычугов, топая ногами, в ночной тишине своего мрачного дома. — Узнать бы только, куда они удрали, я показал бы им...

За окнами шумел дождь. Ревет в восторг. Извивалась в бешеной пляске молния.

Непрестанно гремел гром.

Вдруг, Сычугова охватила дрожь. Хотелось уйти куданибудь к людям, из этих одиноких мертвых комнат, но было страшно двигаться с места. Хотелось крикнуть ему и не мог. Опять, в сознании, встала она... в блонном, с детскими испуганными глазами... Ирина... Сычугов закрыл глаза, но это не помогало...

Чудилось, что шла к нему неслышными шагами покойница, протянув к нему руки...

Ближе, ближе... Смертный холод охватывает тело Сычугова. Он сел в глубокое кресло, и сидел в нем, не дыша.

Вдруг, тишину сычуговских покоев прорезал долгий зовущий звон электрического звонка.

— Кто это? — восторженно он: — Кого несет в такой поздний час? Через короткое время в дверях со свечей в руках появился лакей.

— Кто звонит? — спросил Сычугов, обрадовавшись лакею, нарушившему его страшные ночные часы.

— Швейцар просил передать вам, что вас ждет по важному делу видать какой-то незнакомый господин.

— Кто он такой?

— Не могу знать.

— Пусть придет завтра.

— Никаких разговоров не принимает. Наставляет на своем.

Сычугов с минуту подумал и сказал:

— Проведи его в кабинет Ямды. Сычугов прошел в кабинет. Одноразовый свечки. На всякий случай вынул из ящика револьвер и сунул его в карман.

Через десять минут в кабинет вошел незнакомый человек.

Сычугов вздрогнул. Незнамец был в маске. Высокий. Сильный. Одноразовый в дождевой плащ.

— Не бойтесь! — спокойно сказал гость. — Я не убийца и не грабитель... Пришел поговорить с вами по душам.

Несколько месяцев я искал случая познакомиться с вами, г-н Сычугов, и вот, наконец-то моя мечта исполнилась...

— Что вам надо? — беззаботно спросил Сычугов, хватаясь за карман, где лежал револьвер. Но не успел он его вынуть, как незнамец стальными руками схватил Сычугова за кисть и отнял револьвер.

— Зачем вы, г-н Сычугов, такого мнения обо мне?

— Вы хотите, знать, зачем я пришел так поздно в ваш дом?

— Извольте.

— Я жених известной вам Ирины Зиминной...

Сычугов поблел и зашептал.

— Зачем вы так бледнели? Видно, она, тихая, скромная девушка, в вашей конторщице, врать не умеет. Как так? Страшно вам, человек богатому, почтенному, моему?

Незнакомец выдержал длинную паузу, не сводя глазъ съ Сычугова.

Были страшными и томительными минуты выжиданія, молчаливаго посредника между двумя людьми, въ колеблющемся заревѣ свѣчей, въ шумѣ непогоды и громовыхъ раскатахъ.

Сычуговъ въ испугѣ пятился отъ этихъ жгучихъ страшныхъ глазъ.

Незнакомецъ неслышно, медленными шагами наступалъ на растерянаго, перепуганнаго Сычугова.

И, когда онъ подошелъ къ самому углу, незнакомецъ положилъ ему на плечо руку и сказалъ придушеннымъ зловѣщимъ шопотомъ отъ котораго волосы зашевелились на головѣ Сычугова:

— Ты убийца!

Сычуговъ упалъ на колѣни.

— Пошадите!..

Незнакомецъ съ омерзениемъ оттолкнулъ его ногой.

— Гадина! Тебя пошадить? Никогда! Гдѣ-бы ты не былъ, я найду тебя и отомщу! Отомщу страшной мстительной передъ которой поблѣднѣетъ очищающая душу каторга!

— Я, наконецъ, буду свѣдѣть за тобой, и отправлять твою сытую вѣчную жизнь!..

— Я доведу тебя до того, что ты самъ убьешь свою гаденькую душеньку!

— А теперь, если не хочешь, чтобы я тебя предалъ суду, ты долженъ благословить бракъ дочери твоей съ Вершининымъ, и отдѣлить ей приданое.

Сычуговъ ползалъ передъ нимъ на колѣняхъ и клялся крестомъ, что онъ все сдѣлаетъ, что потребуетъ отъ него незнакомецъ.

— Всякое преступленіе, тайное или явное, должно быть отомщено.

— Помни это, скотина, и жди своего часа!

Съ этими словами незнакомецъ повернулся и вышелъ изъ кабинета.

Какъ безумный духъ, метался Сычуговъ по кабинету, и плакалъ, и молился, и хохоталъ дико.

А за окнами гремѣлъ громъ, ревели вѣтеръ, бѣшено пласала молнія, и казалось Сычугову, что вокругъ его смыкается тѣсный кругъ адовыхъ дьявольскихъ силъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

48.

Сыщикъ Путилинъ.

Поздно ночью въ канцелярію петербургскаго охран. отдѣленія срочно былъ вызванъ на тайное экстренное совѣщаніе знаменитый русский сыщикъ Иванъ Путилинъ. Это былъ человѣкъ выше средняго роста, съ сѣдоватыми бакенбардами, съ умными пронизательными глазами и спокойными движеніями. Несмотря на свои пожилые годы, онъ поражалъ молодой неутомимостью, гибкостью, смѣлостью и физической силой.

Слѣва о его дѣятельности далеко разносилась за предѣлами Россіи. Портреты его красовались всюду. О его похожденияхъ писались увлекательныя книги. Онъ былъ грозой всѣхъ преступниковъ. Съ дьявольскимъ успѣхомъ онъ распутывалъ самыя сложныя преступленія. Самый гениальный преступникъ не

могъ противостоять ему, и рано или поздно попадалъ въ его руки.

Петербургское охранное отдѣленіе встрѣтило его подобострастно, съ глубокимъ уваженіемъ.

Начальникъ охраннаго отдѣленія привѣтливо попросилъ его сѣсть въ кресло, предупредительно вѣжливо поставленномъ передъ Путилинъ однимъ изъ чиновниковъ.

Путилинъ сѣлъ и приготовился внимательно слушать.

Начальникъ сталъ продолжать рѣчь, прерванную приходомъ знаменитаго сыщика:

— Господа, — говорилъ онъ съ жаромъ: — Мы терпимъ постыдныя пораженія. Надъ нами смѣется вся Россія, и восхищается подвигами г. г. революціонеровъ — предателей нашей родины. Да, мы должны признать, что наша изворотливость, неутомимость и хитрость ничто по сравненію съ хитростью революціонеровъ. Изъ газетъ, вамъ навѣрное извѣстно, какъ смѣло были

похищены террористомъ важныя документы у энкавского губернатора и, наконецъ, побѣгъ изъ Х... тюрьмы двухъ преступниковъ, пытавшихся взорвать желѣзнодорожную мостъ. Это самое крупное, а сколько мелкихъ похищеній, убійствъ, взрывовъ пороховыхъ складовъ. Несмѣтное число. Намъ, вѣрнымъ охранителямъ государственности, нужно принимать серьезныя рѣшительныя мѣры. Спать нельзя. Врагъ не дремлетъ. Намъ извѣстно, что гдѣ-то работаетъ мощная политическая организація. Я призываю васъ смѣло ринуться въ бой. Государь, на драгоцѣнную жизнь котораго посягаютъ наши враги, не забудетъ вашихъ заслугъ. Мы должны найти сердце этой преступной организаціи, вырвать его и убить! Но мы, маленькіе люди, съ малыми способностями, многое намъ будетъ не подъ силу, а поэтому мы должны обратиться къ нашему гениальному, смѣлому и рѣшительному бою...

Начальникъ низко, съ глубокимъ почтеніемъ склонилъ свою сѣдую голову въ сторону Путилина...

— Мы надѣмся, — продолжалъ онъ, — что вы не откажетесь поработать съ нами и вдохновить нашихъ молодцовъ!..

Путилинъ всталъ.

— Я понимаю васъ, ваше превосходительство, и со своей стороны готовъ отдать свои силы и скромныя способности на благо Монарха и Родины нашей.

Послѣ этихъ словъ, начальникъ охраннаго отдѣленія показавъ Путилину фотографію студента Воеводина, Меча и Ольги.

— Намъ кажется, что эти люди играютъ въ средѣ террористовъ активную роль.

Путилинъ внимательно всматривался въ фотографію.

Особенно долго и внимательно разсматривалъ Меча. Лицо его прояснилось.

— Да вѣдь это мой товарищъ по школѣ! — воскликнулъ онъ. — Лѣтъ десять тому назадъ я видѣлъ его въ Смоленскѣ... Угрюмый парень... Настоящая его фамилія Василій Козловъ... Такъ, значить, господа, повоюемъ!?. — молодцы, веселыми глазами обвелъ Путилинъ сыщиковъ.

— Повоюемъ! Мы готовы! — И такъ, завтра за работу! — уже серьезнымъ дѣловымъ тономъ прибавилъ онъ...

(Конецъ первой части)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Примѣчаніе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Совѣщаніе въ Нарвскихъ подземельяхъ.

Въ то время, когда происходило тайное совѣщаніе въ охранномъ отдѣленіи, въ суровыхъ и глубокихъ подземельяхъ Нарвы тоже шло совѣщаніе.

Съ пространнѣмъ докладомъ выступалъ глава террористовъ, товарищъ Мечъ, въ которомъ онъ отичалъ громадную и успѣшную работу партіи. Приносилъ благодарность Воеводину и Ольгѣ за удачно выполненныя порученія. Но

въ концѣ доклада выразилъ сожалѣніе, что не придется въ будущемъ работать такъ успѣшно, такъ какъ нѣтъ денегъ...

Химикъ переспросилъ.

— Денегъ нѣтъ?

— Да. Въ средствѣ, экспропрированныхъ нами, изсякли. Въ будущемъ ничего хорошаго не предвидится.

— Пустяки! — махнулъ рукой Емисей.

— Какъ такъ, пустяки? А гдѣ достать? — подступили къ нему.

— Черезъ недѣлю въ Ригу идетъ курьерскій поѣздъ изъ Петербурга, а въ немъ, въ отдѣльномъ вагонѣ, ѣдетъ чиновникъ особыхъ порученій съ громадными деньгами для

рижскаго государственнаго казначейства.

— Откуда ты знаешь?

— Мнѣ знакомый чиновникъ говорилъ. Спѣша проболтался.

— Если такъ, надо не зѣвать.

— Давайте дѣйствовать.

— Смѣлость нужна дьявольская.

— Этого у насъ хватитъ.

— Но кому поручить это дѣло?

Въ это время выступила Ольга.

— Если ничего не будете имѣть противъ, я возьмусь за это дѣло.

Ольга была страннымъ человекомъ. Никакой опасности она не боялась. Шла напроломъ. Вѣрила въ свою звѣзду и въ великую силу своей необычайной красоты. Опасность ее манила. Шла къ опасности, какъ къ интересной, сложной игрѣ. Боролась съ ней, и въ этой борьбѣ находила, сладкое, щекочущее нервы, очарованіе.

Восхищенные обитатели подземелья пробовали было уговорить ее отдохнуть, но она и слушать не хотѣла. Стояла на своемъ.

— Хочу я одного, — сказала она, — чтобы меня сопровождалъ Воево-

динъ. Его помощь мнѣ можетъ пригодиться.

Воеводина также было радъ пойти съ Ольгой на это опасное дѣло.

За послѣднее время онъ сильно полюбилъ новую жизнь, полную подводныхъ камней, за которыми легко было зацѣпиться и разбить себя.

Онъ, пережившій въ жизни страшную драму, не боялся никакихъ камней, и шелъ навстрѣчу грядущему, не оглядываясь по сторонамъ.

— Будь, что будетъ! — разсуждалъ онъ. — Все равно я конченный, живо погребенный человекъ... Въ новой обстановкѣ душе Воеводина закалялась и ярко пылала ненависть къ сильнымъ людямъ, убивавшимъ маленькихъ радостниковъ, дѣй маленькихъ и безотѣпныхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Примѣчаніе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

2.

Чиновникъ особыхъ порученій.

Верстъ за сто отъ Ревеля, на одной изъ маленькихъ лѣсныхъ станцій неожиданно остановился курьерскій поѣздъ, слѣдовавшій изъ Петербурга въ Ригу. Въ котлѣ произошла незначительная порча.

Пока происходила починка котла, занявшая больше часа времени, пассажиры выходили изъ вагоновъ на станцію.

Вышелъ съ объемистымъ портфелемъ и чиновникъ особыхъ порученій Коклюшкинъ.

Человѣкъ плотный. Съ круглымъ брюшкомъ. Съдоватый. Съ сизымъ носомъ и важными, неторопливыми движениями. Гордо поднимая голову, онъ, по гусинному, прохаживался по платформѣ, свысока оглядывая публику, подолго останавливаясь на хорошенькихъ женщинахъ.

Коклюшкинъ успѣлъ замѣтить въ концѣ платформы красивую, изящно одѣтую даму.

Онъ прошелъ разъ. Дама не обратила на него вниманія. Она смотрѣла въ лѣсную чащу и думала о чемъ-то своемъ.

— Коклюшкинъ рѣшилъ заговорить съ ней, думая, что дама одинока и скучаетъ, но простая случайность помогла ему, безъ всякихъ разговоровъ, познакомиться съ ней.

Въ то время, когда онъ вторично поравнялся съ ней, изъ рукъ дамы выпалъ серебряный ридикюль. Коклюшкинъ нагнулся, поднялъ ридикюль и съ любезной улыбкой подалъ его прекрасной незнакомкѣ.

— Куда изволите ѣхать? — спросилъ онъ ее.

— Въ Ригу.

— Въ Ригу? — обрадовался Коклюшкинъ. — Намъ съ вами по пути. Завязался разговоръ.

Дама оказалась женой мирового судьи Клейна.

Въ какихъ нибудь полчаса чиновникъ Коклюшкинъ былъ до одури очарованъ госпожой Клейнъ.

— Я очень рада, — говорила да-

ма, — что поѣздъ такъ долго стоитъ на станціи... Въ поѣздѣ у меня страшно болѣла голова... Всю дорогу со мной ѣдетъ какая-то „особа“ и безпрестанно курить. Трудно дышать было и къ тому же скука! Не съ кѣмъ поговорить! По совѣсти говоря, я очень рада, что познакомилась съ вами. Вы такъ увлекательно и живо умѣете занимать нашу сестру...

Коклюшкинъ растаялъ отъ комплиментовъ красивой женщины и въ свою очередь отплатилъ ей тоже комплиментомъ.

— Вы ошибаетесь. Въ жизни я очень скучный человѣкъ и оживляюсь только тогда, когда имѣю счастье разговаривать съ прекрасной, какъ вы, женщиной...

Клейнъ шутливо погрозила ему пальчикомъ:

— А вы очень галантный кавалеръ!

Въ тиши солнечнаго весенняго дня раздался первый ударъ желѣзнодорожнаго колокола.

Пассажиры заторопились.

Клейнъ досадливо сдвинула свои красивыя стрѣлчатые брови:

— Ахъ, этотъ несносный звонокъ! Онъ опять загоняетъ меня въ душное, переполненное табачнымъ дымомъ и скучными сосѣдями, купѣ.

Такъ жаль уходитъ съ этой маленькой станціи и отъ моего симпатичнаго, разговорчиваго собесѣдника...

Сердце Коклюшкина похолодѣло отъ радости. Онъ приложилъ руку къ сердцу, наивно снявъ фуражку,

и, почтительно склонивъ свою съдую голову, робко, съ дрожью къ головѣ, предложилъ очаровательной Клейнъ:

— Не будете-ли вы имѣть что либо противъ, если я вамъ предложу мѣсто въ моемъ отдѣльномъ купѣ... Мнѣ также не хочется разставаться съ вами...

Клейнъ подумала немного и, улыбаясь, сказала:

— Предложеніе ваше принято. Очень благодарна вамъ, но будетъ ли это удобно?

— Очень даже. Никто насъ не смѣетъ беспокоить. Я — чиновникъ особыхъ порученій.

— Ахъ вотъ вы какой... важный Коклюшкинъ сдѣлалъ распоряженіе носильщику перенести вещи барыни въ его купѣ.

3.

Поѣздъ тронулся.

Всю дорогу очаровательная Клейнъ все больше и больше увлекала Коклюшкина. Онъ смотрѣлъ на ее стройныя, въ черныхъ ажурныхъ чулкахъ ноги и думалъ:

— Все бросилъ-бы къ ногамъ этой женщины, если позволила-бы только поцѣловать въ свои аллы, заборныя губы...

У Коклюшкина кружилась голова. Голосъ его часто прерывался. Тонкій одуряющій ароматъ ея духовъ наполнялъ его пыльнымъ, сладкимъ томленіемъ.

Женщина, в которой нетрудно было узнать террористку Ольгу, женским инстинктом поняла, что чиновник особых поручений по-бьденъ. Въ душѣ ея загорѣлась гордость. Гордость женщины все побуждающей. Волю, силу, долгъ. Все!

— Какая я красивая! Какая я сильная! — думала она и вспоминала Воеводина.

— Господи, если ты есть! — беззвучно молилась она Тому, въ Котораго не хотѣла вѣрить, отъ Котораго отрицалась: — сотвори чудо.

— Зажги сердце Воеводина любовью ко мнѣ! Я такъ устала. Сотвори чудо...

Конюшкинъ вынулъ изъ чемодана бутылку шампанскаго и съ улыбкой предложилъ ей.

Она отвѣтила:

— Не откажусь! Наполняйте бокалы!

Выпили.

Поездъ мчался среди зеленыхъ солнечныхъ полей. Въ окна вѣялъ весенній вѣтеръ и Ольга опять думала о Воеводинѣ, думала о близкомъ чудѣ...

— Что это я сентиментальничую? — спохватилась она. — Надо дѣло дѣлать, а я о любви вздыхаю...

За первой бутылкой шампанскаго, послѣдовала вторая, наполненная крѣпкимъ английскимъ виномъ.

Ольга пила маленькими глотками, и въ переставке угадать съ очевидной улыбкой Конюшкина.

Тотъ не смѣлъ противиться. Сильно была ея улыбка. Устоять не было силъ.

Чувствовалъ, что пьянѣетъ. Сильно пьянѣетъ! Образъ красивой сѣдки, то двоился, то троился. Все кружилось въ какомъ-то хмѣлевомъ танцѣ. Выпилъ еще бокалъ вина и окончательно свалился на спинку дивана, захрапѣвъ тяжелымъ, долгимъ сномъ пьянаго.

Ольга вскочила съ мѣста. Осмотрѣлась по сторонамъ. Открыла дверь. Ни души. Вышла на площадку. Тамъ стоялъ Воеводинъ.

— Вы здѣсь? — тихо спросила она. — Ждите меня. Я сейчасъ.

Черезъ минуту она вынесла портфель Конюшкина, туго набитый деньгами.

Воеводинъ условился съ Ольгой, гдѣ встрѣтиться, а самъ соскочилъ съ площадки среди поля, за пять верстъ до станціи.

Ольга оглядывалась на него и съ тихой грустью думала:

— Милый... Родной мой... Какъ изломала насъ жизнь! Какими сдѣлала нехорошими! Скоро ли конецъ всемъ этимъ покушениямъ, обманамъ, кражамъ?

Она смотрѣла въ синее весеннее небо и молила его о чудѣ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предмудрыя коверы съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

2.

Поездъ подошелъ къ станціи.

Ольга неторопливыми шагами вышла изъ вагона, смѣшалась съ толпой и шоссейной дорогой направилась къ мѣсту встрѣчи съ Воеводинимъ.

Черезъ часъ она дошла до маленькаго лѣса.

Воеводинъ стоялъ у дороги и махалъ ей шляпой.

— Благополучно? — спрашивалъ онъ, идя навстрѣчу Ольгѣ.

— Пока, да. Намъ надо какъ можно глубже скрыться. Чиновникъ долженъ скоро проснуться и забить тревогу.

— Надвигается вечеръ. Необходимо дойти до какой нибудь избушки, закусить тамъ и переночевать.

— Пріятныя рѣчи пріятно и слушать. Давайте спѣшить. Я успѣла проголодаться, какъ стая волковъ.

Послѣ долгой, лѣсной дороги ноги Ольги отказывались идти дальше.

Она спотыкалась.

— Вамъ тяжело? — съ участіемъ спрашивалъ ее Воеводинъ, поддерживая за руку.

— Да... отдохнуть... отдохнуть... въ постельку! — говорила она жалобнымъ тономъ, опираясь на его сильную руку.

— Знаете что? — предложилъ Воеводинъ: — разрѣшите васъ, какъ ребенка, взять на руки и донести...

Ольга покраснѣла, какъ школьница, виновато улыбулась, и не успѣла вымолвить слова, какъ Воеводинъ легко поднялъ ее, и понесъ, какъ усталого ребенка, на рукахъ, среди вечерней чащи лѣса, подъ синими весенними звѣздами.

Никогда не было такъ свѣтло, такъ радостно, и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно на душѣ у Ольги.

Она всю свою молодую красивую жизнь отдавая на закланіе жестокой революціонной борьбы, пылавшая ненавистью къ людямъ, только теперь, на рукахъ сильнаго Воеводина, подъ синими весенними звѣздами, поняла, какъ счастливы люди, имѣя около себя человека, мужественнаго, прекраснаго, умѣющаго любить, и ради этой любви, готового идти даже на крестъ.

Ольга смотрѣла въ тихія звѣзды и молила ихъ о чудѣ. Украдкой взглядывала въ глаза Воеводина, но были они по прежнему строги.

— Я бы тебя, милый, утѣшила...

— говорили глаза Ольги. — Полюби меня, полюби... Мы поймемъ другъ друга, потому что оба страдали.

Но были строгиими глаза Воеводина.

Надъ землей витала ночь, когда они дошли до маленькаго бревенчатой избушки, упрятанной въ березовой рошѣ.

Воеводинъ постучалъ въ окно.

Въ дверяхъ показалась дюжая фигура мужика съ черными нависшими бровями и густой клиновидной бородкой.

— Кто такіе? — спросилъ онъ угрюмымъ басомъ.

— Пустите ночевать, мы потеряли дорогу. Мужикъ скользнулъ плазми, словно спрашивая:

— Есть ли отъ васъ какая польза? — и убѣдившись, что господа чисто одѣты и польза отъ нихъ будетъ, улыбнулся и гостеприимно раскрылъ дверь.

— Милости просимъ. Не обесудьте, за бѣдность и черноту нашу.

Воеводинъ и Ольга вошли въ полутемную, дымящую избу.

Хозяинъ поставилъ передъ ними кринку молока, коровой хлѣба, масла, а самъ ушелъ въ другую половину.

— Не внушаетъ что-то доверія нашъ хозяинъ! — шопотомъ произнесла Ольга.

— Да... типъ несимпатичный! — согласился Воеводинъ.

Послѣ ужина, Воеводинъ пригласилъ для Ольги постель на длинной скамьѣ, а самъ полѣзъ на печь, положивъ рядомъ съ собой, на всякій случай, револьверъ.

Ольга заснула крѣпкимъ сномъ, а онъ, несмотря на усталость, не могъ сомкнуть глазъ. Смотрѣлъ на глубокой квадратъ окна, на блѣдныя предутреннія звѣзды, и думалъ...

Опять эти воспоминания...
Опять жгут душу.
Воеводинъ прислушивался къ дыханію Ольги и казалось, что это не она, а Ирина... Любимая!
Растоптанная грубыми сапогами человека—завтра!
И опять, какъ раскаленнымъ железомъ, прикасались къ ранѣ проклятія, отчаяніе и ужасъ одиночества.
Думы Воеводина, вдругъ, были прерваны таинственнымъ шопотомъ двухъ людей за тоненькой перегородкой комнаты.
Чей-то молодой голосъ увѣрялъ кого-то.
— Они...
— Кто они?
— Эксприаторы.
— Врешь.
— Ей Богу не вру! Самъ видѣлъ, какъ она изъ вагона выходила...
— Непонятное ты что-то бормочешь, Дениска... Говори яснѣе, какъ дѣло было... да потише... в то услышать...
— Ничего. Они спятъ крѣпко, безъ движенія...
— Ну, ладно, говори.
Воеводинъ насторожился.
— Остановился, значитъ, поѣздъ. — рассказывалъ Дениска придуманнымъ шопотомъ. Стоитъ это онъ пять—десять минутъ, какъ, вдругъ, слышу истошный крикъ въ вагонъ... Народъ, знамо дѣло, на крикъ валомъ повалился, а я за нимъ. Гляжу, выбѣгаетъ на вокзалъ изъ вагона какой-то баринъ, и, ну, кричить:
— Держите воровку! Казенныя деньги у меня украли!
— Кто такая? — спрашиваютъ.
— Дама, — говоритъ, — красивая, въ синемъ костюмѣ.
Жандармы сейчасъ выбѣгли. Шнырять стали, Нѣтъ воровки!
— Да што ты! — поражаюсь глухой басовитый голосъ.
— Да ночлежники наши и есть эти самыя эксприаторы...
— Молчи, Дениска. Тише. Слушай. Мы съ тобой большія деньги заработать можемъ...
— Какъ такъ?
— Потихоньку слѣзай сейчасъ съ полатей, охладлай Воронку и ичишь въ городъ за полиціей... Слышишь?
— Слышу...
— Ну, сыпь скорѣе. Одна нога тамъ, другая здѣсь...

(Продолженіе слѣдуетъ).

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

5.

Когда за Дениской захлопнулась дверь избы, Воеводинъ неслышно сошелъ съ печки и сталъ будить Ольгу.

— Что такое? — встревожилась она. — Опасность? Когда же отдохнемъ мы? — и въ голосъ ея прозвучало отчаяніе.

— Надо спѣшить, Ольга Владимировна!

Быстро одѣлись. Подошли къ двери. Дверь закрыта.

— Попались!.. — прошепталъ Воеводинъ. — Пока придетъ полиція, я успѣю сломать дверь...

— Не надо. Давайте утекать черезъ окно! — посоветовала Ольга.

Окно выходило въ тѣмный садъ. Стараясь не производить шума, они открыли окно и безшумно, по очереди, стали выходить.

Наступало голубое утро.

Въ лѣсу стоялъ золотистый свѣтъ восходящаго солнца.

— Какъ хорошо! — произнесла

Ольга, вполетая въ свой голосъ и тихій восторгъ, и тоску женщины, не видѣвшей своего счастья, а только миражъ его, видѣніе...

Дыханіе утренняго лѣса, пѣсни весеннихъ птицъ и солнце... весеннее солнце, отъ котораго хочется пѣть, смѣяться и грезить, не могли озарить душу Воеводина.

Онъ шелъ молчаливый.

Воспоминанія прошлаго никогда такъ не жгутъ душу, какъ весной.

Ольга понимала его.

Хотѣла подойти къ нему и сказать:

— Милый. Не грусти. Ты потерялъ свое счастье, а я найду тебѣ его. Полюби мятежную террористку Ольгу и я дамъ тебѣ солнце, смѣхъ, цвѣты и все, все, чѣмъ жива и радостна душа человѣческая...

Они шли дремучимъ, пронизаннымъ солнцемъ, боромъ, чутко настораживаясь при малѣйшемъ шорохѣ или шумѣ.

Солнце стояло высоко, когда они подошли къ небольшой бой-

кой рѣчкѣ и не успѣли съѣсть отдохнуть, какъ, вдругъ, послышались шаги и голоса.

— Полиція!

— Не надо двигаться! — посоветовалъ Воеводинъ. — Пройдутъ мимо.

Такъ оно и произошло.

Полиція, переруливаясь, прошла мимо.

6.

По дѣламъ партіи, Мечъ цѣлую недѣлю находился въ Петербургѣ. Однажды, проходя по Литейному проспекту поздно вечеромъ, онъ услышалъ за собой чей-то голосъ:

— Васька!

— Мое „мірское“ имя, — подумалъ Мечъ и было отчаянное желаніе повернуть голову, но подпольная, выработанная и утонченная годами, предусмотрительность Меча не позволила этого сдѣлать.

Голосъ былъ настойчивымъ:

— Васька Козловъ!

— Чертъ возьми! — выругался Мечъ: — мою фамилію какой-то чортъ называетъ.

Не успѣлъ онъ обернуться, какъ его хлопнулъ по плечу пожилой человѣкъ выше средняго роста, худощавый, съ сѣдыми бакенбардами, съ веселыми молодыми глазами.

— Васька! — радушно протягивая руки, произнесъ незнакомецъ. — Неужели не узнаешь стараго друга?

Мечъ окинулъ его взглядомъ, невольно вздрогнулъ, почувствовалъ слабость въ ногахъ и растерялся.

Передъ нимъ стоялъ знаменитый сыщикъ Путилинъ.

Отъ зоркихъ глазъ сыщика не ускользнула его тревога.

Мечъ быстро взялъ себя въ руки.

— А! Ваня! Сколько лѣтъ! — здравствуй, дружище!

— Ну а теперь, дружище, я долженъ тебя арестовать... — шутишь, заявилъ Путилинъ, наблюдая за выраженіемъ лица Меча.

У Меча похолодѣло сердце, но безпокойства своего не выдалъ.

— Сейчасъ, — продолжалъ Путилинъ, — мы должны кутнуть. На радостяхъ. Ѣдемъ ко мнѣ. Вспомни наши беззаботные прошлые годы.

Отговариваться было неудобно. Путилинъ кликнулъ извозчика, и они поѣхали...

Меча обуревала тревога.

— Неужели гибель? — думалъ онъ. — Неужели онъ меня арестовалъ?

Но въра въ свою изворотливость спасала его отъ отчаянія.

— Не въ такихъ передѣлахъ бывалъ, и всегда изъ воды сухое выходилъ. Эхъ, была не была!

рѣшилъ Мечъ и завелъ съ Путилинымъ дружескій, веселый разговоръ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предидущие номера с начала романа можно получить в конторке газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

7.

Предательство.

После беспокойной, полувзвешенной жизни в мрачном революционном подполье, где не видишь солнца, отдыха, домашнего уюта, книг, всего того с чем неразрывно связан культурный человек, Мечь как-то неуверенно входил в роскошную квартиру сыщика.

И как это ни странно, но в душе сурового террориста, объявившей протест „сладенькому буржуазному счастью“, на этот раз шевельнулось чувство зависти: — Живут же люди...

Несмотря на радужный дружеский тон Путилина, беспокойство Меча возрастало. Было желание сблизиться с хозяином, который, наконец, после обеда оденет на него наручники.

Путилин позвонил.

Вошли два человека с такими угрожающими лицами и массивными кулаками, что у Меча сразу пропала охота бжать.

— Подать обеды! — распорядился Путилин.

Когда здоровенные молодцы скрылись, Путилин по дружески обнял Меча, и с самой неподдельной дружеской лаской сел с ним на диван.

— Постарели мы с тобой, Вася, постарели... — слегка грустным голосом говорил Путилин. — А помнишь, как мы с тобой сидели на одной парте, и списывали друг у друга невзвешенные задачи? А Лидочку златокудрую помнишь? Мы из-за нее, кажется, ссорились и хотели драться на дуэли... Эх, молодость, молодость... Как-бы я был благодарен Мефистофелю, если-бы он омолодил меня, как Фауста?..

Меч кивал головой. Столько искренности и душевной грусти воспоминаний вложил Путилин в свои слова, что даже твердое сердце Меча, стало озябать, — и он стал чувствовать глубокую симпатию к своему старому школьному другу.

А Путилин, зная, плел тонкое шелковистое кружево воспоминаний.

— Ну, а ты как поживаешь? — неожиданно спросил сыщик, искоса взглядывая на Меча.

Вопрос был неожиданным и Меч вздрогнул...

В это время вошел один из молодых Путилина и сказал:

— Обед подан! Ласково обняв Меча за талию, Путилин повел его в столовую...

8.

После сытого изысканного обеда и дорогих вин пошли в кабинет, где уютно пылал камин.

Надвигался вечер. От выпитого вина сладко кружилась голова.

— Хорошо ты живешь, дружище! — сказал Меч, подвигая к камину кресло.

— Всякий, у кого есть способности и таланты, может устроиться еще лучше... — загадочно ответил Путилин. — Наше человеческое счастье, — продолжал он, — заключается в уют, хорошем столе и обезпеченности, а главное — в покое.

Я поражаюсь революционерами. Люди они умные, талантливые, а обрекают себя на голод, каторгу, виселицу... Обрекают на молодых лет! Утописты! Неужели они не понимают, что их жертвенные подвиги глупой, тупой толпой, ради которой они идут на крест, будут осмеяны и забыты?.. Не правда ли, Вася?

Меч внимательно слушал Путилина, и вспоминал свои молодые годы, так бессмысленно отданные революционной борьбе...

— Правда! — соглашалась мысль — Правда, к чему эта борьба? В конечном результате всеравно виселица? Ради чего жить?

Путилин продолжал:

— Жизнь наша скоротечна. Счастья отпущено так мало. Надо брать его. Пить из его золотой чаши вино, а не горькую полынь. Надо быть глупым или недалеким человеком, чтобы оторвать от тебя эту животворную чашу...

Меч сознавал, что Путилин говорит обычные, банальные слова, но они имели какую-то невидимую, хмельную прелесть...

— Надо пить сладкую чашу жизни... — соглашался он... — Ради какой цели я, как зверь, прячусь от настоящей жизни, в сырых подвалах? Я еще не стар, я жить хочу. Все время мечтаю о хорошей жизни, а вместо этого могила... подземелье... Черт возьми...

Путилин внимательно следил за Мечом и острым сыщником чутьем угадывал, какие мысли обуревают друга.

— Надо ковать железо пока горячо! — подумал он, и не теряя секунды времени, ближе подсел к Мечу, ласково обнял его, и пристально, не мигая, словно гипнотизер, смотрел в его глаза.

— Знаешь что, Вася? — ласково и таинственно прошептал он. — Я все про тебя знаю... Ничего не надо рассказывать...

Меч вздрогнул и поблелел:

— Ты не бойся. Твой старый друг тебя не выдаст... Я спрошу тебя только об одном: Скажи, ты доволен своей судьбой? Доволен своей работой, которая отнимает у тебя здоровье, радости и обрекает на смерть? Скажи...

Меч ответил, покачивая головой: — Не доволен.

— То-то. Я тебя, Вася, даю благую совет. Плюнь ты на все и строй новую жизнь...

Последние слова Путилина прозвучали таким подкупающим тоном, столько вложил в них искренности, что Меч улыбнулся и облегченно вздохнул:

— Но как это начать? — робко спросил Меч.

— Очень просто. Прежде всего плюнь ты на всякие конспирации, товарищеские отношения и на вашу революционную этику. Выдай твою организацию и всех ее членов!.. За это ты будешь прощен и твоя жизнь будет прекрасной! Не хмурь круглых глаз, не поражайся. Плюнь на все, и если хочешь человеческой жизни, выдавай все...

Смертельная бледность покрывала лицо Меча.

Лицо Путилина становилось хитрым, коварным, как у степного ворюга, готового броситься на добычу.

— Если же, для тебя друшкая революционная этика, созданная брадурными недоучками и глуп-

цами, дороже жизни, то, пожалуй, ста, я помогу тебе добраться до места злачного — Сибири, где и померешь от чухотки... Вася, голубчик, пойми, поверь мне, твоему другу, что так, как я тебе говорю, будет лучше. Раскаиваться ты не будешь...

— А если узнают они? — в страхе спросил Меч. — Они меня убьют...

№ 39.

Купон на право участия в розыгрыше грандиозной премии — высшего или низшего жюри — среди читателей романа „Тайны Нарвских подземелий“, печатающегося с 1-го января 1926 года.

Вырвите и не затеряйте!!!

— Не бойся. Мы с тобой голубы. Устроим так, что ты даже в их глазах будешь мучеником, и твое имя даже будет написано на золотых скрижалях истории революции.

Мы это обмозгуем потом, теперь ты скажи мне открыто:

— Согласен?

Меч поднялся с кресла, закурил папиросу, нервно прошелся по ковру, остановился перед Путилиным, протянул ему руку и сказал:

— Согласен!

(Продолжение следует).

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Президиумъ номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

9.

Начало мести.

Воеводинъ, читая газету, обратилъ вниманіе на маленькую замятку подъ заглавіемъ: „10 іюня серебряная свадьба коммерсанта Сычугова“.

— Такъ, г. Сычуговъ! — съ ненавистью подумалъ онъ. — Рѣши ли справить юбилей „чистой“, „безпорочной“ супружеской жизни? Пойдешь служить торжественный молебень... Въ твоёмъ домѣ соберутся съ поздравленіями лучшія сливки общества отъ аристократіи до представителей искусства... Будутъ рѣчи, въ которыхъ присяжные краснобаи, любители сладко попить и пожрать, разсыпятся передъ тобой, тупыемъ рославскимъ мужикомъ, цвѣты твоихъ талантовъ, ума и добродѣтелей. Ты будешь на высотѣ своего величія. Честолюбіе твое будетъ удовлетворено. Зожеть быть умилишься отъ сча-

стья... прослезился, и въ душѣ подумаешь: благодарю тебя, Боже, за твою милости... Скотина!..

Ненавистью переполнялась душа Воеводина. Въ нервномъ возбужденіи онъ тяжелыми шагами ходилъ по лабиринтамъ подземелья, обдумывая, какъ сильнѣе отомстить Сычугову.

Послѣ долгаго, мучительнаго обдумыванія онъ, наконецъ, нашелъ планъ мести, который и рѣшилъ примѣнить въ самый день серебряной свадьбы Сычугова.

Съ нетерпѣніемъ онъ сталъ ожидать 10 іюня, — день сладкой мести.

10.

Въ самомъ, глухомъ и отдаленномъ углу подземелья совѣщались нѣсколько человѣкъ террористовъ. Говорилъ Викторъ.

— Нашъ глава, товарищъ Мечъ ведетъ себя въ высшей степени странно. За послѣднее время что-то нервничаетъ, не слѣдитъ за дѣлами, и не вдохновляетъ насъ на новые подвиги. Сегодня, напри-

мѣръ, я обратилъ вниманіе ночью, что онъ вынималъ изъ потайнаго желѣзнаго ящика наши секретныя бумаги и пряталъ ихъ въ карманъ. Конечно, тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. Онъ глава и имѣетъ право распоряжаться этими бумагами, но вся бѣда въ томъ, что онъ тревожно озирался по сторонамъ: не видятъ ли его кто? Если тебѣ нужны бумаги, бери ихъ смѣло. За чѣмъ, какъ вору, озираться по сторонамъ?

— На что ему эти бумаги? — недоумѣвалъ Алексѣй. — Года три тому назадъ на нашемъ общемъ собраніи было постановлено не трогать эти бумаги. Тамъ тысячи жизней... Списокъ всѣхъ террористическихъ организаций Россіи... Для чего могли понадобиться ему эти документы?

— Товарищи, будемъ осторожны! — предупреждалъ хитрикъ. — Давайте слѣдить за Мечомъ... Мы живемъ въ страшное время провокацій и предательства. Нельзя, теперь, положиться даже на самыхъ твердыхъ испытанныхъ бойцовъ... Не мѣшало-бы предупредить и Воеводина... Викторъ, поищи его и позови сюда...

Когда пришелъ Воеводинъ, ему высказали свои опасенія.

Онъ отвѣтилъ:

— Я не вѣрю. Но на всякій случай надо послѣдить...

Въ это время пришла Вѣра.

— Господа, знаете что?—шопотомъ сказала она дрогнувшимъ голосомъ. — Намъ грозитъ гибель... Я узнала важную новость...

— Что такое?

— Неужели, полиція?

— Говорите, Вѣра...

— Осмотрите всѣ углы, нѣтъ ли здѣсь Меча...

— Будьте покойны. Онъ спитъ.

— За Мечомъ надо слѣдить...

— зашептала она.—Изъ достоверныхъ источниковъ я узнала, что его вѣдѣли въ Петербургъ съ сыщикомъ Путинымъ...

— Что вы говорите.. Неужели?

— Да... да... Они сѣли на извозчика и неизвестно куда поѣхали...

— Неужели провокація, товарищи? — въ ужасѣ и отчаяніи схватился за голову Викторъ.

Обитателей подземелья одолѣвалъ страхъ.

— Больше спокойствія!—сказалъ Воеводинъ. — Ничего не будетъ. Будьте только осторожны и наблюдательны. Внимательно слѣдите за Мечомъ. Предупредите другихъ товарищей...

Террористы, молча, разошлись по своимъ угламъ и съ этой минуты стали внимательно слѣдить за Мечомъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Президиумъ номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

11.

Местъ.

Передъ тѣмъ какъ поѣхать въ Петербургъ, на серебряную свадьбу Сычугова, Воеводинъ заглянулъ въ городъ Х., гдѣ тихо, безъ роскоши и столичнаго блеска, жила молодая чета Вершининыхъ. Онъ рѣшилъ нанести имъ визитъ.

Вершинины, какъ родного, встрѣтили Воеводина.

— Можете себѣ представить...— улыбаясь, говорилъ композиторъ. — Въ нашей жизни произошло чудо! Мой строгій тестъ, пылавшій къ намъ вулканической злобой, вдругъ, прислалъ свое родительское благословеніе и часть приданаго. Думаемъ, гадаемъ съ Татьяной, и не можемъ никакъ понять, что такое стряслось съ нашимъ папашей?..

— Испугался мерзавецъ!..—подумалъ Воеводинъ о своемъ заклятомъ врагѣ Сычуговѣ. — Не такъ еще испугаешься, когда я тебя публично буду обличать... Какая это будетъ сладкая месь!

— И даже...—добавляла Татьяна Карповна:—прислалъ намъ сердечное приглашеніе на серебряную свадьбу... Вы случайно, не въ Петербургъ ѣдете?

Воеводинъ отвѣтилъ:

— Да въ Петербургъ.

— Хотите мы познакомимъ васъ съ

моими родителями?—предложила она.

— Очень буду благодаренъ!—сказалъ Воеводинъ, въ глубинѣ души радуясь счастливому случаю войти въ домъ Сычугова.

Въ Петербургъ рѣшили выѣхать вмѣстѣ, съ ночнымъ поѣздомъ.

12.

Пышно, съ трескомъ и громомъ рѣшили отпраздновать Сычугову серебряную свадьбу.

Было разослано до пятидесяти приглашеній самымъ привеллигированнымъ, самымъ талантливымъ, богатымъ и знаменитымъ.

О серебряной свадьбѣ задолго писалось на страницахъ уличныхъ газетъ, самыми восторженными строками.

Сычуговъ рѣшилъ поразить Петербургъ своимъ праздникомъ.

13.

10 іюня.

Тихій вечеръ.

День мести.

День серебряной свадьбы Сычугова.

Около особняка Сычугова непрерывное движеніе.

Цвѣтъ и гордость Петербурга, въ золотѣ, шелкахъ, брилліантахъ поднимался по роскошному ковру въ покои самаго богатаго коммерсанта.

Въ пестрой, нарядной толпѣ мелькали знаменитые артисты, писатели, музыканты, балерины, князья, княгини, графы, графини, бароны и баронессы.

Самодовольный и польщенный Сычуговъ не успѣвалъ принимать гостей.

Въ этотъ день, яркій и значительный въ его жизни, на душѣ Сычугова не было мѣста раздраженію и досадѣ, и когда подошли къ нему Вершинины и Воеводинъ, онъ встрѣтилъ ихъ съ такой отеческой лаской и нѣжностью, что тѣ даже поразились.

— Разрѣшите, папа, представить вамъ нашего хорошаго друга...

— Павелъ Зоринъ...—представилъ Воеводинъ вымышленной фамиліи...

Сычуговъ внимательно вглядѣлся въ высокаго, статнаго, безукоризненно одѣтаго молодого человѣка и что-то похожее на испуг мелькнуло въ его глазахъ.

— Гдѣ я могъ видѣть этого господина?—сился припомнить онъ.

Въ концертномъ залѣ начинался музыкально — художественный вечеръ.

Извѣстный пианистъ исполнялъ въ зачарованномъ молчаніи слушателей симфонію Бетховена.

Воеводинъ стоялъ въ концѣ зала, вслушивался въ божественные звуки симфоніи, и невольно поддавался воспоминаніямъ...

Весна. Цвѣтеть сирень...

Гунгенбургъ... Ирина... Чудился ей смѣхъ. Отчетливо припоминались слова ея милыя...

Хотѣлось плакать подъ музыку... — Отняли тебя отъ меня... проклиная люди!—шептала онъ сквозь слезы.

Съ ненавистью глядѣлъ онъ на мясистую воловую шею Сычугова, сидѣвшего съ женой въ первомъ ряду, въ креслѣ украшенномъ зеленью.

Выступали пѣвцы, писатели, артисты, балерины.

Все было ярко, покоряюще, таинственно.

Воеводинъ вспоминалъ свою полувѣрную, мрачную жизнь въ подземельяхъ, лишённую радостей и восторговъ искусства, и было безумное желаніе подойти къ Сычугову и ударить его по толстой, самодовольной физиономіи.

Послѣ восторженнаго, продолжительнаго шума апплодисментовъ гости были приглашены къ столу.

Сычуговъ не ударилъ лицомъ въ грязь.

Изисканностью винъ и кушаній онъ поразилъ лучшихъ, избалованныхъ гурмановъ Петербурга.

Рѣчи...

Много ихъ было, облеченныхъ въ красивыя литературныя формы, обвѣянныхъ пьянящимъ фиміамомъ лести.

Во время небольшой паузы, въ концѣ стола поднималась высокая, стройная фигура Воеводина съ блѣднымъ лицомъ и яркими, какъ огни, глазами.

— Я хочу говорить! — сказалъ онъ звучнымъ, стальнымъ, невольно покоряющимъ голосомъ. — Восторжась тишины. Всѣ обратили вниманіе на блѣднаго красиваго незнакомца.

Воеводинъ прямо, не мигая, смотрѣлъ на Сычугова.

Тотъ не вынесъ этихъ жгучихъ страшныхъ глазъ и забеспокоился. Минуты двѣ, въ гробовомъ молчаніи присутствующихъ, Воеводинъ молча глядѣлъ въ глаза Сычугова.

Гости ждали, чѣмъ разрѣшится это жуткое молчаніе...

(Продолженіе слѣдуетъ).

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предыдущие номера с началом романа можно получить в конторе газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

14.

Скандалъ.

Вы, — начал Воеводинъ нервнымъ стальнымъ голосомъ, не сводя пытливыхъ строгихъ глазъ съ Сычугова, который, въ предчувствіи недобраго, изъ багроваго превращался въ мертвенно сизый цвѣтъ — представители аристократіи, музыки, театра, литературы, знаете-ли кого чествуете? Кому разсыпаете литературныя слова, услаждаете слухъ талантливой игрой? Вы скажете: конечно, знаемъ. Нашему уважаемому меценату, хлѣбосольному хозяину, гордости коммерческаго міра Сычугову — наши восторги. А я вамъ говорю, вы не знаете къ кому пришли, кого чествуете, кому пожимаете руку.

Нервный подъемъ, охватившій Воеводина, невольно передавался и слушателямъ.

Стояла страшная неподвижная тишина, въ которой не угадывалась, но чувствовалась гроза рѣдкаго, небывалаго скандала.

Даже лакеи, которые только что хотѣли обнести гостей винами, и тѣ остановились у дверей, боясь потревожить эту необычную, заставляющую слушать тишину.

Сычуговъ нервничалъ.

Дамы не сводили зачарованныхъ глазъ съ красиваго вдохновеннаго лица Воеводина, и, какъ дорогое, сладкое хмѣльное вино, пили его горячія страстные слова.

Онъ говорилъ:

— Это не Сычуговъ, котораго вы знаете, какъ мецената, благотворителя, почетнаго члена церковныхъ совѣтовъ, это мерзавецъ и грубое чувственное животное...

Какъ это и странно, но никто не прервалъ рѣчь Воеводина.

Только жена Сычугова вскрикнула и потеряла сознание...

Самъ Сычуговъ вздрогнулъ, словно неожиданно ударили его хлыстомъ.

Гости затаивъ дыханіе, ждали, чѣмъ окончится дальнѣйшее выступленіе красиваго интеллигентнаго незнакомца съ глазами, затаившими глубокое страданіе.

— Сычугову не здѣсь надо присутствовать, среди васъ людей порядочныхъ, талантливыхъ, его мѣсто въ Сибири!.. Вы помните, господа, газетную шумиху объ изнасилованіи его контрорщицы студентомъ М. Воеводинымъ... Я пришелъ сюда обѣлить юношу Воеводина, который не виновенъ и до смерти любилъ свою невѣсту Ирину. Я пришелъ осудить главнаго виновника ея смерти Сычугова! Это онъ, господа, которому вы говорите рѣчи, танцуете, играете и поете, изнасиловалъ чистую дѣвушку...

— Хотите я передъ всѣми вашими гостями докажу вашу виновность? — спрашивалъ Воеводинъ Сычугова.

Сычуговъ какъ-то нелѣпо вскинулъ руками, что-то хотѣлъ сказать, упалъ головой на столъ и завывалъ, какъ звѣрь, котораго на-

стигли, окружаютъ и собираются убить...

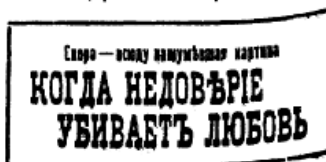
— Знай, — говорилъ Воеводинъ — это еще не месть. Местъ впереди, за Ирину, за чистую дѣвушку, которую ты растопталъ! Мерзавецъ, будь ты проклятъ!

Послѣ этихъ словъ Воеводинъ вышелъ изъ-за стола и пошелъ гордой прямой походкой къ двери, которую почтительно открыли лакеи, провожая его ошалѣвшими глазами.

Послѣ рѣчи Воеводина поднялся страшный шумъ. Кричали. Требовали полицію, и одинъ за другимъ стали уходить домой, не прощаясь съ Сычуговымъ, который продолжалъ выть дикимъ звѣринымъ во-емъ...

Черезъ нѣсколько минутъ объ этомъ скандалѣ говорилъ весь Петербургъ, съ ненавистью и презрѣніемъ упоминая имя Сычугова...

(Продолженіе слѣдуетъ).

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предыдущие номера с началом романа можно получить в конторе газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

15.

Собака Вѣтеръ.

Не доходя рыбацкой избушки, въ которой жилъ подъ видомъ скромнаго рыбака одинъ изъ террористовъ и откуда велъ потайной подземный ходъ въ Нарвскія подземелья, Воеводинъ чуть не наступилъ на грязнаго, исхудалаго, но чистой крови бульдога, который жалобно стоналъ и смотрѣлъ на него страдальческими человѣческими глазами.

— Что тебѣ дружище? — ласково поглаживая его, спрашивалъ Воеводинъ.

Къ большому удивленію, собака показала ему окровавленную лапу.

— Вотъ, милый, въ чемъ дѣло! — понялъ Воеводинъ. — Помощь, го-

воришь, нужна? Такъ и быть, надо помочь тебѣ. Ну-ка, дружище, дай я тебя возьму на руки.

Собака довѣрчиво заскулила и стала лизать его руки.

Воеводинъ принесъ собаку въ подземелье. При помощи Химика, немного знакомаго съ ветеринаріей, ей сдѣлали перевязку.

Съ этого дня собака привязалась къ Воеводину и не отходила отъ него ни на шагъ.

Въ свою очередь и Воеводинъ полюбилъ преданнаго, безсловеснаго друга.

Кто-то изъ обитателей подземелья, за рѣзвость и живость собаки, прозвалъ ее Вѣтромъ...

Надъ Нарвскими подземельями висѣла жуткая тревога.

Все больше и больше начинали убѣждаться, что Мечъ ведетъ себя подозрительно. Были замѣчены его частыя отлучки въ Петербургъ. Со-

дня на день ждали измѣны, ареста. Всѣхъ основаній обвинить Меча въ измѣнѣ пока не было, но слѣдили за нимъ строго, чуть-ли не заглядывая въ его каморку и роясь въ бумагахъ.

Инстинктомъ звѣря Мечъ чувствовалъ опасность.

Между нимъ и товарищами съ каждымъ днемъ порывались прежнія, интимно-дружескія отношенія. Чтобы наладить эти отношенія, Мечъ прибѣгалъ къ разнаго рода ухищреніямъ.

Чрезмѣрно льстилъ. Всегда угрюмый и молчаливый, на этотъ разъ произносилъ неестественно-горячо и убѣжденно рѣчи, въ которыхъ призывалъ не отступать отъ своей идеи, служить ей, и до смерти биться съ врагами.

Несмотря на пламенное краснорѣчіе Меча, рѣчи его выслушивались молча, угрюмо, безъ прежнихъ восторговъ.

Мечъ это чувствовалъ и, какъ луда, съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать часа покинуть эти земляныя стѣны и предать своихъ друзей.

Находясь у себя въ своей мрачной норѣ, служившей ему жилищемъ, до физической боли въ вискахъ, Мечъ думалъ объ одномъ, какъ-бы скорѣе окончить дѣло,

обѣщанное Путилину и охранному петербургскому отдѣленію, въ которомъ, онъ за хорошее гражданствіе, благодаря протекціи Путилина, числился негласнымъ агентомъ подъ кличкой "Бомба".

При свѣтѣ свѣчи Мечъ перечитывалъ письмо Путилина, въ которомъ сыщикъ разсыпался передъ нимъ въ благодарностяхъ за доставленные документы Ревельскихъ конспиративныхъ ячеекъ террористовъ.

Что-то похожее на угрызенія совѣсти шевельнулось въ душѣ Меча.

Онъ думалъ:

— Я дѣлаю величайшую подлость, выдавая своихъ друзей, съ которыми работалъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, переносилъ всю горечь и восторги подпольной жизни... Среди нихъ много честныхъ, благородныхъ натуръ, чистыхъ идеалистовъ, жалкихъ неудачниковъ и вотъ, ради торжества своего маленькаго животнаго "Я", за мягкіе диваны, зеркала и ковры, я предаю ихъ въ лапы тѣхъ, кого ненавиждѣлъ и съ кѣмъ бился до смерти...

Плевкомъ и крѣпкимъ ругательнымъ словомъ Мечъ отогналъ эти мысли, огнемъ сжигавшія его душу.

— Чортъ съ ними! — въ ярости шепталъ онъ, комкая письмо Пу-

тилина и бросая его на пол. — Мнѣ жить по человѣчески хочется! Мнѣ надоѣла эта проклятая нора, ежедневный трепетъ за свою шкуру. Монархическая власть сильна. Не намъ, слабымъ, невооруженнымъ утопистамъ, недоучкамъ, бороться съ нею. Да и во имя чего, спрашивается, я буду жертвовать своимъ мозгомъ, способностями, молодыми лучшими годами? Во имя потомства? Ха-ха-ха! Чтобы жить хорошо, сладко и спокойно, жилось? Ну, ужъ, нѣтъ-съ, дудки! Цѣль-то какая? Я бейся, жертвай здоровьемъ, не имѣй свѣтлыхъ дней, потомство будетъ благоденствовать, а я превращаюсь въ лопухъ или пыль... Перспектива любопытная! Къ чорту, золотой вѣкъ! Вилами онъ по водѣ писанъ. Ничего вамъ, чертямъ, равенства! — Равенство! — безсвязно, обжигаемая ненавистью металась мысль въ воспаленномъ мозгу Меча. — Да ну же я, Мечъ, человекъ одаренный, умный, сравняюсь съ первобытнымъ умомъ дворника или го-голевскими Селифаномъ и Петрушкой! Нѣтъ-съ! Жизнь — борьба, а не торжествующій гимнъ! Въ равнинѣ скука, казарма, а не жизнь въ превосходствѣ таланта надъ бездарностями, ума надъ глупостью.

знатнаго надъ простымъ, красота, смыслъ и содержаніе жизни.

— Къ чертямъ демократическіе принципы, революціонные идеалы, обоготвореніе революціонеровъ. Глупость. Пошлость. Фраза. Поза. Надо жить свободно, широко, на виду у всѣхъ, не прячась въ подземелья. Я бы, теперь, при своемъ умѣнн и талантѣ, давно былъ-бы губернаторомъ или министромъ, а тутъ — звѣриное логово!.. Никакихъ угрызений совѣсти! Завтра забираю всѣ документы и спокойно уезжаю отъ правящихъ съ ними въ Петербургъ. Навсегда распрощаюсь съ этими короманами, придавившими мой талантъ, умъ и душу... Своими революціонными „подвигами“ мы расшатываемъ великую богатую страну, съ прочно налаженнымъ государственнымъ аппаратомъ, и ведемъ ее, сами не зная куда... Я долженъ спасти Россію. Пусть погибнутъ сотни, но спасутся миллионы! Последнія слова на время усыпили безпокойную совѣсть Меча...

(Продолженіе слѣдуетъ).

= ТАИНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Продолженіе романа съ начала онъ можно получить въ конторѣ газетъ.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

15.

Смертный приговоръ.

Окрѣпшій и повеселѣвшій на сытыхъ хлѣбахъ Вѣтеръ игралъ ключкомъ бумаги.

На бѣготню его любовались Воеводины, Ольга и Викторъ.

Виктору пришла въ голову дѣтская мысль, привязать къ бумажному комочку нитку, чтобы подразнить Вѣтра.

Но передъ тѣмъ какъ привязать нитку, онъ разгладилъ бумагу и сталъ читать... Не успѣлъ прочесть нѣсколько строкъ, какъ вздрогнулъ, скрипнула зубами и поблѣднѣлъ.

— Что съ тобой? — въ одинъ голосъ спросили его Воеводины и Ольга.

Судорожно вздрагивающей рукой Викторъ протянулъ имъ лоскутокъ бумаги, бывшей такой наивной, не внушающей серьезности игрушкой всеобщаго любимца Вѣтра.

— Читайте!... — въ ужасѣ прошепталъ онъ, хватаясь за голову.

По мѣрѣ чтенія письма лица Воеводина и Ольги то блѣднѣли, то краснѣли.

— Негодяй! — прошептала Ольга, до крови стискивая зубами губы, и также блѣднѣя.

— Что-же это такое? Предательство? — спрашивалъ Воеводины. — Намъ необходимо сейчасъ-же всѣмъ объяснить съ Мечомъ...

— Его нѣтъ. Общались только къ вечеру.

— Тѣмъ лучше. Въ его отсутствіи мы обсудимъ, какъ поступить съ нимъ... Предупреди, Викторъ, всѣхъ нашихъ, чтобы собрались въ общей комнатѣ.

Ольга плакала.

Воеводины утѣшали ее:

— Не плачьте. Надо быть ко всему готовымъ. Наше счастье, что этотъ злополучный лоскутокъ бумаги попалъ къ намъ. Мы будемъ спасены.

Ольга не успокаивалась.

— Я такъ вѣрила въ идею этого человека... Нѣтъ ничего болѣе ужаснаго разочароваться въ человекѣ, за которымъ идешь, въ котораго вѣришь, жертвуешь своимъ здоровьемъ, молодостью, всѣмъ, а онъ, этотъ человекъ, какъ послѣдній негодяй, бросаетъ тебя на съѣденіе звѣрямъ. Полно бросать! Развѣ можно такого человека шадить? — спрашивала она въ страшной ненависти.

Воеводины отвѣчали.

— Нѣтъ. Онъ долженъ отвѣтить.

— Что-же теперь дѣлать? — въ отчаяніи и тоскѣ спрашивала Оль-

га. — Какъ послѣ этого работать на счастье грядущихъ поколѣній, когда смѣлые и сильные, какъ Мечъ, оказываются предателями... Неужели крахъ нашему дѣлу? Какъ я жестоко ошиблась въ этихъ людяхъ!

— Всѣ собрались, ждуть васъ... — объявилъ Викторъ.

Въ общей комнатѣ, предназначенной для совѣщаній, въ жуткомъ молчаніи сидѣли и стояли около пятнадцати человекъ, обитателей Нарвскихъ подземелій.

По лицамъ угрюмымъ и землистымъ — сѣрымъ можно было прочесть, что ихъ обуревали нерадостныя думы.

Пока они не знали цѣли этого собранія, но обостреннымъ конспиративно революціоннымъ чутьемъ гададывались, что въ ихъ жизни, тѣсно спаянную товарищескою этикой и солидарностью, вошло что-то чудовищно необычное и жестокое.

Когда Воеводины взглянули на нихъ, то подумали:

— Такие люди, извѣдавшіе преступленіе, смѣло бросающіе бомбы подъ кареты министровъ, по нѣсколько разъ убѣгавшіе изъ тюремъ, ожесточившіе сердце непрестанной борьбой за жизнь, такіе люди не прощаютъ товарищескихъ измѣнъ.

Въ воздухѣ чувствовалось дыханіе смерти.

Въ злѣбномъ блескѣ глазъ, въ звѣриной настроенности, въ прерывистомъ дыханіи, съ сжатыми въ кулаки руками, обитатели подземелья были похожи на волковъ, поджидавшихъ добычу.

Выступилъ Воеводины и спокойнымъ чеканнымъ голосомъ прочиталъ письмо Путилина.

Послѣ прочтенія минуты три длилось молчаніе. Страшное. Молчаніе просыпающагося звѣря.

Кто-то застоналъ. Изъ этого было достаточно, чтобы разразилась буря ненависти, негодованія и острого, сжимающаго душу страхомъ крика.

Фразъ нельзя было разобрать.

Одни короткія, какъ удары хлы-

ста, слова-вопли:

— Предатель!

— Гдѣ онъ?

— Сюда его!

— Смерть!

— Смерть предателю!

— Провокаторъ!

— Меча!

— Мы его сейчасъ распрот-

шимъ!

Опять выступилъ Воеводины.

Достаточно было нѣскольکو словъ, чтобы взглядовъ, какъ бурное море голосовъ смолкло.

— Товарищи! — говорилъ онъ. — Больше спокойствія. Будемъ ждать восемь часовъ вечера всѣ разошлись по своимъ логовищамъ. Въ темныя нѣдра подземелій, тихими, но увѣренными шагами во-

шла смерть...

— Правильно! — согласилось со-

браніе.

— Въ 12 часовъ ночи!

Въ восемь часовъ вечера всѣ разошлись по своимъ логовищамъ. Въ темныя нѣдра подземелій, тихими, но увѣренными шагами во-

шла смерть...

(Продолженіе слѣдуетъ).

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Продолжение романа с начала романа можно получить в конторе «Свет».)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

16.

Расправа.

Террористы следили за Мечом. Меч, не подозревая опасности, тихими, осторожными шагами, с огарком свеч, стараясь не разбудить людей, пробираясь к заветному желѣзному ящику, в котором лежали деньги и документы необычайной важности.

— Скорѣе сдѣлать дѣло, и айда! — думал Меч, едва удерживая от доминантных дыханий.

Он подошел к ящику.

И только что хотѣлъ вложить въ него ключи, какъ кто-то позади, мощной желѣзной хваткой выхватилъ его плечо.

Меч аскриннул, выронилъ свѣчу и ключи. Воцарился непроницаемый мракъ.

— Товарищи! Огня сюда, скорѣе! — крикнулъ человекъ, выхвативъ изъ плеча Меча.

— Воеводины!.. — прокричалъ Меч. — Не губи меня!.. Отпусти...

Гулко стуча по каменю подземелья, шли съ огнемъ террористы. Дико вскрикнули, увидѣвъ извивавшагося ужомъ Меча...

Он боялся поднять голову и взглянуть въ глаза товарищей, которыхъ хотѣлъ предать...

А они обступали его стальными, грозными кругомъ, изъ котораго не убѣжишь.

Обступали молча.

— Вставайте! — сказала Воеводина Мечу.

Меч поднялся. Опушенная голова, вялые, безсильныя руки, смертная блѣдность лица, дрожь, пробѣгающая по его тѣлу, носили характеръ обреченности...

Его привели въ общую комнату.

— Что вы съ нами сдѣлали? — спрашивалъ Воеводина.

Меч что-то хотѣлъ промолвить поблѣднѣвшими губами, но вышло одно безсмысленное бормотанье.

— Что нужно сдѣлать по революционному закону съ тѣми, кто измѣнилъ партіи и предалъ своихъ товарищей?

Меч едва слышно промолвилъ:

— Я не хотѣлъ васъ предать... Я остался вѣренъ партіи...

Понемногу онъ пришелъ въ себя и уже смѣлымъ голосомъ спросилъ:

— За что вы меня, какъ послѣднѣйшаго негодая, схватили у потайного желѣзнаго ящика? Вы знали мои намеренія? — спрашивалъ Мечъ Воеводина держимъ гнѣвнымъ тономъ, совсѣмъ уже освободившись отъ страха. — Просто напросто я, какъ глава партіи, хотѣлъ доказать документы и навести кой-какія справки... И то, что я дѣлаю, — дѣлаю во имя нашей партіи...

Къ Мечу спокойными шагами подошелъ Воеводина, протянулъ ему письмо Путилина и спросилъ: — Это тоже во имя партіи?

Меч широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на этотъ предательскій ключекъ бумаги и не могъ понять, какъ онъ попалъ въ чужія руки.

Словно увидѣвъ смерть въ глазахъ Воеводина, онъ схватился въ отчаяніи за голову и попытался назада.

Смертная тишина, царившая до этого въ ночныхъ подземельяхъ, вдругъ, разрядилась бѣшенымъ смерчемъ крика и ругани.

— Предатель!

— Смерть ему!

— Негодай!

— Бей его!

И если-бы не вѣщательство Воеводина, Мечъ былъ-бы снятъ и

задушенъ озлобленными революционерками.

— Товарищи! — обратился Викторъ. — Я предлагаю, пусть Мечъ самъ, на глазахъ всѣхъ присутствующихъ, кончитъ себя!

Предложеніе Виктора было принято съ восторгомъ.

Блискъ положилъ на столъ револьверъ и сказалъ Мечу:

— Пожалуйста!

Для Меча все было кончено. Онъ рѣшилъ покориться своей участи. Автоматически, никого не видя передъ собой, ничего не сознавая, онъ подошелъ къ столу, неторопливо взялъ револьверъ, обведя присутствующихъ полубезумными блуждающими глазами, тяжело вздохнулъ, взялъ дуло револьвера въ ротъ, и, тихо простонавъ, крѣпко зажмурилъ глаза, выстрѣлилъ...

Въ жуткомъ молчаніи, не глядя другъ на друга, подошли революционеры къ трупъ своего бывшаго главы.

— Трупъ надо убрать... — сказали кто-то.

— Но куда? — спросили. — Закрыть его здѣсь нельзя...

— Выбросить въ Нарову! — распорядился Викторъ.

Осторожно взяли покойника, темными подземными ходами вынесли его къ каменистому берегу, раскочаили и бросили въ бурный водный Наровы...

(Продолжение слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Продолжение романа с начала романа можно получить в конторе «Свет».)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

17.

Въ одну изъ дождливыхъ темныхъ ночей, по направленію нарвскихъ скалъ, шли три человекъ въ партизанскихъ пальто.

— Семеновъ, ты расположеніе подземелий хорошо знаешь? — спросилъ одинъ изъ нихъ, высокаго и худощаваго.

— Бомба мнѣ подробно объяснилъ все. Мы должны сейчасъ завернуть за уголокъ этой скалы, спуститься къ берегу, пройти до самаго, почти, желѣзнодорожнаго моста, а тамъ мы увидимъ небольшое ущелье, въ которое надо проникнуть...

— Ты, Бушъ, станешь у входа въ ущелье. Опасность предупреди свисткомъ. Мы съ Трофимомъ спустимся въ подземелье. Пальто снимемъ у входа. Бомба объяснялъ намъ, что ползти придется все прямо, до тѣхъ поръ, пока не упрѣмъ въ стѣну. Въ стѣнѣ надо найти кольцо, которое повернуть алѣва два раза. Откроется другой ходъ, прямо къ террористамъ.

— Кстати, — спросилъ Бушъ, — почему отъ Бомбы ни слуху, ни духа. Пятый день пропадаетъ. Не раздумалъ-ли?

— Не можетъ быть. Да и разду-

мывать теперь поздно, когда наша охранка знаетъ все, за исключеніемъ лишь списка террористическихъ организаций.

— Мнѣ кажется, — глубокомысленно замѣтилъ Семеновъ, старый и талантливый охранникъ, — не влипъ-ли нашъ Бомба?

— Какъ такъ?

— Не накричали-ли его? Сыскъ у революционеров поставленъ не хуже нашего.

— Что-же тогда? — спросилъ Бушъ, самый молодой агентъ охранки.

— У нихъ просто. Появился въ предательствѣ, пулю въ лобъ, трупъ за ноги да и въ воду! — указалъ Семеновъ на бѣшено ревущую воду Наровы.

— Рѣшительный народъ!

— Трофимъ! — началъ вѣжливо вѣжливо замѣтилъ Семеновъ. — Слѣдить внимательно. Разсмотрѣть всѣ углы, всѣ ходы и выходы, откуда удобнѣе будетъ пройти полиціи.

— На меня можешь положиться. Не въ первой, чать.

— То-то. Работа должна быть чистой. Главное, Боже тебя упаси, шумомъ или шорохомъ обратить на насъ вниманіе. Запомни, что они чутки, какъ звѣри.

— Да что ты меня все учишь!

Не знаю я, что-ли! — разсердился Трофимъ.

— Ну! Не кипятись, смола! Къ нашей-же пользѣ. Дѣло справить чисто, награда намъ обѣщана хорошая...

Осторожно обогнули скалу, спустились къ берегу, и пошли по направленію желѣзнодорожнаго моста.

Поднялись на скалы. Дошли до назначеннаго ущелья. Оглянулись по сторонамъ.

Трофимовъ и Семеновъ сняли пальто, спрятавъ ихъ въ скелетомъ отверстіи, а сами стали пролѣзть въ ущелье.

Бушъ стоялъ на стражѣ.

18.

Въ нарвскихъ подземельяхъ шло бурное собраніе.

На повстѣ острый требовательный вопросъ: покинуть-ли подземелья, чтобы не попасть, ввиду измѣны Меча, въ лапы полиціи, или оставаться здѣсь?

Мнѣние раскалывалось.

Большинство было за то, чтобы остаться.

— А можетъ быть, Мечъ — говорилъ Вѣра, — выдастъ охранкѣ наше убійство, и не сегодня, завтра мы будемъ арестованы!

— Намъ необходимо искать новое мѣсто... и новаго главу!

— Глава у насъ есть! — послышалось нѣсколько голосовъ. — Воеводина будетъ главой!

При одномъ имени Воеводина, всѣ встали, и въ одинъ голосъ закричали:

— Будь главой!

Воеводина спокойно принялъ это избраніе.

— Покидать этого мѣста мы не будемъ... — заявилъ онъ. — На случай опасности, есть еще ходъ, недавно мною открытый, очень удобный и безопасный.

При этомъ Воеводина подошелъ къ стѣнѣ, нажалъ невидимую для глазъ кнопку и передъ удивленными глазами присутствующихъ открылся подземный ходъ.

Воеводина пояснилъ:

— Этотъ ходъ старинный. Ведетъ къ самому лѣсу...

— Справо! — заулѣбались голоса.

— Крѣпка наша твердыня!

Смѣлостью, неподкупная порядочность и спокойствіе Воеводина, проявившія въ мрачныхъ, встревоженныхъ измѣной Меча, душахъ революционеров-террористовъ надежду...

Вдругъ, отчаяннымъ и тревожнымъ лаемъ встрепенулся Вѣтеръ.

Вздрогнули.

— На кого она лаетъ? — недоумѣвали всѣ.

Вѣтеръ, несмотря на окрики, продолжалъ лаять.

— Собака лаетъ не къ добру. Она чуетъ незнакомаго чужаго человека. Пойдемте, посмотримъ.

Взявъ на всякій случай по револьверу, съ фонаремъ въ рукахъ, позади Вѣтра, отчаянно рвущагося впередъ, они осторожно пошли...

Гдѣ-то послышался шорохъ...

— Полиція!

— Вотъ, она, гдѣ измѣна проклятого Меча! Скорѣе товарищи!

— шепнулъ Воеводина...

(Продолжение слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Продолжение романа с началом романа можно получить в конторе газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

19.

Жертв водопада.

— Стой! Кто такой? — не своим голосом крикнул Воеводина, лицом к лицу сталкиваясь с неосторожным сыщиком Трофимом.

Вместо ответа тот быстро выхватил револьвер и направил его в лицо Воеводина. Но в это время, откуда не возьмись, выскочил Втерь и с таким остервенением вцепился в икру сыщика, что тот выронил револьвер и скорчился от мучительной боли.

На безоружного сыщика налетели террористы и скрутили ремнями руки.

Втерь, где-то в глубине подземелий, отчаянно лаял.

— Втерь лает не просто... — сказал Енисей!

— За мной, товарищи! — бросился Воеводина по направлению лая. В небольшой нише прятался другой сыщик.

— Ни с места! Руки вверх!

И когда перепуганный сыщик поднял руки, ему также, как и первому, связали руки и повели в „общую“.

В „общей“ сыщиков обыскали.

Нашли план подземелий, начерченный рукой Меча.

Железный закон террористов карал смертью каждого шпона.

Когда обыск был окончен, самый жестокий террорист Солдатенко, никого не спрашивая, коротко обратился к сыщикам:

— За мной!

Медленным смертным шагом приговоренных, бывших, как по-

лотно, крепко связанные ремнями, сыщики пошли за Солдатенко.

Он вел их длинным, извилистым лабиринтом, освещая путь электрическим фонарем.

Вдали что-то шумело, словно кипела вода в котле.

Дошли до широкого отверстия, откуда открывался вид на кипящий Нарвский водопад.

Солдатенко коротко и повелительно отрубил:

— В воду!

В глазах сыщиков отразился животный ужас.

— Спасите! — пролепетали блягубы Трофима.

Солдатенко был безразличен.

— Не губите нас! — пролепетал Семенов, опускаясь на колени. — Мы вас не выдадим!

— Бросайтесь в воду! — приказывал Солдатенко. — Если вы хорошие пловцы, то спасение для вас возможно!

Водопад рычал, как дикий зверь. Ужасом смерти дышал он.

Сыщики заглянули в его пучины, и им ужас отпрянул, закрыв лицо руками.

Солдатенко неслышно подошел к ним, и быстро, с силой, не дав им опомниться, толкнул их

в пучину бешено-ревушего водопада...

Жизнь в подземелье пошла своим чередом.

Как глава, Воеводина был на месте и пользовался безграничным доверием партии.

Полиция зорко следила за Нарвскими подземельями, но проникнуть в них, благодаря безслучайно исчезнувшим Трофиму и Семенову, не могла.

Террористы замуровали тот вход, через который проникли сыщики, и пользовались случайным найденным Воеводиным подземным ходом, выходящим к безлюдному лесу.

На последнем заседании террористов, по предложению Воеводина, для пополнения кассы, а также на нужды голодающих крестьян, решено было ограбить несорасный шкаф Сычугова.

На дело вызвались Виктор, Ольга и Алексей...

(Продолжение следует.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Продолжение романа с началом романа можно получить в конторе газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

20.

В душу Ольги вошла любовь и наполнила ее счастьем, отчаянием, и тоской.

Силой воли она сдержала к Воевдине свое чувство. Ни словом, ни взглядом не выдавала его. Как материнский крест, прятала любовь от посторонних глаз.

Всегда живая и общительная, за последнее время Ольга полюбила одиночество.

Уходила подземным ходом в лесную тишину и там предавалась своим думам.

Ее начинали тяготить мрачные стены подземелья. Мечталось о другой жизни, прекрасной и тихой. Измена Меча еще более повляла на Ольгу, и она уже с недоверием смотрела на необходимость революционной борьбы.

— Любить ли он меня? — в тоске спрашивала Ольга, и, как наивная влюбленная гимназистка, отрывала бумажки ромашки: любить не любить...

И какая светлая радость охватила ее, когда цветы сказали: любить...

Однажды, одиночество Ольги было нарушено приходом Воеводина, тоже тяготившегося мраком и сыростью подземелья.

Он подошел к Ольге, и молча, сел рядом.

Солнце, песни птиц и зелень ласкали его озлобленную безпечную душу.

Мечталось о прошлом... захотелось ласки, человеческого участия...

Глаза Ольги были так ласковы, и смотрели на него с таким жалостным материнским участием, что он не замечал, как склонил свою голову к ней на плечо...

Поняла Ольга, что он страдает. Мучают его воспоминания, и она робко стала гладить его волосы, утешая, как ребенка...

За дело ограбления Сычугова, Виктор, Ольга и Алексей взялись охотно. Знали, что Сычугов — злостный враг Воеводина и были рады отомстить ему за своего товарища.

Навели все необходимые для „дела“ справки.

После скандала на серебряной свадьбе, Сычугов отчаянно записал. Жена Сычугова, не вынося пьяных скандалов мужа, уехала в Нишу.

С отцом оставался сын его Георгий, также не уступавший своему родителю по части скандалов, разврата и пьянства.

Излюбленным местом Сычугов был загородный ресторан „Огонек“.

В этот-то ресторан и решила поехать Ольга, чтобы поймать Сычугова, завести с ним знакомство и силой своих женских чар покорить его.

Раз в неделю Воеводина пересаживался в нищенский наряд, наклеивал бороду, гримировал лицо, поздней ночью выходил из подземелья и направлялся в самые глухие и нищенские трущобы Нарвы.

Подойдет к окну. Постучить. На вопрос, кто там? — Воеводина отвечал:

— Дядь Захар!

При одном имени, в доме поднималась радостная суета.

— Дядушка Захар!.. Дядушка Захар! пришел!

Просыпались дети, и в одних рубашенках бжали навстречу дядушке Захару.

А дядь неторопливо входил в дом, и пока ставили самовар, он развязывал мешок и оделял нищих, голодных детей булками, сыром, колбасой, сладостями.

Выпив стакан чаю, Воеводина поднимался и, благословляемый благодарными взорами нищих, сунув в руку глав дома сумму денег, уходил к иным углам, где прятались слезы, нищета и голодные дети.

Слова о неведомом дядушке Захаре, с тихой молитвой переходила из одного квартала в другой, из одной деревни в другую.

Сгорели ли у мужа изба, паде ли корова или лошадь, умер ли кормилец в семье, сам Воеводина в образе старика приносил помощь, или же посылал

по почте с скромным напоминанием: „Молитесь за Ирину.“

Петербургское охранное отделение было в тревоге.

Исчезновение Меча и двух сыщиков не на шутку взбодорило всех.

Сыщик Буш рассказывал:

— Я ждал Трофима и Семенова больше шести часов, и не мог дожидаться...

В то время, когда я собирался уходить, вдруг со стороны реки услышал страшный крик... Я бросился туда, и собственными глазами видел, как в бурных волнах колыхался человек...

Спаси его не было возможности... Через несколько минут он пошел на дно. Мне кажется, горюх возмолвленный Буш, что наши товарищи, Трофимов и Семенов, попали в руки террористов. Каким-нибудь потайным подземным ходом они довели их до водопада, и сбросили...

Во время рассказа Буш, вбегая в канцелярию один из чиновников и доложил, что, по сообщению Нарвской полиции, в шести верстах от Нарвы, около деревни Риги, волнами реки выброшен труп мужчины средних лет, в карманах которого найден паспорт на имя Василия Козлова.

— Меч погиб!

— Убили товарища!

— Попался бдяга! — раздался голос.

Срочно был вызван Путилин.

(Продолжение следует.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предыдущие номера с началом романа можно получить в конторх газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

21.

Несгораемый шкаф.

— Нина Константиновна... сюда пожалуйста. Вашу ручку! — счастливо бормотал Сычугов, открывая дверцу автомобиля и помогая выйти красивой, одетой в черное, стройной даме.

Поднялись в покои Сычугова. В столовой ожидал накрытый стол.

Сычугов не сводил глаз с красивой женщины, с которой с большими трудностями познакомился в загородном ресторане „Огонек“.

Она, казалось, не замечала его тяжелых, похотливых взглядов и продолжала есть с большим аппетитом.

Оно то и дело подливал ей шампанское.

— Скажите пожалуйста! — спрашивала Нина Константиновна, устремив взор на одну из картин на стене. — Чья это работа?

И пока Сычугов поворачивался к картинке, она быстро вылила шампанское на ковер и продолжала лепетать милый женский вздор, подливая вино в бокалы Сычугова.

Присутствие красивой женщины волновало его. Он гладил ее красивые руки. Лепетал безсвязные ласковые слова.

Нина Константиновна не сопротивлялась его ласкам, а, напротив, сама подвигалась к нему ближе, дурманила его своими духами и гладила по голове. Другой рукой подливала в бокалы шампанское.

Сычугов пил, но не пьянел. Нина Константиновна нервничала. Поглядывала на часы. Ласки Сычугова становились все назойливее и грубее.

— Душно! — в изнеможении сказала она. — Можно открыть окно? — Пожалуйста. Я сейчас... — поднялся Сычугов.

— Сидите. Я сама! — и Нина Константиновна быстро подошла к двери, выходящей на балкон.

Раскрыла дверь и увидела в уголке балкона темную, свернутую клубком фигуру человека.

— Виктор, вы? — шологом спросила она.

— Я, Ольга Владимировна.

Присутствие Виктора ободрило Ольгу, и она уже смело вошла к Сычугову.

Как не старалась она опонить Сычугова вином, он не пьянел. После ужина Сычугов предложил Ольгу осмотреть его покои.

Долго водил по комнатам. За ними безшумно, как кошка, прятая за портьеры, шел Виктор.

Дошли до спальни.

Сычугов, вдруг, грубо, сильными руками схватил Ольгу и бросил ее на кровать, но в это время выскочил Виктор и чьм-то тяжелым ударил его.

Последний вскрикнул и тяжелой тушей упал на пол. Ольга смочила хлороформом носовой платок и положила его на лицо Сычугова.

Все это делалось быстро и безшумно.

На всякий случай Виктор перерезал провода.

Освещая путь маленьким электрическим фонарем, они направились в кабинет к несгораемому шкафу.

На счастье в замке стоял ключ, забытый Сычуговым.

Открыв тяжелую дверцу несгораемого шкафа, они быстро вынули все деньги и ценные бумаги, и, прислушиваясь к шороху, направились к балкону.

Было два часа ночи.

Редкие прохожие нарушали тишину улицы.

Виктор спустился с балкона в режонную лестницу.

Внизу ожидал Алексий.

Но только что Ольга стала спускаться вниз, как вдруг послышался в дверях балкона грозный голос.

— Вы куда?

Виктор даже не вздрогнул. Обернулся. Стоял дакей.

— Грабить? — наступала лакей на Виктора. — А в полицию не желаете?

Виктор спокойными шагами пошел к нему.

— Голубчик, не поднимай тревоги, коли жить хочешь! Какая тебе от этого польза? Награды ты не получишь, а такую скотину как Сычугов, негршно и огрбить. Вот теб, не считая, паче денег и заткнись. Молчи. Уходи скорее. При допросе скажи: знаю ничего не знаю, врать не вдалю. Пришел барин наш с замелью, нашего брата усадил. Ничего не видели. На эти деньги трактир или ресторан откроешь, будешь баринком, а не лакеем. Понял?

Слова Виктора были убедительными, но еще более убедил лакея увесистая пачка денег.

Махнув рукой, лакей, взяв деньги, скрылся во мрак Сычуговских покоев.

Виктор благополучно сошел вниз, где стоял в большой тревоге Ольга и Алексий. Но только что вышли из ворот дома, как к ним навстречу бросились с криком темные фигуры...

(Продолжение следует.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предыдущие номера с началом романа можно получить в конторх газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

22.

Студенты.

На Виктора и Алексия набросилась полиция. Не успели они опомниться, как руки их были скручены веревками.

Ольгу не тронули. Она быстро скользнула за угол дома. И когда полиция повела арестованных по темной глухой улице, Ольга незаметно, как тень, двигалась за ними и до физической боли голову ей мучил один вопрос.

— Как спасти?

Им грозила гибель. Выхода нтъ.

В кармане Виктора отмычки и деньги Сычугова. Неповержимы улики на лицо. Къ тому же еще узнают, что Виктор бжал из Х. тюрьмы. Тогда смерть. Что делать? Они скоро дойдут до полиции. Захлопнется дверь и не будет Виктора и Алексия. Какое несчастье, что нтъ Воеводина. Он сильный. Как деревьянные солдаты, раскидал-бы полицию... Но нтъ его, нтъ... — И в голос Ольги зазвенели слезы.

И вдруг... из-за темного угла, шумной толпой, переская дорогу Ольги с удалыми псами и гиками, слегка навесел, заломив лихо фуражки, вышли студенты. Высокие, коренастые, сильные. Добродушные. Видь у всх такой, что сейчас в огонь и воду.

Увидели Ольгу. Обожгла их своей необычайной красотой.

Сконфузились. Инстинктом красивой женщины она поняла, что искры ее красоты упали в их молодые сердца.

В голов Ольги мелькнула блестящая мысль, от которой сдвинулось легко и весело.

Она подошла к ним.

— Господа! — начала она слегка дрогнувшим чарующим голосом. — Помогите мн, пожалуйста...

— Мы готовы! Сейчас! — с мства в карьер воскликнули студенты, вспыхнув молодой ршимостью, а один из них, самый высокий и сильный, даже рукава засучил, почуяв, что без драки не обойтись.

— Спокойнѣ, мои милые! — счастливо улыбнулась Ольга. — Дѣло, вотъ какого рода. Видите впереди, какъ полиція ведетъ двухъ чело-вѣкъ.

— Видимъ.

— Эти люди — революціонеры, очень честные и благородные люди. Имъ грозитъ каторга или висѣлица. Надо ихъ спасти во чтобы-то не стало!

Студенты приготовились къ бою.

— Какъ? — спрашивали они. — Революціонеровъ поймали.

— Не дадимъ въ обиду.

— Айда, ребята.

И не успѣла Ольга еще что-то сказать имъ, какъ студенты лихо сорвались съ мства и побѣжали вслѣдъ полиціи.

Едва побѣвая, пошла за ними и она.

Полиція шла медленнымъ, раз-мѣреннымъ шагомъ.

Было безлюдно и тихо кругомъ.

Прслѣдуемые вошли подъ мрачную сѣнь старинной арки, когда студенты настигли ихъ.

Высокій студентъ съ засученными рукавами косоворотки незаметно подкрался къ одному городовому, другой ко второму, и остальные къ третьему.

Не успѣли городовые оглянуться на студентовъ, какъ быстро были схвачены дюжими руками, перевязаны кушачами и ремнями и повалены на мостовую.

Пробовали они закричать, но рты были быстро заткнуты носовыми платками.

Развязали руки Виктора и Алексия.

Тѣ отъ радости стали обнимать неожиданныхъ спасителей.

— Не насъ благодарите, а, вотъ, эту даму... — скромно отмалчивались студенты, указывая на Ольгу. — Она

намъ сказала, что вы революціонеры... А за революціонеровъ мы всегда стоимъ. По студенчески! Тепло распрощались и стали расходиться.

Черезъ часъ послѣ злополучнаго удара Сычуговъ очнулся.

Долго не могъ понять, что совершилось...

Мозгъ постепенно прояснялся.

Пока онъ поднимался съ пола, вошелъ лакей и дрожащимъ голосомъ сообщилъ.

— Баринъ... Бѣда... Мамзель-то ваша — воровка. Несгораемый шкафъ вашъ открытъ.

На полъ деньги разсыпаны. Поглядите, не обокрала ли она васъ?

Испугъ перекошилъ лицо Сычугова.

— Ограбленъ? Не можетъ быть?

Въ шкафу два милліона, не считая акцій, которымъ цѣны нѣтъ!

Блѣдный, онъ хватился за голову, и, поддерживаемый лакеемъ, пошелъ въ кабинетъ.

Невѣрными шагами подошелъ къ шкафу.

Перебралъ дрожащими руками деньги и бумаги, вдругъ опять схватился за голову, присѣлъ на полъ и закричалъ дикимъ крикомъ:

— Ограбили! Полиціи! Полиціи!

Лакей бросился къ телефону.

Черезъ полчаса прибыла полиція.

Осмотрѣвъ шкафъ, полиція, недолго медля, вызвала къ телефону еще нѣсколько городовыхъ и сыщиковъ и бросилась въ погоню за террористами...

(Продолжение следует.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Фантазия в двух частях).

(Президиум не имеет с началом романа можно получить в конторке газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

23.

Тайна конверта.

Крупная кража повлияла на Сычугова. Были нажаты все пружины. Полиция с ног сбилась, но преступники, как в бездну, канули. Целые ночи напролет Сычугов проводил в загородном ресторане „Огонек“.

Кутить напролет. Последнее время был с особенным отчаянием. Недавний скандал, разрыв его с высокопоставленными друзьями и знакомыми, кража, неудача в торговле, не могли не заставить тянуть мертвую чашу.

Страшен был Сычугов в пьяном виде.

Установится глазами в простран-

ство. Закроет лицо руками, и, вдруг, закричит отчаянным звериным воплем: Спасите... Спасите...

Какая видения посещали Сычугова? Дома он вел себя также странно.

Ночью он безумным вскакивал с постели и кричал в тишину тем же отчаянным криком. Криком зверя, настигнутого охотником.

На крик прибегал сын.

— Папа, что с тобой?

Сычугов испуганно прижимался к сыну:

— Она... Она... в бьоме!

— Кто она?

— Невеста... Святая... Вся в бьоме. Руки у нее длинные-длинные... К самому горлу тянутся.

Сын звонил по телефону к доктору.

Тот приходил, укоризненно выслушивал его, качал головой и серьезно совещался:

— Меньше употребляйте крепких напитков...

В ответ Сычугов криво улыбался и с каким-то злым сожалением говорил:

— Наплевать! Буду пить! Не один доктор мнѣ не поможет!.. Особенная у меня болѣзнь! — и послѣ короткаго молчанія, Сычугов загадочно добавлял:

— Мнѣ-бы на каторгѣ полѣзть надо... Безпутным русским людям она на манеръ теплыхъ заграничныхъ водъ-съ.

Докторъ пожималъ плечами и, когда уходилъ, то шепталъ сыну:

— Вы меня пригласили по ошибкѣ. Вашему папашѣ нуженъ врачъ-психиатръ.

Между тѣмъ надъ домомъ Сычугова все больше и больше сгустились зловѣщія тучи.

Однажды Сычуговъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ.

Въ дверь постучали.

— Войдите.

Вошелъ лакей и подалъ ему пакетъ, запечатанный тремя черными печатками. Дѣл печати наверху, и одна подъ ними. Какъ темныя впа-

дины черепа. Этотъ небольшой запечатанный конвертъ не былъ вскрытъ, но уже вдушалъ ледяной ужасъ, словно тамъ, кѣмъ-то, изрекался ему, Сычугову, смертный приговоръ.

На лбу выступилъ холодный потъ. Дрожащими руками онъ вскрылъ конвертъ и съ видомъ человека, глядящаго въ черную пропасть, съ содроганіемъ и тревогой впился въ блѣлый листъ бумаги...

Торжествующе злобно глянувъ съ бумаги жуткая печать. Треугольникъ.

Въ треугольникъ черепъ на скрещенныхъ костяхъ и крупныя, лигатурно выведенныя слова.

— Возмездіе. Ирина.

Сычуговъ поблѣднѣлъ, схватился за сердце и потерялъ сознание.

Гдѣ-бы Сычуговъ не былъ, что-бы онъ не дѣлалъ, его мозгъ и сердце жгла мысль:

Гдѣ-же это возмездіе?

Днемъ онъ шелъ крадучись, озираясь, какъ безумный. Малодого, встрѣчнаго онъ принималъ за того, кто убьетъ его... Вся радость жизни была отравлена. Онъ былъ похожъ на человека, приговореннаго къ смертной казни.

Не знающій срока смерти, Сычуговъ боялся быть одинъ. Изъ каждой углы, окна, дверей и даже изъ каждой тарелки и стакана глядѣла на него оскаленная смерть.

Днемъ онъ мечталъ о ночномъ вою:

— Засну. Забуду.

Наступала ночь. Но приходили черныя кошмары, посѣщали жуткія видѣнія, что-то вращалось въ хвостомъ поту и съ жуткимъ шумомъ восхожденія на небо.

Сычуговъ осунулся. Поблѣднѣлъ. Вспотнѣлъ сталъ доглаголиваться. Но въ тѣхъ двойныхъ страдахъ и преслѣдованіяхъ въ винѣ, изъ которыхъ еще страшнѣе... Смерть шла по пятамъ. Онъ чувствовалъ, какъ подходит она къ нему. Ладони его души сводили могильнымъ дыханіемъ, тянеть въ горлу косящая цѣпкая рука, задыхать его, хочетъ...

— Вннн! — кричалъ онъ, выходя изъ себя. — Какъ можно больше вина! Провите отъ меня Крррррр! — И-пиль-пиль...

Сычуговъ, опустивъ на письменный столъ голову, забылся въ легкой дремѣ, попенногу перешедшей въ крепкій сонъ.

Въ двери стучали.

Сычуговъ не просыпался.

Постучали еще разъ и, убѣдившись, что онъ спитъ, рѣшили открыть дверь.

Вошелъ лакей.

— Баринъ, а баринъ... — шевелилъ его лакей. — Проснитесь. Полиция къ вамъ пришла...

Сычуговъ вскочилъ. Блѣдность покрыла его лицо. Въ глазахъ изображалось столько ужаса, что лакей отъ страха подался назадъ, но потомъ окомился и подалъ ему стаканъ воды.

Зубы Сычугова стучали по краю стекла.

Нежного взялъ себя въ руки, нежно улыбнулся и попробовалъ казаться спокойнымъ, но ничего не вышло. Гримаса страха исказила его лицо.

— Пусть войдутъ... — едва слышно прошепталъ онъ, усаживаясь въ кресло.

Черезъ нѣсколько секундъ, показавшихся Сычугову за вѣчность, въ кабинетъ вошла полиція во главѣ съ судебнымъ слѣдователемъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Продолжение романа с начала романа можно получить на конторке газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

24.

Арест Сычугова.

— Мы к вам в гости г. Сычугов! — мягким приятельским голосом заговорил следователь, усаживаясь напротив Сычугова.

— Милости просим! — поблѣднѣвъ, отвѣтил тотъ, едва удерживая бѣшеное бѣшеніе сердца и продолжая стоять передъ полиціей на вытяжкѣ, какъ солдатъ.

— Да вы садитесь, дорогой мой! — милостиво разрѣшилъ следователь. — Къ чему между хорошими друзьями официальный тонъ. Вѣдь мы съ вами не разъ встречались у т-те Розз... Хе-хе-хе, и въ вертепѣ „Огонекъ“... Изволите помнить?

Дружескій, совсѣмъ нестрашный тонъ следователя ободрилъ Сычугова и онъ уже съ облегченнымъ сердцемъ подумалъ. — Въ визитѣ полиціи ничего нѣтъ страшнаго... — и вполнѣ успокоенный Сычуговъ сѣлъ и устремилъ глаза на следо-

вателя и спокойнымъ тономъ спросилъ его:

— Вы, надѣюсь, по поводу кражи? — Нѣтъ-съ, г. Сычуговъ. Совсѣмъ по малозажному дѣлу.

Тѣни испуга опять пробѣжали по лицу Сычугова.

— Такъ что-же вамъ нужно?

— Я хотѣлъ спросить, — началъ следователь, разсматривая свои холеные блестящіе ногти, — каково ваше мнѣніе о выступленіи нѣкоего господина на вашей серебрянной свадьбѣ. Не правда-ли, онъ оскорбилъ васъ самымъ незаслуженнымъ образомъ?

При этомъ следователь устремилъ на Сычугова острый, всепроникающій взглядъ, отъ котораго было неловко, притуплялись мысли и тяжѣлъ языкъ.

— Мнѣ было очень тяжело... тогда... — черезъ силу говорилъ Сычуговъ.

— Конечно, тяжело. Такая грязь. Такое страшное подозрѣніе. Мнѣ кажется, этотъ господинъ былъ психически-ненормальнымъ. А скажите, когда вы уходили изъ квартиры Ирины Зиминной, вамъ никто, тогда, не встрѣтился на улицѣ?

— Всѣхъ не безъ грѣха! — угѣшала лукавая соблазнительная мысль. — Устѣю еще покаяться. Лучше подѣлю глубокую старость въ монастырѣ пойти... Зачѣмъ на свою голову позоръ принимать?

И прежнее, сычуговское, животное и упрямое встало въ глазахъ его.

— Не выдамъ себя! — рѣшилъ онъ, задывая въ душѣ огни раскаленія.

Судъ надъ Сычуговымъ — цѣлая сенсация.

Съ ранняго утра непрерывное шествіе людей къ зданію суда.

Среди нихъ представители арестократіи, литературы, коммерческаго міра и другіе.

На судѣ выступаютъ яркія свѣтила адвокатуры.

Вводятъ подсудимаго.

Въ многоголовой и разношерстной толпѣ шумъ, похожій на морской приливъ.

Въ шумѣ — негодованіе, смѣхъ, презрѣніе и брань по адресу подсудимаго.

Сычуговъ вошелъ смѣло и прямо. Въ глазахъ спокойствіе и непоколебимость. Весь видъ его говорилъ: зачѣмъ меня беспокоятъ? Это недоразумѣніе, которое сейчасъ выяснится.

Прозвучалъ четко и внушительно голосъ пристава:

— Судъ идетъ.

Встала тишина.

На всѣ вопросы Сычуговъ отвѣчалъ разумно и ясно.

Не успѣвъ Сычуговъ опомниться и разобраться въ этомъ вопросѣ, предложенномъ съ такой мягкостью и небрежностью, какъ уже отвѣтилъ:

— Никого...

И когда произнесъ это роковое слово, понявъ, что онъ попался, проговорился, и теперь для него все кончено. Хотѣлъ было поправиться, но было поздно. А следователь продолжалъ допрашивать, сколько дней онъ пробылъ въ Нарвѣ, гдѣ останавливался, когда ухалъ...

Сычуговъ машинально, безразличнымъ тономъ, устремивъ въ пространство мутный взглядъ, отвѣчалъ следователю.

— А теперь, г. Сычуговъ — сказалъ следователь, поднимаясь съ кресла съ той-же мягкой пріятной улыбочкой, словно приглашая на веселую попойку, — пойдете съ нами. Мы хотимъ принять всѣ мѣры, чтобы облить васъ. Снять съ вашего дома ужасное подозрѣніе, брошенное неизвѣстнымъ господиномъ на вашей серебрянной свадьбѣ.

Сычуговъ не протестовалъ. Позвалъ лакея. Попросилъ шляпу, пальто и трость и пошелъ съ полицей.

Въ этотъ день онъ былъ заключенъ подъ стражу.

И такъ надъ домомъ Сычугова разразилась гроза.

Много передумавъ онъ въ одиночной каменной камерѣ. Всю свою жизнь перебралъ и много нашелъ

въ ней мерзкаго, животнаго, грѣховнаго.

Ночью вставалъ съ жесткой постели, становился на колѣни и молился Тому, Котораго ни разу не вспоминалъ и не хотѣлъ о Немъ думать.

— Господи! — шепталъ онъ, обливаясь слезами. — Я скажу судьямъ: Виновенъ. Судите меня. Я пойду на каторгу. Прости меня. И Сычуговъ думалъ о каторгѣ и жаждалъ ея.

— Тамъ найду исцѣленіе. Тамъ очищу свою душу.

Подъ наплывомъ этой мысли легко было на душѣ Сычугова, онъ не боялся суда и ждалъ его.

Но приходили къ нему жена, сынъ, дочь, хорошіе друзья и знакомые, лучшіе русскіе адвокаты и своими совѣтами, слезами, увѣщаніями сбивали его съ пути покаянія.

— Ради Бога не говори ничего лишняго! — плакала жена. — Помни о насъ. Ты обрекаешь насъ на позоръ.

— Папа, если былъ грѣхъ, — угораздило сына, — не сознавайся. Не ты первый, не ты послѣдній. Мало ли что въ жизни бываетъ.

— Основательныхъ уликъ противъ васъ нѣтъ! — увѣщевали адвокаты. — Вы будете оправданы, говорите ради Бога: Я невиновенъ. Не въ нашъ вѣкъ, милѣйшій, разыгрывать Раскольниковыхъ. По совѣсти разобраться, всѣхъ насъ надо на каторгу, ибо всѣхъ не безъ грѣха.

Металась душа Сычугова между двухъ огней и не знала, что дѣлать.

— Вѣдать не вѣдаю. Знать ничего не знаю.

— А вы, кажется, проговорились следователю, что, когда уходили изъ квартиры Ирины Зиминной, вы никого на улицѣ не встрѣтили? — спросилъ его прокуроръ.

— Я этого не говорилъ! — твердо отвѣчалъ Сычуговъ. — А если и говорилъ, то не отдавалъ себѣ отчета потому, что былъ въ страшномъ похмѣльи, и не понималъ обращенныхъ ко мнѣ вопросовъ.

Послѣ горячій увѣдательной рѣчи прокурора, въ которой онъ талантливо и сильно изобразилъ грязную душу Сычугова, чистую душу дѣвушки Ирины и того рыцаря невѣдомаго, по всей вѣроятности жениха ея, который не побоялся публично обвинить Сычугова, раздался такой оглушительный и дружный громъ аплодисментовъ, что Сычуговъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

Выступила защита, которая не менѣе талантливо и красочно оправдывала Сычугова, называя его жертвой недоразумѣнія.

И также, какъ прокурору, толпа, жадная до красивой мишуры словъ, аплодировала знаменитому адвокату.

Послѣ совѣщанія присяжныхъ за сѣдателями былъ вынесенъ приговоръ.

— Не виновенъ!

Толпа молча расходилась. Родные и знакомые поздравляли Сычугова.

Сычуговъ былъ мраченъ и послѣ суда, не звѣзжая домой, поѣхалъ кутить въ „Огонекъ“...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

25.

Черезъ годъ.

Прошелъ годъ. Также сіяла лѣтняя земля, также смѣялось солнце и также пѣли въ лѣсахъ и садахъ птицы.

Безъ особыхъ перемѣнъ шла жизнь въ Нарвскихъ подземельяхъ.

За годъ много было совершено во всѣхъ концахъ Россіи террористическихъ актовъ, удачныхъ экспроприаций, много было столкновений съ полиціей. Безпошадно мстили революціонеры сильнымъ міра сего. Слава о смѣлости и неустоимости Воеводина разносилась революціонерами по всей Россіи.

Неутомимая, нервная, полная тревогъ и смертельной опасности,

жизнь отразилась и на Воеводинѣ. Шесть лѣтъ провелъ онъ въ подземельяхъ. Изъ румянаго, пышущаго здоровьемъ юноши онъ превратился въ зрѣлаго, преждевременно осунувшагося. Лицо стало блѣднымъ. Временами нервная судорога сводила его лицо. Появилась раздражительность. Но несмотря на это, онъ остался красивъ и глаза его сохранили прежнюю глубину и загадочное человѣческое страданіе.

Оправдательный вердиктъ, вынесенный судомъ мерзавцу Сычугову, какъ громомъ поразилъ Воеводина и еще больше озлобилъ его противъ людей.

Послѣ суда Воеводинъ мстилъ.

Жестоко мстилъ всѣмъ богачамъ, всѣмъ прожигателямъ жизни. Не трогалъ только тѣхъ, кто славился своимъ человѣколюбіемъ. Разгромы

банковъ, сейфовъ и квартиръ были всероссійской злобой дня.

Грабилъ Воеводинъ съ лихими своими товарищами и награбленное щедрой рукой раздавалъ бѣднымъ съ тѣмъ-же напомниманіемъ: Молитесь за Ирину...

И не было угла, гдѣ-бы не проносилось среди бѣдноты имя Ирины, какъ святой...

Полиція была безсильна. Никакіе Путилины не могли поймать лихую шайку революціонеровъ.

Были изслѣдованы всѣ углы Нарвскихъ подземелий и не могли найти слѣда въ ихъ убѣжищѣ.

Послѣ суда Сычуговъ немного успокоился. Дѣла его поправились и онъ съ прежней быстротой сталъ подниматься въ гору. Совѣсть его пока не беспокоила.

Онъ усыплялъ ее:

— Меня оправдалъ судъ... Всѣ не безъ грѣха.

Ночи стали спокойными. Кошмары ушли. Налаживалась прежняя красивая жизнь. Всѣ тѣ, кто избѣгалъ его послѣ серебряной свадьбы, нашли опять дорогу въ богатый хлѣбосольный домъ Сычугова и по прежнему зазвучала музыка му-

зыкальныхъ и литературныхъ знаменитостей.

Сычуговъ въ глубинѣ души благодарилъ судъ, помогшій ему облить себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Богатства его увеличивались, связи налаживались, репутація честнаго человѣка возстановилась.

Жить да радоваться, и вдругъ въ одинъ изъ дождливыхъ лѣтнихъ дней, когда онъ собирался съ визитомъ къ графу Смыслову, ему подали письмо...

Распечаталъ, взглянулъ и поблѣднѣлъ:

На блѣломъ листѣ торжествующе злобая печать. Треугольникъ. Въ треугольникъ черепъ на скрещенныхъ костяхъ и крупная, каллиграфически выведенная слова:

— Возмездіе. Ирина.

Онъ зашатался. И если бы не поддержалъ его лакей, рухнулъ бы на камни мостовой.

О визитѣ къ графу не приходило и думать.

Прежняя тѣма вошла въ душу и погасла въ глазахъ Сычугова вся радость жизни...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

26.

Начало безумія.

Воеводинъ мстилъ Сычугову. Разъ въ недѣлю онъ посылалъ ему конвертъ съ тремя черными печатями, въ которомъ тѣ-же короткія слова: „Возмездіе. Ирина“. Местъ была самой жестокой. Все время онъ держалъ Сычугова въ смертномъ страхѣ.

Не зная часа возмездія, Сычуговъ съ каждымъ днемъ худѣлъ, нервничалъ, ничего не ѣлъ, становился подозрительнымъ, до крайности раздражительнымъ. Ночи его по прежнему были полны кошмаровъ. Ни одинъ докторъ не могъ опредѣлить причины его болѣзни, но были увѣрены, что Сычуговъ неуклонно идетъ къ безумію.

Сынъ Сычугова Георгій, пользуясь болѣзненнымъ состояніемъ отца, проматывалъ деньги. Жена Сычугова сошлась съ какимъ-то зауха-

лымъ артистомъ, и также убивала на него большія средства. Дочь Татьяна совсѣмъ отошла отъ родителей и уѣхала съ мужемъ—композиторомъ въ Италію, гдѣ и жили скромно. За послѣднее время Вершининъ написалъ композицію „Душа земли“, которая дала ему крупное имя.

Безуміе къ Сычугову приближалось.

При появленіи лакея съ жуткимъ письмомъ съ тремя черными печатями, онъ начиналъ въ ужасѣ пятиться отъ него и голосомъ безумія спрашивалъ:

— Не надо... не мучь!—и старался разорвать конвертъ, но какая-то непреодолимая сила тянула раскрыть его и прочесть до жутки знакомыя слова: „Возмездіе. Ирина“.

— Гдѣ-же это возмездіе?—въ отчаяніи хватаясь за волосы, спрашивалъ Сычуговъ и пуливно озирался по сторонамъ, и ждалъ, что вотъ, вотъ кто-то грозный, мстительный похожій на того въ маскѣ, который, когда-то, въ грозовую

ночь пришелъ къ нему и обличилъ его, всесильнаго Сычугова, котораго даже судъ оправдалъ.

— Судъ оправдалъ...—шепталъ онъ:— Судъ оправдалъ, а совѣсть не оправдываетъ. Ай, какъ жгетъ она меня, какъ мучаетъ и какъ пугаетъ! Ха-ха-ха... Совѣсть? Помогите мнѣ поймать ее за хвостикъ—хехе-хе... и убить. Многие она себѣ позволяетъ! Я невиновенъ. Нѣтъ-съ. Тра-ля-ля—тра-ля-ля... Со святыми упокой... Ирина, дѣточка моя, поцѣлуй меня!... О! А-ай! Уйди... Въ блѣломъ саванѣ опять идетъ ко мнѣ... Руки длинныя... за горло меня... Помогите!

Прибѣгала на крикъ прислуга, усаживала барина, укладывала его въ постель и до разсвѣта слышала какъ метался онъ въ постели и своимъ дикимъ крикомъ наводилъ на всѣхъ страхъ.

Поздней ночью по направленію секретнаго хода въ Нарвскія подземелья, шелъ юноша Сережа Звонцевъ, недавно вступившій въ партію террористовъ. Шелъ и беззаботно напѣвалъ пѣсню, не замѣчая, какъ по его слѣдамъ шла скорбленная унылая фигура посадскаго, слегка выпившаго.

Сережа не обращалъ на него вниманія, а посадскій не спускалъ съ него взгляда. Когда Сережа, оглядываясь на него, посадскій притворялся пьянымъ и шелъ мед-

ленной пьяной походкой, но когда онъ не смотрѣлъ на него, посадскій прибавлялъ шагъ и продолжалъ зорко слѣдить за нимъ.

Сережа дошелъ до секретнаго подземнаго хода, скрытаго въ кустахъ репейника и дикой малины, выдвинулъ камень и юркнулъ въ подземелье.

Минутъ черезъ пятнадцать къ этому-же самому мѣсту подошелъ и посадскій, въ лохмотьяхъ котораго скрывался самъ Путилинъ, онъ хитренько улынулся и также спустился въ подземелье.

Никѣмъ незамѣченный онъ прошелъ громадный лабиринтъ подземнаго хода, внимательно осматриваясь и запоминая каждый камень, и наконецъ дошелъ до какой-то стѣны, за которой слышались разговоры. Острымъ сыщицкимъ чутьемъ угадалъ какъ эта стѣна раздвигается и какъ удобнѣе попасть въ подземелье.

Осмотрѣвъ все, что было необходимо, Путилинъ тѣмъ-же путемъ вышелъ на улицу...

Въ полицію подъ предѣлительствомъ Путилина состоялось собраніе, на которомъ рѣшено было надѣяться арестовать террористовъ съ такимъ трудомъ разыскиваемыхъ долгое время.

Срочно были вызваны на помощь изъ Петербурга еще нѣсколько человѣкъ сыщиковъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Продолжение романа с началом романа можно получить в конторке газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

27.

Вой собаки.

Ночью, когда террористы сидели у камина, курили и разговаривали, неожиданно, вдруг, завывала собака Вэтер.

Быль жуток этот вой во мгильной тишине подземелья.

Ольга вздрогнула:

— Никогда не было страшно. Никого не боялась, а этого воя боюсь... Вэтер... цыц! Замолчи! — нервно прикрикнула она на собаку.

Вэтер посмотрел на нее умными, печальными глазами, на минуту глядя в темное пространство.

— Замолчи! — кричали на него. — Чорт знает, что такое. Душу всю развораживает...

Воевдин подошел к собаке и, глядя ее, ласково, как с человеком, разговаривал:

— Что с тобой, милый? Не

врага-ли чувствуешь? Не смерть-ли намъ накликаешь?

Собака лизала руки Воеводина и прижималась к нему.

— Не к добру собака воет, ой, не к добру... — заметила Вэра.

— Глупости! — возражали ей. — Просто на просто собака тоска. По любви тоскует...

— Неправда! — говорил Воевдин. — Намъ грозит, вэра, какая-нибудь опасность. Собака — чуткое животное. Она предупреждает насъ. Вы посмотрите, какъ внимательно она всматривается въ дверь, какъ настораживается при малейшемъ шорохе.

Собака выла.

Какъ не старались обращать внимания на ее вой, въ душу закрадывалась тревога.

Инстинктивно, словно чужую опасность, террористы жались одинъ к другому и старались говорить шепотомъ.

Вдругъ, слуха коснулся тихий шорохъ, словно прошуршали мыши.

Вэтер смолкъ. Насторожился и зарычал.

— Товарищи! — тихо скомандовалъ Воевдин: — къ оружію!

Неслышно, словно привидѣнія, они сошли съ мѣста и взялись за оружіе.

Опять насторожились. За стѣной кто-то царапался.

Упалъ камень.

— Опасности!

— Будьте наготовѣ.

Террористы приготовились къ нападенію.

Вэтер неистово залавля, бросаясь на дверь.

Къ крайнему удивленію террористовъ, стѣна, вдругъ, заколебалась и глазамъ ихъ предстала вооруженная полиція.

— Руки вверхъ! — крикнулъ Путилинъ.

Со стороны террористовъ раздался выстрѣлъ.

Это послужило сигналомъ къ нападенію.

Полиція также отвѣтила выстрѣлами.

Подъ пулей падали какъ съ одной стороны, такъ и съ другой.

Но, несмотря на упорство и отчаянное сопротивление террористовъ, силы ихъ подъ давленіемъ полиціи падали.

Сраженные пулей лежали Енисей, Вэра, Химикъ и Алексѣй.

Оставшіеся въ живыхъ дрались отчаянно.

Быль моментъ, когда Воевдин загналъ полицію къ выходу, но въ это время появились на помощь полиціи свѣжія силы городовыхъ и солдаты.

Положеніе было критическимъ. Выхода не было.

Оставалось что нибудь изъ двухъ: сдаться или пустить пулю въ лобъ.

Но въ это время подошелъ Викторъ и шепнулъ:

— Отступай къ стѣнѣ... Я откроемъ тайную входъ...

Воевдинъ въ свою очередь предупредилъ Ольгу.

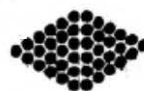
Стали отступать.

И когда на нихъ, сокрушающей лавой шла полиція и хотѣла обезоружить ихъ, въ это время и раздвинулся тайной входъ, оставшіеся въ живыхъ террористы къ досадѣ полиціи, скрылись въ его тайныя глубины нѣдра.

Какъ ни старалась полиція найти секретъ тайной стѣны, но не могла, и, переругиваясь, направилась къ выходу.

Путилинъ былъ внѣ себя от досады и гнѣва. Но все-же онъ былъ доволенъ этимъ нападеніемъ, такъ какъ въ его руки попали важные документы террористовъ.

(Продолжение слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Продолжение романа с началом романа можно получить в конторке газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

28.

Разлука.

Для партіи революціонеровъ все было кончено. Оставшіеся въ живыхъ запаснымъ подземнымъ ходомъ, убѣгая отъ полиціи, вышли къ лѣсу.

Въ золотѣ и пурпурѣ занималось утро. Въ просвѣтахъ деревьевъ огнистымъ шаромъ вставало солнце.

Наступалъ радостный свѣтзарный день, но было тяжело и сумрачно въ душахъ революціонеровъ.

Долгое время шли молча, съ опущенными головами, и только Викторъ слегка дрогнувшимъ голосомъ нарушилъ тягостное молчаніе:

— Товарищи... Намъ надо разойтись... Полиція не дремлетъ. Въ Россіи намъ оставаться нельзя... По два, по три человѣка мы должны тайкомъ перебраться за границу. Здѣсь смерть. Здѣсь крушеніе всего нашего дѣла.

— Надо разойтись...

Поднималось солнце новаго дня, когда революціонеры, едва удерживая слезы, спѣшно прощались другъ съ другомъ.

Въ моментъ прощанія мало было произнесено словъ, но когда въ послѣдній разъ обнимались и крѣпко пожимали другъ другу руки, то передъ ними встала вся жизнь подполья, полная опасностей, риска,

горя и радости, встали лица убитыхъ товарищей, и было жаль этой жизни.

Распрощались и разошлись своими дорогами. Долго оглядывались и въ глазахъ стоялъ скорбный пылливый вопросъ:

— Увидимся-ли? Не сразитъ-ли насъ также пуля полиціи, какъ тѣхъ, что лежатъ сейчасъ въ Нарвскихъ подземельяхъ?

Ольга плакала. Градомъ катились слезы по ее прекрасному, блѣдному лицу. Долго махала она платочкомъ удаляющимся, посылая прощальный, тихій материнскій привѣтъ, хотѣла благословить ихъ, но сдержалась...

Воевдинъ, низко опустивъ голову, тяжело думалъ, сдвинувъ свои черныя брови, изрѣдко взглядывалъ на плачущую Ольгу, и вотъ тутъ-то, въ тягостную минуту прощанія, увидѣвъ заплаканную Ольгу, душу его озлобленную людьми, но прекрасную женственную, онъ почувствовалъ къ ней жалость, и было желаніе сбѣжать ее отъ всѣхъ опасностей.

Онъ взялъ ее за руку, и безъ словъ бережно повелъ на новую дорогу къ иной жизни.

За ними шелъ Викторъ и Вэтеръ. Ночью рѣшили перебраться за границу Россіи.

Радостнымъ, солнечнымъ возшелъ голубой день.

Къ обѣду они подошли къ маленькой избѣ на берегу небольшого озера, гдѣ и рѣшили отдохнуть и закусить.

Вышла навстрѣчу хозяйка избы — молодая краснощекая женщина и съ милымъ русскимъ радушіемъ пригласила въ избу.

Но не успѣли они сѣсть за столъ, какъ за избой послышался топотъ лошадей.

Заглянули въ окно и въ ужасѣ отпрянули: на взмыленныхъ лошадяхъ мчалась полиція.

Хозяйка вышла на крыльцо.

— Скажи, красавица, не видала-ли ты преступниковъ? — спросилъ полицейскій. — Одинъ изъ нихъ — этакій красавецъ писанный. Высоченнѣй. Съ ними еще женщины, также необыкновенной красоты?

Хозяйка отвѣтила, кланяясь въ поясъ:

— Видала, голубчики, видала. Какъ не видать... Скорѣе поѣзжайте къ тому березовому лѣсу, что виднѣется за околѣею. Недавно туда проѣзжали... Скорѣе бѣгите, родимые... Ловите душегубовъ.

Полиція поблагодарила женщину и, поднимая облако пыли, помчалась къ лѣсу.

Когда вошла хозяйка въ избу, Воевдинъ, Викторъ и Ольга не знали, какъ отблагодарить ее за спасеніе.

Хозяйка конфузливо отмахивалась руками.

— Не надо, голубчики. Не надо. По лицамъ вашимъ вижу, что хороше вы люди. А вы кушайте на здоровье. Не бойтесь теперь. Изъ лѣса полиція сюда больше не придетъ. А на всякій случай я вамъ на чердакъ постельку приготовлю. Отдохните болѣзненные. Устали поди? Не хотѣлось скоро уходить изъ этой уютной избы, отъ ласковыхъ

глазъ гостепріимной хозяйки. До ночи рѣшили переночевать въ избѣ, а потомъ опять — въ дальнюю опасную дорогу.

Самоубійство.

Въ то время, когда Воевдинъ, Викторъ и Ольга переходили границу, Сычуговъ кутилъ во всю русскую ширь и безобразіе въ ресторанѣ „Огонекъ“.

Никогда въ своей жизни Сычуговъ такъ не бросалъ деньгами какъ въ эту ночь и никогда не вѣлъ себя такъ дико и странно.

Въ самый разгаръ кутежа, онъ къ удивленію и ужасу, поднялся изъ за стола, опустивъ на колѣни и, цѣлуя ноги присутствующимъ рыдающимъ голосомъ, среди тишины, закричалъ:

— Простите меня! Это я, Сычуговъ, изнасиловалъ Ирину Зимину. Чистую, святую дѣвушку. Это я огнялъ ее отъ хорошаго человѣка студента Воеводина... Простите меня...

Не успѣли отзвучать послѣднія слова Сычугова, какъ онъ вдругъ рѣзко перемѣнился, быстро поднялся и, блѣдный, трясущійся, съ блуждающимъ мутнымъ взглядомъ крикнулъ:

— Всѣ вонъ!! Оставьте меня одного! И, когда всѣ въ испугѣ разбѣжались, черезъ нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ.

Это оборвалъ свою грѣшную жизнь Сычуговъ.

Местъ свершилась...

(Продолжение слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предидущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

29.

Конецъ пути.

Россия, любовь, радость и страдание остались позади.

Долго смотрѣли въ синюю даль, въ которой лежала Россія. Россія, которая ласкаетъ и бичуетъ, лелеетъ и разбиваетъ души. Странная, мистически загадочная страна. Вся исторія ея, весь путь — страшное грѣхопаденіе и великое возстаніе. Скитъ и грѣховный Вавилонъ, разбойники и праведники, Богъ и Дьяволъ. Странное загадочное совмѣщеніе. Къ худу-ли или къ добру наша русская двойствен-

ность, наше пріятіе Свѣта и тьмы, Бога и дьявола?

Вотъ, лежишь ты въ голубой своей колыбели! — думалъ Воеводинъ, глядя на оставленную русскую землю, — и чувствуешь, какъ оторвались отъ твоей груди безпкойный твои дѣти? Всплакнешь-ли о насъ? Вспомнишь-ли? Примешь-ли? Не по своей винѣ, родная, бѣжимъ отъ твоихъ ласкъ, твоего уюта, твоихъ баюкающихъ пѣсень? Гонятъ насъ злые наши братья! Если огорчили тебя, прости и благослови.

Тихо стояли Воеводинъ, Викторъ и Ольга. Молчали, но каждому было понятно чѣмъ была переполнена душа каждого. Даже и Вѣтеръ

присмирѣлъ, чужая святость и чистоту ихъ думъ.

Всѣ трое остановились въ Данцигѣ, на одной изъ глухихъ чистенькихъ нѣмецкихъ улицъ.

Викторъ, пылая жаждой къ революціонной работѣ, быстро отыскалъ партію русскихъ революціонеровъ — эмигрантовъ и примкнулъ къ нимъ.

Воеводинъ и Ольга жили отдѣльно отъ Виктора и пока не думали принимать участія въ революціонной работѣ. Тянуло въ тишину, въ домашній уютъ.

Жили вмѣстѣ, какъ родные, заботясь другъ о другѣ.

Материнскія заботы Ольги трогали Воевину и напоминали Ирину.

Благодаря тѣмъ денежнымъ средствамъ, какія удалось спасти, жили безбѣдно. Изъ Россіи шли пріятныя новости. Въ газетахъ много писали о самоубійствѣ Сычугова и о тѣхъ покаянныхъ словахъ, какія онъ произнесъ передъ смертью. Общественное мнѣніе и газеты выражали вниманіе и любовь къ Воево-

дину, невинно оклеветанному и осужденному за чужое преступленіе. Будущее улыбалось Воеводину и закигало надежду на возвращеніе въ Россію.

И только забота объ Ольгѣ не позволяла ему вернуться въ родимый мѣста. Ольга — бывшая террористка, которую разыскиваетъ полиція. Тамъ ей — смерть... Оставить ее одну, здѣсь? Не было силъ.

За это время какія-то неудовольствія родственныя нити соединили ихъ души, и одна мысль о разлукѣ съ ней заставляла мучительно сжиматься сердце. Въ душу Воеводина входило то же самое чувство, какое испытывалъ онъ при встрѣчѣ съ Ириной.

Все чаще и чаще сталъ думать о ней. Въ ея присутствіи уходила злоба на людей, забывались ась покупки и до сихъ поръ не возвращалась.

Ольга женскимъ инстинктомъ чувствовала переѣмъ въ Воеводинѣ и свѣтлая радость охватывала ее душу...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предидущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

30.

Въ царствѣ вѣчнаго покоя.

(Окончаніе).

Когда отшумитъ дневной городъ и хрустально-прозрачный вечеръ осени строгими льдисто-голубыми сумерками окутаетъ Данцигъ, Воеводинъ и Ольга любили уходить за городъ, въ маленький лѣсокъ, и съ тихой русскою печалью слушать, какъ падаетъ золотой листь съ деревьевъ, смотрѣть, какъ угасаютъ яркія краски осенняго заката и думать и вспоминать подъ ворожбу вечерняго лѣса.

Въ осенніе вечера съ особенной тоской вспоминалась покинутая русская земля, правда, жестокая и немилостивая къ нимъ, но любимая, дорогая по своимъ воспоминаніямъ.

Тамъ... за синими туманами, за домами, фабриками и церквами чужого города, подъ русскимъ осен-

нимъ небомъ — родныя могилы, оставленные друзья, цѣлая жизнь — страшная жизнь, полная страданій, смертнаго ужаса, неизжитыхъ болей.

И несмотря на все пережитое, Россія тянула ихъ къ себѣ, звала, наполняла душу неутоимой тоской.

— Оторвались мы отъ родины, взяли осенніе листь съ дерева, — думалъ Воеводинъ, поддерживая подъ руку Ольгу: — и когда увидимъ ее? Не упасть-бы на чужой дорогѣ и не умереть-бы одинокому и озлобленному, безъ ласки и привѣта родного человека.

Отъ послѣдней мысли было особенно холодно и страшно, и только сознаніе, что Ольга любитъ его, понимаетъ и не броситъ его, ободряло и заставляло вѣрить въ хорошіе ласковые дни.

Въ такіе минуты Ольга видѣла его душу, слышала его думу, безъ словъ смотрѣла своими заботливыми глазами въ его тревожные глаза, словно говорила ему:

— Не бойся, милый. Измученный. Придетъ время и для насъ улы-

нется счастье. Не все-же жизнь будетъ гнать насъ, какъ осенній листь. Вѣрь, будетъ хорошо!

Далеко за полночь ходили они по лѣсу и тихо, въ тонѣ звѣздамъ, шептуну листьсамъ, думамъ ночного лѣса, мечтали о счастьѣ.

— Мы оба страдали. Нами много было пережито... — говорилъ Воеводинъ. — Черезъ страданіе только человекъ идетъ къ совершенному счастью... Уѣдемъ съ тобой, куда-нибудь въ глушь, въ горы, или на берегъ моря, найдемъ какую-нибудь работу и будемъ жить тихо-тихо безъ политики, города и людей... Такъ хочется тишины и ласки, хочется твоей ласки, милая Ольга...

Ольга обняла его.

— Любимый мой! Уѣдемъ, уѣдемъ, — сквозь слезы говорила она, — въ тихій покой... Будемъ заботиться другъ о другѣ. Вся наша молодость прошла безъ радости... Проклятые люди отняли у насъ эту радость. Уйдемъ отъ нихъ. Злые они. Ненавижу ихъ!

Въ душу Воеводина вошло прежнее счастье, вспугнутое десяти лѣтъ тому назадъ злобѣющимъ крикомъ совы въ стѣнахъ стариннаго замка и распотанное Сычуговымъ.

Но, ненадолго возшло это счастье... Черный воронъ-судьба опять кругами завился надъ головой Воеводина.

Однажды, въ одинъ изъ черныхъ дождливыхъ вечеровъ Воеводинъ сидѣлъ у ярко пылавшей печки, читалъ книгу и ждалъ Ольгу.

Часъ тому назадъ она ушла за покупками и до сихъ поръ не возвращалась.

Воеводинъ безпокоился.

Время шло.

За вечерними часами шла вѣтренная осенняя ночь.

Нѣсколько разъ Воеводинъ отрывался отъ книги, подходилъ къ окну, пристально всматривался въ черную жуткую тьму, но никого не было видно на безлюдной улицѣ.

Часы пробили полночь.

Воеводинъ вышелъ на улицу, прислушиваясь къ шагамъ прохожихъ, но Ольги не было видно...

— Что это такое? — блѣднѣлъ онъ. — Куда она ушла? Жива-ли?

Душу его, какъ и тогда, десяти лѣтъ тому назадъ охватило предчувствіе.

Онъ побѣждалъ по улицамъ въ надеждѣ ее встрѣтить.

Бѣжалъ безъ шапки, безъ пальто. Вѣтеръ развѣвалъ его волосы. Дулъ ледяной вѣтеръ, но Воеводинъ не чувствовалъ холода.

— Ольга! Любимая, гдѣ ты? — въ безумномъ отчаяніи кричала мысль.

Вдругъ, слуха Воеводина коснулось шумъ толпы.

Она стояла плотной массой около черного силуэта памятника и о чѣмъ то тревожно переговаривалась, на-

пирая другъ на друга, стараясь что-то разглядѣть.

Въ предчувствіи чего-то страшнаго Воеводинъ подбѣжалъ къ толпѣ, сильными руками растолкалъ людей и... увидѣлъ Ольгу...

Она лежала у подножія памятника въ лужѣ крови.

— Какой-то господинъ въ черномъ выстрѣлилъ въ нее... — говорилъ кто-то по близости.

Блѣдный, едва сдерживая истеричныя рыданія, Воеводинъ склонился надъ нею.

Ольга была тяжело ранена.

Подбѣхала карета скорой помощи, и Воеводинъ повезъ ее въ больницу.

Докторами были приняты всѣ мѣры, чтобы спасти Ольгу, но было поздно.

Она умирала.

У изголовья кровати, на колѣняхъ, стоялъ Воеводинъ и суровый, блѣдный, съ глазами полными слезъ смотрѣлъ въ ея тихо погасающіе глаза.

Послѣднія минуты Ольга была въ сознаніи:

— Иди за мной... измученный мой... — говорила она. — Тамъ... въ царствѣ вѣчнаго покоя... отдохнешь... усталый мой... Въ меня выстрѣлилъ изъ мести сынъ того садовника... котораго я убила... когда-то... Не ищи его... не надо... Надо уйти... въ то царство... при-
мернымъ... въ бѣлой покаянной

одеждѣ... Люди... люди... зачѣмъ по...о-губили... Ольгу... Я любила васъ... зачѣмъ сдѣлали меня жестокой?... Тяжело умирать молодой... не видя радости... не пришлось, милый, пожить въ глуши... тихо... тихо... приглубить тебя... усталаго... спѣть тебѣ колыбельную пѣсню?... Слушай... Спи... младенецъ мой... прекрасный... баю-шки-баю... Уйди-те люди... я прощаю васъ... Не подходите только ко мнѣ... Господи! Я очень страдала. Ты простишь меня, потому что тебѣ Самому вѣдомы страданія...

Вотъ... оно... царство вѣчнаго покоя... М-и-ш-а... любимый... поцѣлуй меня послѣднимъ цѣлованіемъ... Я тебѣ несла цвѣты и въ это время выстрѣлъ... Цвѣты, навѣрное, лежатъ на дорогѣ... ихъ растоптали... Цвѣты мои, бѣдные осенніе цвѣты...

И, когда рыдая, Воеводинъ поцѣловалъ ее послѣднимъ поцѣлуемъ, она тихо скончалась...

Врачи и сестры милосердія едва сдерживали слезы, уходили изъ палаты... И когда скрылись они за бѣлыми ея дверями черезъ нѣсколько минутъ, вдругъ, раздался револьверный выстрѣлъ.

Это оборвалъ свою жизнь Михаилъ Воеводинъ.

Василій ВОЛГИНЪ.

КОНЕЦЪ.

Об авторе

Василий Акимович Никифоров-Волгин родился 24 декабря 1900 (6 января 1901) в дер. Маркуши Калязинского уезда Тверской губернии в семье мастерового. Вскоре после рождения Василия семья переехала в Нарву. Будущий писатель закончил церковно-приходскую школу при Свято-Владимирском братстве. Служил псаломщиком в нарвском Спасо-Преображенском соборе (до весны 1932).

В 1920 году стал одним из организаторов «Союза русской молодежи» в Нарве, устраивающим литературные вечера и концерты. С 1923 года сотрудничал в нарвских газетах, где выступал с рассказами, статьями, очерками, этюдами, лирическими миниатюрами, подписываясь псевдонимом Василий Волгин.

В 1926-27 гг. вместе с С. Рацевичем редактировал «Новый нарвский листок». В 1927 на конкурсе молодых авторов в Таллинне получил первую премию за рассказ «Земной поклон». В том же году стал одним из учредителей русского спортивно-просветительного общества «Святогор», руководил литературным кружком общества (1930-1932). В 30-х годах совместно с Л. Аксом редактировал журнал «Полевые цветы» — орган русской литературной молодежи в Эстонии.

Никифоров-Волгин публиковался также в финляндских, таллиннских, рижских газетах и журналах (с 1935 — регулярный автор газеты «Сегодня»), был удостоен премии «Иллюстрированной России» за рассказ «Архиерей». Накануне 1936 года переехал в Таллинн, работал на судостроительном заводе. В таллиннском издательстве «Русская книга» выпустил сборники рассказов «Земля именинница» (1937) и «Дорожный посох» (1938).

В мае 1941 г. был арестован органами НКВД, с началом войны отправлен по этапу в Киров (Вятка). В августе 1941 г. был приговорен к расстрелу «за издание книг, брошюр и пьес клеветнического, антисоветского содержания». Расстрелян 14 декабря 1941 г. Реабилитирован в 1991 году.

Роман «Тайны нарвских подземелий» был впервые опубликован в 1926 г. в №№ 1-59 газеты «Нарвский листок». Исходные сканы выполнены библиотекой Тартуского университета. В оформлении обложки использована работа Л. Хиллера (1928).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.